DeepL

Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

RAND CORPORATION

Отчет об исследовании

ТИМОТИ Р. ХИТ, ВЕЙЛОНГ КОНГ, АЛЕКСИС ДЕЙЛ-ХУАНГ

Соперничество США и Китая в неосредневековом мире

Безопасность в эпоху ослабления государств

Для получения дополнительной информации об этой публикации посетите сайт www.rand.org/t/RRA1887-1.

О РЭНД

Корпорация RAND - это исследовательская организация, которая разрабатывает решения проблем государственной политики, чтобы помочь сделать сообщества по всему миру более безопасными и защищенными, более здоровыми и процветающими. RAND является некоммерческой, внепартийной и приверженной общественным интересам организацией. Чтобы узнать больше о RAND, посетите сайт www.rand.org.

Целостность исследований

Наша миссия - помочь улучшить политику и процесс принятия решений посредством исследований и анализа - осуществляется благодаря нашим основным ценностям качества и объективности, а также нашей непоколебимой приверженности высочайшему уровню честности и этического поведения. Для того чтобы наши исследования и анализ были строгими, объективными и беспристрастными, мы подвергаем наши публикации надежному и тщательному процессу проверки качества; избегаем как видимости, так и реальности финансовых и других конфликтов интересов путем обучения персонала, проверки проектов и политики обязательного раскрытия информации; а также добиваемся прозрачности наших исследовательских работ путем открытого опубликования результатов исследований и рекомендаций, раскрытия источников финансирования опубликованных исследований и политики обеспечения интеллектуальной независимости. Для получения дополнительной информации посетите сайт www.rand.org/about/principles.

Публикации RAND не обязательно отражают мнение ее клиентов и спонсоров

исследований. Опубликовано корпорацией RAND, Санта-Моника, Калифорния.
© 2023 RAND Corporation
RAND® является зарегистрированной торговой маркой.

Для этой публикации имеются данные Library of Congress Cataloging-in-Publication Data.

ISBN: 978-1-9774-1097-9

Фотография на обложке, сделанная Абудом Хамамом, использована с разрешения.

Ограниченные права на печатное и электронное распространение

Данная публикация и товарный знак(ы), содержащиеся в ней, защищены законом. Это представление интеллектуальной собственности РЭНД предоставляется только для некоммерческого использования. Несанкционированное размещение данной публикации в Интернете запрещено; приветствуется прямая ссылка на ее веб-страницу на сайте rand.org. Для воспроизведения или повторного использования в другой форме любых исследовательских продуктов RAND в коммерческих целях требуется разрешение RAND.

Информацию о разрешениях на перепечатку и повторное использование можно найти на сайте www.rand.org/pubs/permissions.

Об этом Отчет

В данном докладе рассматривается, как может развиваться соперничество между США и Китаем в условиях, характеризующихся сочетанием некоторых аспектов современной жизни и гораздо более существенным ослаблением или регрессом многих других аспектов - период, который мы назвали *эпохой неосредневековья*.

Данное исследование было спонсировано офисом министра обороны и проведено в Центре международной политики безопасности и развития Национального института оборонных исследований RAND (NDRI), финансируемого федеральным центром исследований и разработок (FFRDC), спонсируемым офисом министра обороны, Объединенным штабом, Объединенными боевыми командованиями, ВМС, Корпусом морской пехоты, оборонными агентствами и оборонной разведкой.

Дополнительную информацию о Центре международной политики безопасности и развития можно найти на сайте www.rand.org/nsrd/isdp или связаться с директором (контактная информация указана на веб-странице).

Благодарности

Мы благодарны за отзывы и советы рецензентам Скотту Савитцу и Эрику Хегинботэму. Мы хотели бы поблагодарить Уильяма Шумейта за помощь. Мы также благодарим спонсоров, Эндрю Мэя и Дениз Дер, из Офиса Чистой Оценки, за поддержку этого проекта.

Резюме

В данном отчете рассматривается, как может развиваться соперничество между США и Китаем в условиях, характеризующихся сочетанием некоторых аспектов современной жизни и гораздо более существенным ослаблением или регрессом других аспектов, которые мы называем *неосредневековьем*. Хотя этот термин используется в различных контекстах уже несколько десятилетий, мы определяем *эпоху неосредневековья* как исторический период, начавшийся примерно в 2000 году и характеризующийся ослаблением государств, фрагментацией обществ, дисбалансом экономик, всепроникающими угрозами и неформализацией военных действий.

В докладе описаны основные тенденции, которые в совокупности указывают на то, что будущее соперничество между США и Китаем будет мало похоже на титаническую борьбу последних двух столетий. Соперничество между США и Китаем в мирное время, похоже, будет разворачиваться в условиях высокой степени международного беспорядка, снижения легитимности и потенциала государства, повсеместных и острых внутренних проблем, а также серьезных ограничений, налагаемых экономическими и социальными факторами, которые значительно отличаются от тех, которые испытывали промышленные национальные государства в 19 и 20 веках.

Несмотря на очевидную преемственность с недавним прошлым в плане технологических и других особенностей современной жизни, нынешнее соперничество между США и Китаем настолько фундаментально отличается от великодержавных состязаний последних двух столетий, что сравнение с недавними прецедентами, скорее всего, будет скорее вводящим в заблуждение, чем информативным. Как будет показано в данном отчете, соперничество между США и Китаем, вероятно, будет более глубоко определяться общим затуханием или регрессом ключевых политических, социальных, экономических и связанных с безопасностью аспектов современной жизни. Эти тенденции выходят за рамки опыта отдельных стран или лидеров. Как тенденции, определяющие общую дугу человеческого опыта, они вряд ли могут быть обращены вспять и в лучшем случае могут быть отсрочены или смягчены в некоторой

степени. Их последствия также, вероятно, затмят воздействие конкретных технологий и оружия, поскольку технологии, какими бы передовыми или сложными они ни были, не могут решить проблемы, которые в основе своей являются политическими, социальными и экономическими. Пределы возможностей передовых технологий были хорошо проиллюстрированы унизительным опытом отступления США из Афганистана. Американские войска были развернуты с самым современным оборудованием, но оно оказалось неадекватным в условиях вечно слабого кабульского режима, а также в условиях

обнищавшее и раздробленное афганское общество, неустойчивые обязательства США и плохо оснащенное, но решительное повстанческое движение под руководством Талибана.

Эти тенденции не являются теоретическими и не ожидают какого-то отдаленного будущего. Они уже идут полным ходом, и проницательные люди могут заметить многие симптомы в ежедневных заголовках газет. В данном отчете эти тенденции рассматриваются более подробно, но вкратце их можно описать следующим образом. В политическом плане централизованное национальное государство находится в глубоком упадке, хотя вопрос о том, что может прийти ему на смену, по-прежнему вызывает ожесточенные споры. Упадок национального государства уже привел к серьезным политическим кризисам во многих странах, и проблемы ослабленного государства сохранятся, даже если удастся закрепить новую основу легитимности. Относительно высокий уровень социальной солидарности, который преобладал в национальных государствах, атрофировался, а конкурирующие наборы идентичностей стали более рельефными. В экономическом плане неосредневековые государства переживают замедленный и несбалансированный рост, от которого выигрывает в основном небольшое меньшинство. Неосредневековые экономики также испытывают неравномерные темпы роста, укоренившееся неравенство и расширение нелегальной экономики. Характер угроз безопасности также существенно изменился. Обращая вспять тенденции, преобладавшие в последние два столетия, негосударственные угрозы могут соперничать или опережать традиционные государственные вооруженные силы в качестве основных проблем безопасности. Хотя многие из негосударственных угроз не новы, они особенно опасны из-за ослабления легитимности и потенциала неосредневековых государств. Военные действия в эпоху неосредневековья пережили возрождение доиндустриальной практики, включая приватизацию вооруженных сил, преобладание осадной войны, нерегулярных и затяжных конфликтов, усиление внутригосударственной войны и формирование неформальных коалиций, состоящих из различных государственных и негосударственных субъектов.

Следует уточнить, что эти тенденции не означают полного

возврата к феодальной жизни. Удобства современной жизни и соответствующие технологические достижения, такие как современные формы транспорта, медицины и связи, сохранятся. Появятся новые технологии, ценности и идеалы, которые изменят общество так, как это не имело исторических прецедентов. Но влияние современных и постмодернистских изменений, скорее всего, будет меркнуть по сравнению с общей траекторией регресса. Соответственно, эпоха неосредневековья будет характеризоваться сочетанием некоторых современных черт, но, в большей степени, возрождением доиндустриальных черт.

Эти тенденции сделают менее актуальными многие стратегии, которые великие державы использовали друг против друга в течение последних двух столетий. Новый

теории и идеи потребуются для того, чтобы справиться с проблемами, в значительной степени неизвестными соперникам великих держав недавнего прошлого. Адаптация, вероятно, будет болезненной и изнурительной для всех стран, но, возможно, ни для одной из них в большей степени, чем для Соединенных Штатов. Будучи величайшим из национальных государств, ни одна страна не извлекла больше пользы из событий последних двух столетий. Более того, вся история Соединенных Штатов как независимого государства разворачивалась в рамках современной индустриальной эпохи. Будет трудно отказаться от истории, которая так хорошо послужила стране и определила ее национальную идентичность. Но адаптация будет обязательной и, в конечном счете, неизбежной. Тенденции, описанные в этом отчете, только начались - многим из них едва исполнилось два десятилетия - и в ближайшие годы они будут усиливаться. Адаптация может происходить либо путем разумного и умелого приспособления, либо невольно и неосознанно. В первом случае можно минимизировать опасности и, возможно, получить долгосрочное конкурентное преимущество перед менее подготовленными соперниками. Второй вариант чреват катастрофическими просчетами и потенциальной катастрофой.

Ниже приведены выводы, сделанные по результатам исследования, описанного в данном отчете:

- Реалии слабости государства и фрагментации общества должны стать центральными факторами во всей оборонной работе. Борьба с внутренними и транснациональными угрозами и сдерживание атак, угрожающих политической легитимности, должны иметь приоритет, равный или более высокий, чем сдерживание обычных военных атак.
- Соответственно, могут измениться цель и логика военных действий. По мере того, как цель полной победы в таких "горячих точках", как Тайвань, становится неосуществимой, атака на хрупкую политическую легитимность соперника может стать более привлекательной в качестве прямого способа получения рычагов влияния в переговорах по ближайшим спорам. Во всем мире осады, вероятно, вернутся в качестве ключевой характеристики неосредневековой войны.
- Сохранение военных ресурсов и предотвращение крупной войны

станут критически важными для национального успеха. Вооруженные силы обеих стран, скорее всего, будут испытывать практически непреодолимые потребности, поскольку от них потребуется реагировать на транснациональные угрозы, оказывать помощь союзникам и партнерам, находящимся в состоянии войны, усиливать правоохранительные органы для обеспечения внутренней безопасности и сдерживать нападения противников на родину.

- Переход от индустриальной к неосредневековой эпохе может таить в себе больше опасностей, чем потенциальный переход власти между Китаем и США, из-за распространения опасностей, вечной слабости государств и нехватки ресурсов для решения обеих проблем.
- Постоянно неустойчивый уровень поддержки правительства населением, вероятно, усилит зависимость армии от наемников, беспилотных систем и партнеров по коалиции при проведении боевых операций.

Содержание

О данном отчете iii
Резюме v
Таблицы xi

ГЛАВА 1
Введение: Неосредневековая эпоха 1
Контекст: Распространение внутренних и международных беспорядков 2
Другой тип соперничества 7
Неомедиевизм 9
Методология и конспект 19
Организация данного отчета 24

ГЛАВА 2
Политика и правительство: Ослабление государств 25
Политическая власть: Эрозия национального суверенитета 25
Тип государства: Трансформация национального государства 34
Народная роль: Конец массовой политики 41
Международный порядок: Распад системы, основанной на государствах 45
Заключение 48

ГЛАВА 3
Культура и общество: Фрагментация обществ 51
Национальная культура: Угасающая привлекательность патриотизма 51
Массовая коммуникация: Глобальная, но сегментированная медиа 61
Связи между государством и обществом: Снижение связей между государством и обществом 65
Равенство: Укоренение неравенства 71
Заключение 76

ГЛАВА 4
Экономика: Несбалансированные экономики 81
Темпы роста: Деиндустриализация и замедление 81

Транснациональная экономическая деятельность: Глобальный рынок 88
Незаконная экономика: Бандиты, полевые командиры и пираты.....93

Мобильность капитала и труда: Быстрые денежные потоки и массовые Миграция 98
Заключение 103

ГЛАВА 5
Вопросы безопасности: Всепроникающие угрозы 107
Организованное насилие: Вооруженный конфликт в слабеющих государствах 107
Негосударственные угрозы: Распространение опасностей 113
Политическая безопасность: Делегитимизация государства и гражданские конфликты.....120
Организация сил безопасности: Военно-правовая охрана Сотрудничество.....126
Заключение 131

ГЛАВА 6
Военное дело: Неформализация военных действий.....135
Боевые действия: Иррегулярные войны и осады 135
Военная администрация: От мобилизации к войне по контракту.....142
Боевики: Неформальные коалиции и процветающий рынок наемников 145
Некомбатанты: От активных сторонников к пассивным.....149
Заключение.....154

ГЛАВА 7
Назад в прошлое? Будущее американо-китайского соперничества 157
Необходимость новой парадигмы.....161
К новой парадигме соперничества великих держав: Неомедиевизм.....164
Адаптация к неосредневековому миру: Чье преимущество?.....170

Глоссарий 173
Ссылки.....175

Таблицы

2.1. Резюме политических и правительственных аспектов между Эпохи 26
2.2. Последствия неосредневековой политики и правительства Аспекты соперничества между США и Китаем....50
3.1. Резюме культурных и социальных аспектов между эпохами ...52
3.2. Последствия неосредневекового социума и культуры Аспекты соперничества между США и Китаем 77
4.1. Сравнение экономических аспектов между эпохами....82
4.2. Последствия неосредневековых экономических аспектов для Соперничество между США и Китаем 104
5.1. Резюме аспектов проблемы безопасности между эпохами.....108
5.2. Последствия неосредневековых аспектов безопасности для Соперничество между США и Китаем 132
6.1. Военное дело: Аспекты между эпохами 136
6.2. Последствия неосредневековых аспектов военного дела для соперничества между США и Китаем 155
7.1. Контрастные аспекты соперничества великих держав Между холодной войной и неосредневековой эпохой 162

ГЛАВА 1

Введение: Неосредневековая эпоха

В исследовании, описанном в данном отчете, рассматривалось, как может развиваться соперничество между США и Китаем в условиях, характеризующихся сочетанием некоторых аспектов современной жизни с гораздо более существенным ослаблением или регрессом других аспектов. Мы назвали этот набор условий *неомедиевализмом*. Хотя этот термин используется в различных контекстах на протяжении десятилетий, мы определяем *эпоху неосредневековья* для целей данного отчета как исторический период, начинающийся примерно с 2000 года, характеризующийся ослаблением государств, фрагментацией обществ, дисбалансом экономики, повсеместными угрозами и неформализацией военных действий.

В отчете описаны основные тенденции, которые в совокупности указывают на то, что будущее соперничество между США и Китаем будет мало похоже на титаническую борьбу последних двух столетий. Как мы покажем в последующих главах, соперничество между США и Китаем в мирное время будет разворачиваться в условиях высокой степени международного беспорядка, упадка государственного потенциала, повсеместных и острых внутренних проблем, а также серьезных ограничений, налагаемых экономическими и социальными факторами, значительно отличающимися от тех, которые испытывали индустриальные национальные государства в 19 и 20 веках. Эти тенденции взаимодействуют друг с другом и усугубляют друг друга, и вряд ли их удастся обратить вспять. Чистым результатом станет значительное ослабление практически всех государств, включая США и Китай. В то же время, серьезная ограниченность ресурсов и практически подавляющее число угроз приведут к напряжению вооруженных сил двух стран и ослабят их способность противостоять

друг другу. Многие теории и идеи о том, почему и как великие державы конкурируют, возможно, придется пересмотреть.

Мы также представим доказательства того, что тотальная война между двумя вооруженными силами станет маловероятной. Тем не менее, нельзя исключать возможность какого-либо конфликта. Если соперничество между США и Китаем перерастет в военные действия, слабость государств серьезно ограничит их возможности. Не имея возможности мобилизовать свои общества для тотальной войны, обе стороны могут вместо этого сражаться

через марионеточные конфликты или путем провоцирования политических волнений на родине соперника. В условиях такого конфликта оба могут столкнуться с тем, что их противостояние будет часто нарушаться необходимостью перераспределения скудных ресурсов для борьбы с различными внутренними и транснациональными угрозами, что приведет к длительному хроническому состоянию периодических конфликтов низкой интенсивности. В таких условиях регулярные боевые действия между американскими и китайскими войсками, если они вообще будут иметь место, могут состоять из спорадических столкновений между относительно скромными по размерам формированиями. Поскольку амбиции полной победы над противником оказываются неосуществимыми, политические цели могут быть направлены на достижение незначительных успехов путем временного урегулирования, оставляя нерешенными более широкие вопросы.

Контекст: Распространение внутренних и международных беспорядков

В последние годы Соединенные Штаты считают соперничество великих держав, особенно с Китаем, одним из главных приоритетов национальной безопасности.[1] Причины этого хорошо известны и убедительны. Успех Китая в реализации своих целей по превращению в мирового лидера может оставить Соединенные Штаты с еще меньшими ресурсами для поддержания своей безопасности и процветания. Более того, все более могущественный Китай может использовать свою военную мощь таким образом, чтобы напрямую угрожать союзникам и партнерам США. Растущий престиж Китая может также подорвать международное влияние США, оставив Соединенные Штаты с ослабевающей способностью влиять на глобальные события.

Конвенциональное вторжение России в Украину в 2021 году придало дополнительный импульс идее о том, что соперничество великих держав остается главной угрозой для США.[2] Эксперты утверждают, что Россия может представлять большую угрозу в ближайшем будущем, но только Китай обладает достаточной

прочностью и ресурсами, чтобы бросить долгосрочный вызов.[3] В отличие от этого, негосударственные угрозы обычно рассматриваются как

---

[1] Белый дом, *Стратегия национальной безопасности*, октябрь 2022 года.

[2] Томас Ф. Линч III, *Стратегическая оценка 2020: Into a New Era of Great Power Com- petition*, National Defense University Press, November 4, 2020.

[3] James Dobbins, Howard J. Shatz, and Ali Wyne, *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue: Different Challenges, Different Responses*, RAND Corporation, PE-310-A, 2019.

рассматриваются в лучшем случае как незначительные опасности. Ошеломляющие объемы ресурсов, затраченных на войну с терроризмом, и неутешительные результаты в Ираке и Афганистане по понятным причинам ослабили энтузиазм в отношении операций против транснациональных террористических групп. Аналогичным образом, эксперты в области обороны часто отвергали международные преступные организации, киберугрозы и распространение ядерного оружия, считая, что это лишь отвлекающие факторы по сравнению с грозными вызовами, которые представляют собой Китай и Россия. Американские военные, по мнению экспертов, должны ставить сдерживание большой войны выше всех остальных обязанностей.[4]

Несмотря на, казалось бы, здравую стратегическую логику, такой подход не лишен риска. Фундаментальная обязанность любого правительства заключается в защите своего населения. Но правительства по всему миру не в состоянии обеспечить общественную безопасность против множащегося и почти подавляющего числа в основном негосударственных угроз, которые имеют мало общего с соперничеством великих держав. Пандемия коронавирусной болезни 2019 (COVID-19) стала ярчайшим примером силы таких угроз. К началу 2023 года эта болезнь уже унесла более 1 миллиона жизней в США и более 6,6 миллиона по всему миру.[5] Но существуют и другие опасности. Изменение климата усугубило стихийные бедствия, способствуя разрушительному воздействию тропических штормов, таких как ураганы "Ян" и "Катрина", массовым лесным пожарам на западном побережье, наводнениям и другим экстремальным погодным явлениям, которые стоят Соединенным Штатам триллионы долларов и множество жизней.[6] Далеко не тривиальная неприятность, негосударственные субъекты, применяющие насилие, добились поразительных успехов. Отступление США из Афганистана продемонстрировало огромную силу, которой могут обладать нерегулярные вооруженные группы.[7] Наркокартели дали метастазы, накопив поразительное количество богатства и политического влияния в таких странах, как Гондурас, Гвинея-Бисау и Мьянма. Эти вооруженные группы время от времени сражаются с обычными вооруженными силами.

[4] Рафаэль С. Коэн, "Ложный выбор между Китаем и Россией", *The Hill*, 21 февраля 2022 г о д а .

[5] Всемирная организация здравоохранения, "Информационная панель ВОЗ по коронавирусу (COVID-19)", январь 2023 года.

[6] U.S. Government Accountability Office, *Natural Disasters: Экономические последствия ураганов Катрина, Сэнди, Харви и Ирма*, GAO-20-633R, 10 сентября 2020 года.

[7] Таня Мехра и Джули Коулман, "Падение Афганистана: Удар по усилиям по борьбе с терроризмом и верховенству закона", Международный центр по борьбе с терроризмом, 23 августа 2021 года.

и контролируют значительные территории в таких странах, как Мексика и Колумбия.[8] Киберпреступность, торговля людьми и другие формы преступного хищничества распространяются неуклонно, поскольку преступники используют глобализированную торговую инфраструктуру в незаконных целях.[9] Хотя эти опасности уже давно опустошают развивающиеся страны, их влияние ощущается даже в самых богатых странах.[10]

Усилились и внутренние политические проблемы. Очевидная неспособность процветающих стран обратить вспять системное неравенство и предоставить справедливые социальные услуги вызвала всеобщее недовольство и политические потрясения. Неспособность защитить граждан от транснациональных опасностей, криминального хищничества или злоупотреблений со стороны властей еще больше подорвала легитимность национальных правительств, что парадоксальным образом затрудняет способность тех же государств реагировать. В США споры о мандатах, связанных с COVID-19, неправомерными действиями полиции, иммиграцией, выборами и другими вопросами, привели к уровню насилия и беспорядков, не виданных более века. Политический тупик, возникший в результате таких споров, в свою очередь, ослабил усилия по решению этих проблем.[11] Свидетельства того, что наиболее консолидированные демократии могут переживать общую деконсолидацию своих политических институтов, только усиливают тревогу по поводу здоровья и жизнеспособности свободных демократий.[12]

Хотя проблемы, поразившие западные демократии, хорошо известны, Китай сталкивается со своими собственными изнурительными проблемами. Амбиции Пекина по возрождению страны, также известные как "китайская мечта", сдерживаются реальностью постоянных волнений и угроз нестабильности. Коррупция, злоупотребления и неспособность обратить вспять дестабилизирующий уровень неравенства представляют наибольшую угрозу для правления Коммунистической партии Китая (КПК). В ошеломляющем признании

[8] Анхель Рабаса, Кристофер М. Шнаубельт, Питер Чалк, Дуглас Фарах, Грегори Миджетт и Говард Шац, *Counternetwork: Противодействие расширению транснациональных преступных сетей*, RAND Corporation, RR-1481-A, 2017.

[9] Глобальная инициатива, *Глобальная незаконная экономика*, март 2021 года.

[10] Юрген Далькамп, Йорг Диль и Роман Лехбергер, "Скользкий голландский склон от наркотерпимости к наркотеррору", *Der Spiegel*, 20 октября 2021 года.

[11] Кевин Дрю, "На фоне беспорядков Америка неузнаваема для своих союзников", *US News and World Report*, 28 августа 2020 года.

[12] Роберто Стефан Фоа и Яша Мунк, "Опасность деконсолидации: Демократический разрыв", *Журнал демократии*, том 27, № 3, июль 2016.

пределы власти КПК, Си Цзиньпин признал неспособность правительства удовлетворить требования народа. На 20-м съезде партии в 2022 году Си Цзиньпин определил "главное противоречие", стоящее перед нацией в "новую эпоху", как "постоянно растущие потребности народа в лучшей жизни" и "несбалансированное и недостаточное развитие страны".[13] Примечательно, что Си не пообещал преодолеть это противоречие путем создания ресурсов для удовлетворения потребностей народа, а вместо этого усилил репрессии в стране. Китаю также угрожают экстремальные погодные явления, стихийные бедствия и открытое неповиновение правлению КПК в Гонконге, Тибете и Синьцзяне.[14] По мере роста недовольства бюджет внутренней безопасности Китая увеличился и с 2011 года превысил оборонный бюджет.[15] Встревоженное недовольством населения, правительство дополнило масштабные репрессии неустанной политической индоктринацией.[16]

И Соединенные Штаты, и Китай сталкиваются с этими одновременными проблемами в условиях уменьшения ресурсов. С 1970-х годов в США наблюдается замедление темпов роста и увеличение государственного долга.[17] Китай сталкивается с собственными экономическими проблемами. Темпы его роста замедлились с 10 процентов в год в 1990-х годах до примерно 6 процентов в 2019 году.[18] Растущий долг Китая во многом объясняется его неспособностью принять более устойчивую форму роста.[19] Проблема усугубляется серьезными демографическими проблемами. Некоторые эксперты сейчас считают, что темпы роста страны

[13] Си Цзиньпин, "Полный текст доклада Си Цзиньпина на 20-м съезде партии", Синьхуа, 16 октября 2022 года.

[14] Декстер Тифф Робертс, *Внутренние проблемы, которые угрожают будущему сверхдержавы Китая*, Атлантический совет, 20 декабря 2021 года.

[15] Крис Бакли, "Расходы на внутреннюю безопасность Китая превышают бюджет армии", Рейтер, 4 марта 2011 г.

[16] Цяо Лонг и Джиджи Ли, "Китайская коммунистическая партия усилит политическую индоктринацию школьников", Радио Свободная Азия, 4 февраля 2021 года.

[17] Всемирный банк, "Рост ВВП (годовой %)-Соединенные Штаты", 2021b; Министерство финансов США, "Что такое государственный долг?", веб-страница,

без даты.

[18] Всемирный банк, "Рост ВВП (годовой %)-Китай", 2021a.

[19] Аманда Ли, "Долг Китая: насколько он велик и кому он принадлежит?". *South China Morning Post*, 19 мая 2020 года.

может резко замедлиться и, скорее всего, будет составлять в среднем от 2 до 3 процентов в год до середины века.[20]

Учитывая сложную картину угроз и серьезную ограниченность ресурсов, и Вашингтон, и Пекин, что неудивительно, сигнализировали о своем желании снизить интенсивность соперничества. Президент Джо Байден смягчил более конфронтационный подход предыдущей администрации призывами к "ответственной" конкуренции, которая допускает сотрудничество по общим угрозам.[21] Китайские комментаторы аналогично призывают к "конструктивной" конкуренции, которая уравновешивает сотрудничество и конкуренцию.[22] Китайские высшие должностные лица сопротивляются даже использованию термина "*конкуренция"* и вместо этого призывают к большему сотрудничеству по общим проблемам, даже если они осуществляют разнообразные конкурентные практики.[23] Амбивалентность Пекина частично обусловлена осознанием им грозного набора опасностей. Китайские власти определяют вызовы безопасности, с которыми сталкивается страна, в "целостных" или "всеобъемлющих" терминах, объясняя, что опасности возросли в экономической, информационной и культурной сферах, даже несмотря на давние опасения по поводу безопасности территории и режима.[24] Официальные документы по обороне страны аналогичным образом характеризуют угрозы страны в широком смысле, отмечая, что они исходят "со всех сторон", и напряженность в отношениях с Соединенными Штатами представляет собой лишь одну из многих опасностей.[25] Для обеих стран взаимное принятие сдержанной конкуренции и готовность к сотрудничеству, пусть и с неохотой, предлагают крайне необходимую передышку для решения сложнейших проблем.

---

[20] Роланд Раджах и Алисса Ленг, *Пересмотр в сторону уменьшения подъема Китая*, Институт Лоуи, 14 марта 2022 года.

[21] Ма Цянь, "Комментарий Синьхуа: Сохранять конкуренцию между США и Китаем "конструктивной"," Синьхуа, 12 марта 2021 г.; Джейми Китен и Аамер Мадхани, "США настаивают на "конструктивной конкуренции" в переговорах с Китаем," AP National News, 6 октября 2021 г.

[22] Ма Цянь, 2021

[23] Лу Синь и Ян Шэн, "Встреча Яна и Салливана демонстрирует позитивные

сигналы, основные расхождения", Синьхуа, 7 октября 2021 года; Ма Цянь, 2021 год.

[24] Си Цзиньпин, "Целостный взгляд на национальную безопасность", *В поисках истины* [求是], 4 декабря 2020 года.

[25] Информационное бюро Госсовета, *Полный текст: Национальная оборона Китая в новую эпоху*, 24 июля 2019 года.

Другой тип соперничества

Признание того, что нынешнее соперничество между США и Китаем кардинально отличается от соперничества времен холодной войны, вряд ли является чем-то новым. Стало обычным явлением замечать, что степень взаимозависимости и необходимость сотрудничества по общим угрозам и проблемам, таким как изменение климата, делают стратегии сдерживания времен холодной войны неуместными.[26] Китайские официальные лица подобным образом критикуют США за сохранение "менталитета холодной войны", который, по их мнению, снижает способность Вашингтона взвешенно реагировать на рост Китая.[27]

Но реже обращают внимание на то, чем нынешнее соперничество отличается от *всех* соперничеств великих держав *за последние два столетия*. Холодная война отличалась собственной динамикой, но в то же время имела общие черты с двумя мировыми войнами и даже с войнами наполеоновской эпохи. Конечно, состояние технологий значительно отличалось, но сходство в социальных, политических и экономических характеристиках поразительно. Эти эпические испытания включали централизованные, унитарные государства с высокой степенью внутренней сплоченности и мощной патриотической поддержкой населения.[28] Правительства пользовались сильной легитимностью отчасти потому, что они контролировали расширение возможностей для участия в политической жизни и экономического самосовершенствования.[29] Широкая народная поддержка правительств также была обусловлена индустриализацией, которая началась в конце 1700-х годов и привела к резкому повышению материального уровня жизни многих людей, особенно после 1850 года.[30] Войны этого периода обычно основывались на стратегии массовой мобилизации, которая позволяла создавать огромные армии, состоящие из гражданских солдат, оснащенных стандартной униформой.

---

[26] Джозеф Най, "С Китаем аналогия "холодной войны" ленива и опасна", *Нью-Йорк Таймс*, 2 ноября 2021 года.

[27] "Китай призывает США отказаться от менталитета холодной войны", Синьхуа, 21

июля 2020 года.

[28] Ларс-Эрик Седерман, Т. Камбер Уоррен и Дидье Сорнетт, "Испытание Клаузевица: Национализм, массовая мобилизация и тяжесть войны", *Международная организация*, том 65, № 4, осень 2011.

[29] Карлес Боикс, *Демократия и перераспределение*, Кембридж Юниверсити Пресс, 2003.

[30] "Повысился ли уровень жизни во время промышленной революции?". *The Economist*, 13 сентября 2013 года.

и снаряжение.[31] Когда эти национальные государства воевали, они демонстрировали впечатляющую способность мобилизовать ресурсы, вовлекать население и поддерживать войну в течение многих лет. Их вооруженные силы часто участвовали в пропитанных кровью битвах, которые приводили к ошеломляющим потерям. Войны часто приводили к огромным разрушениям и обычно заканчивались только безоговорочной капитуляцией одной или другой стороны.

Современное соперничество между США и Китаем резко контрастирует с этим историческим опытом. В отличие от своих предшественников, эти две страны противостоят сложному и пересекающемуся набору угроз, испытывают острую нехватку ресурсов и проявляют тревожные признаки внутренней слабости. Поскольку способность удовлетворять потребности своих граждан снижается, правительства США и Китая не вызывают особого патриотического энтузиазма. Ни одна из сторон не мобилизовала граждан против другой, а стратегии массовой мобилизации не представляются правдоподобными в обозримом будущем. Вместо этого в армию набирают в основном профессиональных добровольцев и контрактников. Правда, Китай продолжает полагаться на призыв в армию, но это потому, что он не может привлечь достаточно квалифицированных добровольцев.[32] Транснациональные угрозы и эпизоды внутренних беспорядков представляются далеко не незначительным препятствием и регулярно соперничают с традиционными угрозами за внимание политиков. Например, американские вооруженные силы изо всех сил пытаются уничтожить агрессивных негосударственных субъектов на Ближнем Востоке и контролировать вспышки внутренних беспорядков. Тем временем Народно-освободительная армия Китая (НОАК) пыталась защитить китайских граждан за рубежом от серьезного вреда, а силы безопасности страны напрягались, чтобы обеспечить внутреннее спокойствие в Гонконге, Тибете и Синьцзяне.[33] Действительно, в китайских оборонных документах подготовка к обычной войне названа лишь одной из многих "диверсифицированных задач", к которым должна быть готова НОАК.[34] В целом,

[31] Калеви Холсти, *Мир и война: вооруженные конфликты и международный порядок, 1648-1989*, Кембридж Юниверсити Пресс, 1991.

[32] Риккардо Кочиани, "Новый "закон о военной службе" Китая направлен на решение трудностей с набором", Джейнс, 26 августа 2021 года.

[33] "Китай требует быстрых действий против убийц своих граждан в Пакистане", Голос Америки, 27 апреля 2022 г.; Кристиан Гобель и Линетт Х. Онг, "Социальные волнения в Китае", Европейская сеть исследований и консультаций по Китаю, 2012 г.

[34] Информационное бюро Государственного совета, 2019.

обе страны подошли к этому соревнованию со смесью признательности, разделенного внимания и двойственности, что резко контрастирует с той сосредоточенностью и национальной решимостью, которые проявляли соперники великих держав в предыдущие два столетия.

Эти события идут вразрез с общим опытом соперничества великих держав и, соответственно, озадачивают многих наблюдателей. Понимая, что нынешняя ситуация мало похожа на прецеденты 20-го века, эксперты пытались объяснить ее новые особенности. Некоторые предполагают, что две страны находятся на пути к "войне за переход власти". Это также известно как "*ловушка Фукидида",* и сторонники этой точки зрения утверждают, что восходящие и статус-кво мировые державы сражаются за решение вопросов глобального прима-ципа.[35] Другие отвергают идею о том, что такая война неизбежна или даже вероятна.[36] Эксперты спорят о том, в чем на самом деле заключается соперничество - в экономике, технологиях или идеологии.[37] Третьи задаются вопросом, зачем вообще соперничать между двумя странами, и выступают за более тесное сотрудничество против общих опасностей.[38]

Неомедиевизм

Отправной точкой для понимания необычных особенностей соперничества между США и Китаем является признание того, что мир переживает исторический период трансформации. Элементы современной жизни настолько распространены и привычны, что продолжают доминировать в понимании мира и во многом препятствуют осознанию того, что современная индустриальная эпоха прошла. Например, современные политические институты и экономические механизмы имеют общие черты.

---

[35] Graham Allison, *Destined for War: Can America and China Escape the Thucydides Trap?* Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

[36] Чарльз К. Крулак и Алекс Фридман, "США и Китай не обречены на войну", Project Syndicate, 17 августа 2021 года.

[37] Хэл Брандс и Зак Купер, "Соперничество США и Китая - это битва за ценности", *Foreign Affairs*, 16 марта 2021 года; Ориана Скайлар Мастро, "Военная

конкуренция с Китаем: жестче, чем холодная война?". *FSI Policy Brief*, September 30, 2021; Matt Field, "Are the
США и Китай ведут "техническую войну" за полупроводники и другие передовые технологии?" *Bulletin of the Atomic Scientists*, 21 октября 2022 года.

[38] Майкл Свейн, "Раздувание угрозы Китая чревато катастрофой для США", Институт Куинси, 15 июля 2022 года.

преемственность с современным периодом, в котором они родились. Известные теории международных отношений, такие как реализм и либерализм, по-прежнему ориентированы на государство.[39] Точно так же военная мысль США остается в долгу у ученых, изучавших современную войну, таких как Карл фон Клаузевиц. Наше понимание межгосударственных войн также основано на базах данных, составленных почти исключительно за последние два столетия.[40] Поэтому неудивительно, что многие ведущие эксперты указывают на опыт холодной войны и мировых войн для понимания нынешнего противостояния между США и Китаем.[41] Даже попытки изложить возможности будущего страдают от серьезной национально-государственной предвзятости. Например, в докладе Национального разведывательного совета "*Глобальные тенденции 2040"* представлены несколько возможных вариантов будущего.[42] В этом докладе отмечены семь тенденций, которые мы анализировали, и сценарии имеют некоторые общие черты с нашим анализом. Однако в докладе Национального разведывательного совета прослеживается негласная приверженность примату национальных государств. Сценарии предполагали, что национальные государства останутся главными действующими лицами, и поддерживали надежду на то, что сила индустриальных национальных государств может быть восстановлена. В докладе не рассматривалось, как тенденции политического ослабления и фрагментации общества могут поразить все страны, а не только некоторые из них. В нем также не рассматривалась возможность того, что субнациональные правительства и акторы могут соперничать с национальными правительствами за власть и влияние или что национальное государство может перейти к другой форме государства с новой основой легитимности.

Одним словом, закономерности, характерные для недавнего прошлого, не обязательно являются точным ориентиром для будущего. Опасность предположения о сохранении прошлых тенденций заключается в том, что можно оказаться плохо подготовленным к неожиданностям, которые не соответствуют этим закономерностям. Шокирующий уровень потерь, понесенных COVID-19

[39] Кеннет Уолтц, *Теория международной политики*, Waveland Press, 2010, является лишь одним из примеров.

[40] David Singer, *The Wages of War, 1816-1965: Статистический справочник*, Wiley Press, 1972.

[41] Ю Суй, "Китай и США должны извлечь уроки из Второй мировой войны", сайт China-US Focus, 8 июля 2015 года; Стивен Уолт, "Вчерашняя холодная война показывает, как победить Китай сегодня", *Foreign Policy*, 29 июля 2019 года.

[42] Национальный совет по разведке, *Глобальные тенденции 2040*, 2022.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

пандемия является болезненной иллюстрацией того, как непредвиденное развитие событий может привести к разрушительным результатам.

В этом докладе мы представим доказательства того, что мир вступил в новую эру, начиная примерно с 2000 года. Эта новая эпоха характеризуется сохранением некоторых черт современной жизни, но также и гораздо более фундаментальным ослаблением или регрессом политических, общественных и экономических аспектов современной индустриальной эпохи. Под *затуханием* мы понимаем общее ослабление или ухудшение соответствующих аспектов современной жизни. Под *регрессом* мы подразумеваем общий откат от черт, ассоциирующихся с современной индустриальной эпохой, в сторону моделей, более характерных для доиндустриальных обществ. Описанные нами тенденции представляют собой структурные изменения, выходящие за рамки конкретного опыта отдельных стран и, по сути, затрагивающие все страны мира.

Мы не изобрели термин, который используем для описания этой новой эпохи; *неомедиевизм* используется в различных академических дисциплинах по крайней мере с 1970-х годов. Например, историки использовали его для описания новых подходов к изучению Средневековья.[43] Однако нас особенно вдохновляет работа теоретика международных отношений Хедли Булла, который ввел этот термин в политологическую литературу в 1970-х годах, чтобы представить будущий международный порядок, который будет развиваться по образцам, напоминающим средневековую Европу.[44]

Поскольку наш анализ заимствует идеи у Булла, мы сохранили этот термин, но придали ему другое значение. Мы определяем *эпоху неосредневековья* как начавшуюся около 2000 года; она характеризуется ослаблением государств, фрагментацией обществ, дисбалансом экономики, повсеместными угрозами и неформализацией военных действий. *Ослабление государств* означает упадок политической легитимности государств из-за снижения их способности поддерживать легитимность, обеспечивать внутреннюю безопасность и предоставлять удовлетворительный для населения уровень товаров, услуг и возможностей. *Фрагментация общества* означает эрозию национального духа и повышение значимости конкурирующих групповых идентичностей, таких как разнообразные

суб- и транснациональные сообщества, которые ставят во главу угла лояльность к чему-либо, помимо национального государства. Мы используем термин "*несбалансированная экономика"* для обозначения несопоставимых моделей роста неосредневековых экономик.

---

[43] Карл Фугельсо, *Исследования по медиевистике: Определение неомедиевализма(ов) II*, Boydell & Brewer, 2011.

[44] Хедли Булл, *Анархическое общество: Исследование порядка в мировой политике*, 3-е изд., Columbia University Press, 2002.

мия, при которой быстрый рост сосредоточен в нескольких секторах, а в остальных наблюдается в лучшем случае незначительный рост. Это также включает в себя связанные с этим проблемы укоренившегося неравенства, застойной социальной мобильности и большой нелегальной экономики. *Всепроникающие угрозы означают* распространение опасностей, исходящих как из военных, так и невоенных источников, таких как стихийные бедствия, инфекционные заболевания и агрессивные негосударственные субъекты, что подчеркивает растущую значимость внутренних и транснациональных опасностей даже при сохранении возможности конфликта с соперничающими государственными армиями. *Неформализация войны* означает переход от военных действий, ведущихся исключительно национальными вооруженными силами, к использованию разнообразных сил, состоящих из профессиональных войск, подрядчиков или наемников[45] , симпа- тетических вооруженных групп, таких как ополчение, а также возрождение старых методов ведения боевых действий, таких как внутригосударственные конфликты, осады и нерегулярные конфликты.

Эти тенденции динамично взаимодействуют друг с другом и усугубляют друг друга, усиливая свое коллективное воздействие. Слабый государственный потенциал и фрагментация общества, например, затрудняют быстрый и справедливый рост экономики. Аналогичным образом, острые негосударственные угрозы и неформализация военных действий усугубляют слабость государственного потенциала и усиливают фрагментацию общества. Эти явления достигли своей наиболее острой формы в развивающихся странах, в которых индустриализация и модернизация так и не продвинулись далеко вперед. Однако неосредневековые тенденции настолько распространены, что даже самые могущественные и богатые государства переживают их в усиливающейся форме.

Эти исторические события в совокупности означают возрождение политических, социальных и экономических особенностей, характерных для доиндустриальных обществ, таких как средневековая Европа. После распада Римской империи

[45] В данном отчете мы используем термин *"подрядчик" в* основном для

обозначения персонала, который оказывает услуги, не связанные с боевыми действиями, в соответствии с условиями контракта. Мы используем термин *наемник* для обозначения персонала, выполняющего боевые услуги по условиям контракта. Это различие помогает прояснить, как изменился характер работы военных по контракту между современной индустриальной и неосредневековой эпохами. Термин "*наемник*" приобрел уничижительное значение: тот, кто воюет исключительно за плату. Однако мы считаем это необоснованным предрассудком, порожденным ожиданиями национальных государств. В доиндустриальных обществах такого предубеждения, как правило, не было. Более того, Шон Макфейт убедительно доказывает, что мотивы наемников и профессиональных добровольцев в современных вооруженных силах имеют больше общего, чем различий, поскольку и те, и другие используют сочетание корысти и других мотивов. См. Шон Макфейт, *Современный наемник: Private Armies and What They Mean for World Order*, Oxford University Press, 2017.

В эпоху империи Европа вступила в период, который принято называть *средневековьем*. Этот период длился примерно с 500 г. н.э. до эпохи Возрождения в 1400-х гг. н.э. и характеризовался децентрализованным политическим ландшафтом с множеством политических субъектов. Правители пользовались незначительной властью за пределами отдельных городов или замков, в которых они находились. Даже самые могущественные короли считали свою власть опосредованной и оспариваемой сложным комплексом знати, религиозных авторитетов и преступников. Эти субъекты часто вступали в конфликты друг с другом. Экономическое производство было низким и часто нарушалось из-за войн, болезней и стихийных бедствий. Средневековое общество в целом характеризовалось расслоением классов и высоким уровнем неравенства.[46]

Как мы покажем, в современном мире наблюдаются тенденции, напоминающие средневековую Европу. Однако тенденции, которые мы характеризуем как *неосредневековые,* являются относительными и аналогичными, а не абсолютными или буквальными. Например, мы не антиципируем отказ от современных технологий и способов организации в пользу более простых орудий труда и феодальных порядков. Процесс ослабления и регрессии будет происходить наряду с сохранением некоторых особенностей современной жизни, таких как современный транспорт, медицина и коммуникационные технологии. Кроме того, эти тенденции не противоречат появлению норм и ценностей, неслыханных в доиндустриальных обществах, или технологическим прорывам. Более того, хотя этот термин вызывает в памяти европейскую историю, многие из этих черт проявлялись во всех доиндустриальных обществах. Общества Азии, Африки и Латинской Америки до 1800 года в целом демонстрировали схожие модели рассредоточенной власти, раздробленных обществ, несбалансированной экономики, всепроникающих угроз и неформализованных войн. Эти особенности не ограничиваются исключительно доиндустриальными историческими периодами. Они сохранялись во многих странах в течение десятилетий или столетий после 1800 года, вплоть до настоящего времени. Во многих отношениях разворачивающаяся история - это возвращение к исторической норме человеческого опыта. Современный период, каким бы впечатляющим и уникальным он ни был, в конечном итоге представляет собой историческую аномалию.

Близость к недавнему прошлому и повсеместное распространение институтов, идей и технологий индустриальной эпохи может помешать оценить удивительные способы, которыми современные общества бросают вызов общему опыту человечества. Например, современная экономика породила удивительную

---

[46] Джордж Холмс, *Оксфордская история средневековой Европы*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 1988.

Уровень богатства и удобств намного превосходит то, что испытывали самые богатые общества доиндустриального периода.[47] Средний гражданин процветающего промышленно развитого государства имеет доступ к предметам роскоши, непостижимым для досовременных народов, не в последнюю очередь к водопроводу, холодильнику и контролю климата. Аналогичным образом, граждане либеральных демократий пользуются гражданскими и политическими правами, чуждыми простым людям за пределами современных национальных государств, большинство из которых терпели деспотическое правление без особой надежды на улучшение своего положения. Современные средства гигиены, здравоохранения и питания увеличили среднюю продолжительность жизни в три раза по сравнению с доиндустриальными обществами и помогли победить болезни, мучившие человечество на протяжении тысячелетий.[48] Эти достижения были настолько поразительными, что у мыслителей иногда возникало искушение считать, что современная цивилизация обеспечила постоянное улучшение условий жизни человека. Огюст Комт, писавший в 1800-х годах, был одним из первых, кто предложил надежду на то, что современная цивилизация может испытывать необратимый прогресс в направлении большего процветания, просвещения, мира и технологических достижений.[49] Катастрофы мировых войн поколебали веру многих людей в человеческий прогресс, но эта идея продолжала находить глубокий отклик. В 1990-х годах ученые продолжали провозглашать "неизбежность" прогрессивного триумфа западных либеральных демократий в таких знаменитых книгах, как "*Конец истории*" Фрэнсиса Фукуямы.[50]

Однако последние события значительно подорвали веру в современный прогресс. Пессимизм распространяется по мере того, как повсеместные экономические, социальные и политические проблемы подрывают уверенность в будущем.[51] По крайней мере, с конца 1990-х годов ученые практически во всех областях социальных наук составили диаграммы.

---

[47] Паолоа Маланима, "Рост в прошлом: Досовременные и современные", *Журнал глобальной истории*, том 16, № 2, 2021.

[48] J. R. Wilmoth, "Demography of Longevity: Прошлое, настоящее и будущие тенденции", *Экспериментальная геронтология*, том 35, 2000.

[49] Джордж С. Пейнтер, "Идея прогресса", *Американский журнал социологии*, том 28, № 3, 1922.

[50] Фрэнсис Фукуяма, *Конец истории и последний человек*, Свободная пресса, 1992.

[51] Лора Клэнси, Розалин Грей и Бао Ву, "Значительная часть населения многих стран пессимистично настроена в отношении будущего следующего поколения", Pew Research Center, 11 августа 2022 года. См. также такие книги, как Росс Дутат, "*Декадентское общество: как мы стали жертвами собственного успеха",* Саймон и Шустер, 2020.

признаки упадка и разложения. В 2000-х годах, особенно после мирового финансового кризиса 2008 года, процветали научные труды, в которых подробно описывались симптомы ухудшения состояния современных национальных государств. Некоторые исследователи ввели в обиход фразу "*великий регресс"* для описания признаков институционального распада и политических потрясений, последовавших за финансовым кризисом конца 2000-х годов.[52] Другие расширили значение понятия "*великий регресс",* описав тенденции возрождающегося национализма, снижения уровня либеральной демократии и распространения социального беспорядка.[53] Эксперты с тревогой отмечали, что прежние надежды на то, что развивающийся мир будет сближаться с богатейшими экономическими странами для создания более широкого общего процветания, оказались ошибочными. На самом деле, как оказалось, происходит обратное. Во многих странах с наиболее развитой экономикой появились тревожные признаки регресса к условиям, более характерным для развивающихся стран, таким как все более небезопасные, уязвимые и нестабильные условия занятости, укоренение неравенства и ускорение фрагментации общества.[54] В 2018 году группа ученых, представляющих различные дисциплины, опубликовала книгу, в которой описала повсеместные тенденции, которые авторы назвали *демодернизацией*. В книге собраны эмпирические данные из различных социальных наук, описывающие общий возврат "цивилизованных" государств по всему миру к условиям, которые чаще всего наблюдались в доиндустриальных обществах.[55]

Специалисты по вопросам безопасности и военным делам отмечают схожие тенденции. В начале 2000-х годов Мэри Калдор, профессор Лондонской школы экономики, отметила, что за снижением числа межгосударственных войн скрывается тревожный рост "новых войн", которые напоминают доиндустриальные конфликты своим насилием в отношении гражданского населения, акцентом на групповую идентичность как движущую силу конфликта, а также вовлечением невоенизированных вооруженных групп и негосударственных субъектов.[56] Известный специалист в области безопасности Мэри Калдор отметила, что "новые войны" - это "новые войны".

[52] Пол Тейлор, "После Великой рецессии - Великая регрессия", *Нью-Йорк Таймс*, 7 февраля 2011 года.

[53] Генрих Гейзельбергер, ред., *Великая регрессия*, издательство Wiley, 2017.

[54] Яков Рабкин и Михаил Минаков, редакторы, *Неомедиевизм: A Future in the Past*, Ibidem Press, 2018; Robert Putnam, *Bowling Alone*, Touchstone Books, 2001.

[55] Яков Рабкин и Михаил Минаков, *Демодернизация: Будущее в прошлом*, Columbia University Press, 2018.

[56] Мэри Калдор, *Новые войны и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*, Издательство Стэнфордского университета, 2012.

Военный исследователь Мартин ван Кревельд и другие описали, как современные тенденции сделали обычные войны между великими державами практически устаревшими и вместо этого возродили более старые, доиндустриальные формы организованного насилия.[57] Шон МакФейт подчеркнул параллели между широким использованием наемников в современных конфликтах и их распространенностью в средневековой Европе.[58]

Теоретики международных отношений также выявили тенденции, которые указывают на возрождение тенденций, не наблюдавшихся со времен Средневековья. На геополитическом уровне специалист по внешней политике Роберт Каплан описал параллели между возрождением Китая и развивающихся стран и структурой доиндустриальной глобальной политики.[59] Хотя *неомедиевализм* использовался и в других контекстах, теоретики международных отношений начали использовать этот термин после того, как австралийский ученый Хедли Булл в 1977 году предположил, что глобальная политика может однажды вернуться к "новому средневековью", характеризующемуся следующими чертами: (1) региональная интеграция государств, (2) дезинтеграция государств, (3) восстановление частного международного насилия, (4) рост транснациональных организаций и (5) технологическая унификация мира.[60] Хотя в то время его предположения были отвергнуты, в последние годы они получили более широкую поддержку.[61] Другие теоретики развивают идею о том, что международный порядок, преобладающий в современный период, может трансформироваться в нечто, имеющее больше общего со средневековой историей. Филипп Боббитт утверждает, что национальные государства могут переходить к новым государственным формам, чтобы приспособиться к более неупорядоченной международной системе, которая, в некотором роде, параллельна образцам, наблюдавшимся в средневековой Европе.[62] Эти ученые расходятся во мнениях по многим вопросам и не придерживаются какого-либо одного ярлыка, но они делают следующее

---

[57] Мартин ван Кревельд, "*Трансформация войны*", Свободная пресса, 1991; Роберт Банкер, "Переход к войне четвертой эпохи", *Бюллетень морской пехоты*, том 78, № 9, 1994.

[58] МакФейт, 2017.

[59] Robert Kaplan, *The Return of Marco Polo's World: War, Strategy, and American Interests in the 21st Century*, Random House Publishing, 2018.

[60] Bull, 2002.

[61] Йорг Фридрихс, "Смысл новой медиевистики", *Европейский журнал международных отношений*, том 7, № 4, 2001.

[62] Филип Боббитт, *Террор и согласие: Войны за двадцать первый век*, Knopf Double Day Publishing, 2009.

разделяют мнение о том, что индустриальная эпоха заканчивается и что некоторые аспекты будущего могут иметь больше общего с доиндустриальным периодом, чем с недавним прошлым.

Подобно пресловутым слепцам, чувствующим слона, специалисты в различных дисциплинах описывают тенденции регресса в своих соответствующих областях, но лишь немногие собрали их вместе, чтобы пролить свет на то, что они в совокупности означают для национальной безопасности, и тем более на то, что они могут означать для усилий США по противостоянию с Китаем. Тот факт, что не существует согласованного термина для описания этих всеобъемлющих тенденций, подчеркивает этот момент. Тенденции могут быть сложными для понимания по отдельности, но в совокупности они представляют более ясную картину. Вновь проявляются закономерности, характерные для доиндустриальных обществ. Эти же тенденции неизбежно будут определять траекторию развития конкуренции между США и Китаем. Поэтому крайне важно понять эти тенденции, чтобы разработать соответствующую и хорошо информированную политику, которая будет адаптироваться, приспосабливаться и выборочно противостоять этим тенденциям.

Почему мир переживает такое затухание и регресс? Самым главным фактором является снижение силы развитых индустриальных экономик, которые и создали современную индустриальную эпоху. До 1800 года не существовало ни одного промышленного национального государства. Когда западные страны превратились в промышленные национальные государства, их огромная концентрация власти и богатства вызвала восхищение, негодование и зависть в государствах по всему миру. Хотя ученые продолжают спорить о точных взаимосвязях, уже давно считается, что процесс модернизации основывается на совместном воздействии индустриализации экономики и социально-политической реорганизации. Однако координация модернизации всех секторов исторически оказалась трудным и часто труднодостижимым процессом.[63] Активисты из колониальных и доминирующих стран внимательно изучали западные индустриальные государства в надежде узнать секрет их огромной силы и, в конечном итоге, освободить свои собственные страны от имперского правления.[64] Привлекательность и влияние западных национальных государств достигли апогея в 1950-х и 1960-х годах, когда эти страны пережили

золотой век процветания, который способствовал росту доходов практически всех социальных классов. Отмечая созданное богатство и

---

[63] J. P. Nettl и Roland Robertson, "Industrialization, Development or Moderniza- tion," *British Journal of Sociology*, Vol. 17, No. 3, September 1966.

[64] Панкадж Мишра, *Из руин империи: The Intellectuals Who Remade Asia*, Farrar, Straus, and Giroux, 2012.

Впечатляющая сила и энергичность политических и социальных институтов, американские политологи того времени уверенно провозгласили западную модернизацию образцом для подражания всем странам.[65] Однако ситуация начала меняться в 1970-х годах, когда в тех же странах произошла деиндустриализация, поскольку рост заработной платы сделал производство менее конкурентоспособным. Темпы роста замедлились, экономика переживала стагнацию, а неравенство росло. Аналитики отметили сопутствующий упадок ключевых экономических и политических институтов, относящихся к этому периоду.[66] Одним словом, сила современной цивилизации всегда зависела от энергичности ее передовых примеров. По мере ослабления самых сильных примеров, институты, структуры и нормы, лежащие в основе тех же наций, неизбежно приходили в упадок. Однако природа не терпит вакуума. Конкуренты неизбежно появлялись в формах, которые часто подражали доиндустриальным предшественникам.[67]

Эти тенденции делают менее актуальными многие стратегии, применявшиеся великими державами друг против друга в течение последних двух столетий. Потребуются новые стратегии и политика, чтобы справиться с проблемами, во многом неизвестными соперничеству индустриальной эпохи. Адаптация, вероятно, будет болезненной и тяжелой для всех стран, но, возможно, ни для одной из них в большей степени, чем для Соединенных Штатов. Как величайшее из национальных государств, ни одна страна не получила больше выгод от модернизации. Более того, это почти единственная историческая эпоха, которую Соединенные Штаты Америки пережили непосредственно. Вся история страны разворачивалась как национальное государство. Будет трудно отказаться от опыта, который так хорошо послужил стране и определил ее национальную идентичность. Но адаптация будет обязательной и, в конечном счете, неизбежной. Тенденции, описанные в данном отчете, только начались, многим из них едва исполнилось два десятилетия, и в ближайшие годы они будут усиливаться. Эти тенденции невозможно обратить вспять и восстановить мир индустриальных национальных государств. Структурные изменения, недоступные для политиков, такие как автоматизация, глобализация рынков и демографическое старение, сделали старые предписания о

[65] Сеймур Мартин Липсет, *Политический человек: Социальные основы политики*, Doubleday and Company, 1960.

[66] Ниалл Фергюсон, "*Великое вырождение: Как разлагаются институты и умирают экономики*, Penguin Books, 2014.

[67] Сергей Орденев, "Демодернизация как гибридная форма модернизации традиционно-алистического общества в глобализированном мире", *Обзоры гуманитарных и социальных наук*, том 74, № 4, 2019.

индустриализация экономики и мобилизация общества нежизнеспособны.[68] Адаптация может происходить путем разумного и умелого приспособления или может быть навязана неохотно и неосмысленно. В первом случае можно минимизировать риски и, возможно, получить долгосрочное конкурентное преимущество перед менее подготовленными соперниками. Второе чревато катастрофическими просчетами и потенциальной катастрофой.

Методология и конспект

Для проведения этого исследования мы проанализировали результаты академических и социальных исследований, касающиеся основных всеобъемлющих тенденций. Мы изучили теоретические выводы ученых, которые документировали и анализировали исторические тенденции, свидетельствующие об общем ослаблении или регрессе ключевых аспектов современности. Одной из приоритетных задач было понять, как китайские мыслители могут интерпретировать подобные тенденции. Китайские писатели не используют подобные термины для описания тех же тенденций. Однако китайские писатели действительно комментируют многие из тех же событий, которые отмечают западные ученые. Чтобы проиллюстрировать китайскую точку зрения, мы проанализировали труды и анализы соответствующих тенденций, написанные учеными, экспертами и официальными лицами.

Наша основная методология заключалась в сравнении пяти ключевых факторов в различных географических регионах и исторических эпохах: политика и правительство, культура и общество, экономика, вопросы безопасности и военное дело. В последующих главах эти факторы будут описаны более подробно. В оставшейся части этого раздела мы опишем исторические эпохи, по которым мы проводили сравнительный анализ:

- доиндустриальная Европа (1300-1800)
- доиндустриальный Китай (1300-1900 гг.)
- индустриальное национальное государство (1800-2000)
- неомедиевизм (2000 - настоящее время).

[68] Дарон Асемоглу, "Автоматизация и новые задачи: Как технологии вытесняют и восстанавливают труд", *Журнал экономических перспектив*, том 33, № 2, весна 2019 года; Рональд Ли и Эндрю Мейсон, "Стоимость старения", *Финансы и развитие*, Международный валютный фонд, том 54, № 1, март 2017 года.

Доиндустриальная Европа (1300-1800)

В качестве контраста мы рассмотрели развитие отдельных доиндустриальных обществ. Доиндустриальная история теоретически может включать в себя любое общество до 1800 года и может простираться до начала человеческой цивилизации. Разнообразие и многообразие доиндустриального опыта настолько велико, что не поддается никаким, кроме самых простых обобщений. Чтобы ограничить сравнение, мы определили западный доиндустриальный период как период примерно с 1300-х годов до конца 1770-х годов. Выбранные даты, конечно, несколько произвольны, но в целом они соотносятся с периодом позднего средневековья, когда начали формироваться зарождающиеся формы современного правительства, начиная с итальянских городов-государств, таких как Флоренция. Однако многие из описанных нами особенностей вполне могут быть применимы к государствам и до этого периода.

Географически мы сосредоточились на событиях в Европе. Заметим, однако, что многие из этих особенностей доиндустриальной Европы применимы к досовременным историям Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки и Азии. Кроме того, этот ярлык не относится исключительно к прошлым эпохам. В тех частях развивающегося мира, где модернизация так и не продвинулась далеко, грань между доиндус- триальной и неосредневековой жизнью может быть настолько зыбкой, что ее может и не существовать. Даже если мы ограничим наш анализ Европой, изменения в политической организации, границах и экономике со временем будут значительными. Любое обобщение, безусловно, чревато значительным упрощением. Поэтому мы сосредоточимся на самых общих чертах, которые проявились в подавляющем большинстве государств в этот период, таких как структура государств, способы экономического развития и организация общества.

Доиндустриальный Китай: 1300 - начало 1900-х годов

Мы также рассмотрели аналогичный доиндустриальный исторический период для Китая. Во многих отношениях политические, экономические и социальные события в истории Китая столь же разнообразны и сложны, как и в Европе. Чтобы выбрать период для сравнения, мы сосредоточились на династиях Мин (1368-

1644) и Цин (1644-1912). Ключевым различием между Китаем и Европой является тот факт, что первый был централизованной империей, в то время как вторая состояла из множества самостоятельных государств. Разница в политической организации имеет некоторые важные последствия для нашего сравнения того, как действовали правительство и общество в Китае и Европе. Тем не менее, мы покажем, что, несмотря на важные различия...

Тем не менее, эти две доиндустриальные цивилизации имели много общих черт.

В этот период Китай пережил периоды консолидации и распада, когда императорские династии поднимались и падали. Мы выбрали начало 1900-х годов, чтобы отметить конец доиндустриального Китая, что соответствует распаду империи Цин и концу системы династического правления в 1912 году, которая управляла Китаем на протяжении тысячелетий. За эти годы характер политики и общества претерпел значительные изменения. Поэтому обобщения должны быть осторожными, и необходимо снова признать риск чрезмерного упрощения. Но, как и в случае с доиндустриальной Европой, мы будем стремиться сосредоточиться на самых общих тенденциях.

Современная индустриальная эпоха: 1800-2000 гг.

Современная история определяется по-разному, некоторые определения сосредоточены на централизации европейских государств, начавшейся в 1500-х и 1600-х годах. Однако для целей данного отчета мы сосредоточимся на примерно 200-летнем периоде, определяемом появлением *индустриального национального государства,* которое мы иногда будем сокращать до *национального государства*. Здесь мы имеем в виду прежде всего экономический процесс индустриализации и сопутствующий ему политико-социальный процесс формирования национальных государств, возникший в конце 1770-х годов с созданием Соединенных Штатов и революционной Франции. Эти черты стали более распространенными в последующие два столетия, сначала в Европе и Северной Америке, а затем распространились на другие части мира. Мы выбрали 2000 год в качестве конечной точки этого периода, когда наблюдатели из разных областей знаний отмечали признаки ослабления и регресса тех же самых черт.

В экономическом плане индустриальное национальное государство пережило переход от преимущественно сельскохозяйственной к более разнообразной экономике, характеризующейся значительной индустриализацией. Индустриализация является ключевой движущей силой современного национального государства, обычно требующей мобилизации рабочей силы, более эффективного государственного управления и создания современных финансовых систем и рынков.[69]

С точки зрения политики и общества, архетипическая форма в этом

[69] Джефф Хорн, Леонард Н. Розенбанд и Мерритт Роу Смит, *Переосмысление промышленной революции*, MIT Press, 2010.

Эпохой стало национальное государство. Если нация - это доминирующая этнокультурная группа людей, а государство - централизованная политическая организация в государстве, то национальное государство объединяет эти два понятия. В национальном государстве народ ставит лояльность к нации и государству (часто выражаемую идеологически как патриотизм) выше других форм идентичности и власти, а государство, в свою очередь, ставит во главу угла благополучие и благосостояние граждан нации. Более того, национальное государство территориально консолидировано, централизовано и суверенно.[70] Оно, как правило, характеризуется развитой административной бюрократией, которая проникает в общество, собирает налоги, обеспечивает внутренний порядок и предоставляет основные услуги социального обеспечения. Такое государство также осуществляет власть в пределах своих территориальных границ. Вооруженные силы национального государства обычно можно описать как вооруженную нацию, для которой характерно широкое участие граждан, часто через призыв или добровольную службу. Национальное государство может мобилизовать свое население и ресурсы страны отчасти благодаря тесной связи между народом и государством.[71] Наполеоновская Франция и ее войны стали примером ранней формы многих из этих характеристик. Крупномасштабные мировые войны XX века воплотили эти характеристики в пиковой форме, а холодная война в значительной степени продолжала отражать многие из этих тенденций, хотя и в ослабленной форме.

Исторически этот процесс начался в Европе и Северной Америке в конце 1700-х - начале 1800-х годов и достиг апогея своего развития в середине 20-го века. В других странах индустриальные государства сформировались позднее и иногда в меньшей степени. Япония пережила этот процесс в конце 1800-х годов с реформами Мэйдзи и достигла такого же высокого уровня формирования индустриального национального государства.[72] Китай сохранял имперскую политическую систему, унаследованную от предыдущих веков, до ее свержения в 1912 году. Даже тогда Китай не испытывал политической мобилизации и модернизации до тех пор.

---

[70] Роланд Акстманн, "Государство государства: Модель современного государства

и ее современная трансформация", *Международное обозрение политической науки*, том 25, № 3, 2004.

[71] Андреас Виммер и Брайан Мин, "От империи к национальному государству: Объяснение войн в современном мире, 1816-2001", *Американское социологическое обозрение*, том 71, № 6, декабрь 1, 2006.

[72] Марион Дж. Леви-младший, "Контрастные факторы в модернизации Китая и Японии".
Экономическое развитие и культурные изменения, том 2, № 3, 1954.

после того, как КПК установила контроль над страной в 1949 году. Даже в 1980-е годы уровень индустриализации в Китае был ниже, чем в западных странах. Мы решили датировать аналогичный период индустриального национального государства 1912 годом, когда в стране возникла республика и закончилась династическая политическая система Цин, но мы заранее признаем, что эта датировка несовершенна, учитывая разрозненные последовательности формирования государства, политической мобилизации и, гораздо позже, индустриализации экономики. Большая часть Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока пережила значительную политическую консолидацию, формирование национальных государств и экономическую модернизацию в период с 1920-х по 1970-е годы с разными темпами[73].

После Второй мировой войны индустриальное государство стало универсальной нормой, и многие международные институты, такие как Организация Объединенных Наций (ООН), продолжают основываться на них. Хотя темпы модернизации оказались неравномерными по всему миру, национальное государство стало парадигмой, и его форма продолжает доминировать в представлениях о международной политике, особенно в самых богатых и могущественных примерах, таких как США и Китай.

Неосредневековая эпоха: 2000 год - настоящее время

Вопрос о том, когда эпоха современного индустриального государства перешла в эпоху неосредневековья, является предметом дебатов, и это различие, по общему признанию, субъективно. Семена этого периода были посеяны в 1970-х годах, когда западные страны начали переживать экономическую деиндустриализацию и демобилизацию своей политики и общества после мировых войн.[74] К 1990-м годам ученые разных специальностей начали сообщать о событиях и тенденциях, которые не соответствовали ожиданиям дальнейшего прогресса и вместо этого напоминали регресс к более ранним способам развития. Ключевые события, которые подпитывали это восприятие, включали войну в Боснии в 1990-х годах и начало других "новых войн"; рост новых форм негосударственного террора после атак Аль-Каиды 11 сентября 2001 года;

[73] Лоренцо Камель, редактор, *Хрупкость власти: Границы, негосударственные акторы и власть*, IAI Press, 2017.

[74] Stephen Nickell, Stephen Redding, and Joanna Swaffield, "The Uneven Pace of Deindustrialization in the OECD," *The World Economy*, Vol. 31, No. 9, September 2008.

и резкий рост неравенства и социальных волнений после мирового финансового кризиса конца 2000-х годов.[75] Мы выбрали 2000 год в качестве условного маркера для начала этого периода, поскольку это соответствует общим выводам этих ученых относительно тенденций.

Организация настоящего отчета

В главе 2 мы рассматриваем тенденции в политике и управлении, сравнивая события доиндустриального и современного периодов с эпохой неомеди-цины. В последующих четырех главах мы придерживаемся аналогичной методологии. В главе 3 мы рассматриваем соответствующие тенденции, связанные с обществами и культурами. В главе 4 мы рассматриваем соответствующие тенденции в экономике. В главе 5 мы рассматриваем соответствующие тенденции в вопросах безопасности, уделяя особое внимание изменению характера угроз и организации сил безопасности. В главе 6 мы анализируем тенденции, относящиеся к военным вопросам. В заключение в главе 7 мы приводим наблюдения о последствиях для будущего американо-китайского соперничества.

[75] Калдор, 2012.

ГЛАВА 2

Политика и правительство: Ослабление государств

В этой главе мы рассмотрим развитие событий, связанных с политикой и правительством в разные эпохи. Хотя мы характеризуем *ослабление государств* как наиболее заметную общую черту политики и правительства в эпоху неосредневековья, мы более подробно рассмотрим четыре взаимосвязанных аспекта: (1) политическая власть,
(2) тип государства, (3) роль населения в политике и (4) международный порядок. Мы охарактеризуем эти аспекты в доиндустриальной Европе, доиндустриальном Китае, индустриальном национальном государстве и неосредневековой эпохе. Мы также покажем, как тенденции неосредневековой эпохи сигнализируют о возрождении многих доиндустриальных черт, таких как упадок государственного потенциала и легитимности, все более прозрачные границы, упадок массовой политики и более сложная международная система (Таблица 2.1). Мы также рассмотрим, что эти события могут означать для соперничества между США и Китаем.

Политическая власть: Эрозия национального суверенитета

Политический авторитет относится к юрисдикции и законной власти правящего руководства. Это включает в себя как географическую протяженность власти правителя, так и относительную полноту или исключительность власти, которую он осуществляет над областью. Власть может быть унитарной или разделенной, в зависимости от конкретного государства.

В доиндустриальных обществах существовало спорное и многослойное представление о политической власти. В доиндустриальной Европе и Китае, а также в большей части античности, правители опосредовали свою власть через влиятельных дворян и элиту.

ТАБЛИЦА **2.1**

Резюме политических и государственных аспектов между эпохами

Аспект	Доиндустриальная Европа	Доиндустриальный Китай	Промышленность Национальное государство	Неосредневековый
Политическая власть	- Слабая централизация государства • Многочисленные уровни власти • Пористые границы	• Слабая централизация • Многоуровневая, фрагментированная власть • Пористые границы	• Унитарная, централизованная власть • Исключительный контроль над территориальными границами	• Ослабевающие централизованные государства сосуществуют с несколькими уровнями власти • Все более пористые границы
Тип государства	- Различные формы (королевства, города-государства, княжества и т.д.)	• Различные формы (империя, племена, королевства)	• Национальное государство - это норма	• Национальные государства конкурируют с новыми негосударственными, субнациональными образованиями
Роль населения	- Ограниченный • Как правило, не интегрированы в политическую систему	• Ограниченный • Как правило, не интегрированы в политическую систему	• Обширная • Интегрированы в политическую систему	• Ограниченный • Плохо интегрированы в политическую систему
Международный порядок сеть	- Перекрывающаяся королевских, аристократических отношений • Всеобщий авторитет католической церкви, особенно до Реформации	• Перекрывающаяся сеть имперских и аристократических связей • Китайский император утвердил всеобщую власть	• Национально-государственные организации и официальная межгосударственная дипломатия	• Перекрывающаяся сеть унаследованных от национальных государств межправительственных организаций

(МПО), неправительственных организаций (НПО), негосударственной гибридной	дипломатии, парадипломатии

которые часто осуществляли фактический контроль над большими частями государства. Власть могла быть централизованной в той или иной степени, но она редко была унитарной в современном смысле. Субнациональные элиты могли иметь обязательства перед своими королями, правителями и императорами, но многие из них также пользовались значительной автономией от своих владык. Верховный правитель редко пользовался полной монополией на военную власть даже в пределах своих владений, а скорее зависел от субнациональных элит для поддержания порядка, уплаты налогов и обеспечения призывной рабочей силой. В средневековой Европе короли и дворяне также боролись со всеобщими притязаниями католической церкви, которая утверждала свою власть над христианскими королевствами. Границы в целом не были четко и последовательно разграничены и часто были прозрачными. Средневековый правитель не обладал монополией на насилие, которое социолог Макс Вебер считал одной из наиболее определяющих черт государства.[1] В сельской местности и на дорогах часто встречались бандиты и разбойники. Купцы, путешествующие по морю, сталкивались с нападениями пиратов и налетчиков.[2]

В доиндустриальном Китае наблюдалась более высокая степень централизации и единого контроля, чем в разрозненных европейских странах. Власти считали Китай центром цивилизации и отвергли бы понятие "равенство государств". Император считал себя "верховной властью под небесами" и, соответственно, утверждал свою власть.

господство над всей землей, которая находилась "под небом" (天下).[3] Имперский Китай

вместо этого придерживались концепции сюзеренитета, в которой император Китая

теоретически контролировал слабо связанную систему трибутов, хотя на практике он редко осуществлял значительный контроль над соседними государствами. Китайская концепция подчеркивала культурные, а не политические черты господства и превосходства. Действительно, во многих династиях министерство ритуалов отвечало за управление дипломатическими отношениями. В орбите Китая подчиненные племена и царства вели свои повседневные дела без особого вмешательства со стороны китайского правительства, пока платили дань и придерживались установленных ритуалов и правил поведения. Более того, степень

[1] Макс Вебер, *Политика как призвание (1919)*, издательство Hackett Publishing, 2004.

[2] Уильям Бейн, ред., *Средневековые основы международных отношений*, Routledge Pub- lishing, 2017.

[3] Сюзанна Огден, "Суверенитет и международное право: Перспектива Китайской Народной Республики", *Журнал международного права и политики*, том 7, № 1, 1974.

которые другие государства признавали контроль китайского императора, варьировались в зависимости от времени и места.[4]

В индустриальных национальных государствах политическая власть была тесно связана с понятием суверенитета. *Суверенитет* - понятие, получившее распространение в 1600-х годах, - означает верховную власть государства управлять собой без вмешательства других государств. Со временем это понятие претерпело множество уточнений, но к 1800-м годам его коннотации включали понятие равенства между государствами.[5] Промышленные национальные государства также понимали суверенитет как унитарное правительство, обладающее верховной властью над территорией страны и монополией на насилие в ее пределах.[6] Китайское правительство высоко ценило суверенитет в этих терминах. Когда КПК создала Китайскую Народную Республику (КНР), официальные лица предложили "пять принципов мирного сосуществования", которые закрепили уважение к национальному суверенитету в качестве ключевого элемента внешней политики страны.[7]

Следует отметить, что не все государства в 20 веке осуществляли суверенитет в этих терминах. Слабые государства, расположенные в самых бедных и политически неспокойных регионах мира, часто не имели централизованного и унитарного правительства. Их контроль над границами мог быть частичным, и они часто не могли обеспечить монополию на насилие в пределах своих границ.[8] Республика, созданная Китаем в 1912 году, стремилась к современной форме правления, но не смогла осуществить суверенитет в понимании западных национальных государств. На протяжении своей короткой и неспокойной жизни республика переживала острые междоусобные конфликты.

---

[4] Джо-Энн Пембертон, *Суверенитет: Интерпретации*, Palgrave MacMillan, 2008, стр. 96-99.

[5] Рональд А. Бранд, "Суверенитет: Государство, личность и международная правовая система в двадцать первом веке", *Hastings International and Comparative Law Review*, No. 25, 2002.

[6] Филипп Боббитт, *Щит Ахиллеса: Война, мир и ход истории*, Knopff Publishing, 2002.

[7] Си Цзиньпин, "Нести вперед пять принципов мирного сосуществования, чтобы построить лучший мир через сотрудничество "победа-победа", Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 1 июля 2014 года.

[8] Рами Г. Кхури, "Ранние предупреждающие знаки в арабском мире, которые мы игнорировали - и все еще игнорируем", в Kamel, 2017, с. 19.

Насилие на шее и неспособность противостоять западным и японским имперским хищникам способствовали его падению.[9]

В эпоху неосредневековья после 2000 года политическая власть вновь стала подвергаться испытаниям и многослойной. Глобализация торговли и производства, по общему мнению, создала серьезные проблемы для осуществления государственной власти. Быстрое перемещение товаров, капитала, услуг, людей и информации через границы затруднило способность государства регулировать всю деятельность на своей территории, что является основной обязанностью государств.[10] Более того, глобализация произошла в период замедления роста во многих развитых экономиках, что привело к нехватке ресурсов, снижающей способность государства охранять свои границы и контролировать транснациональные опасности.[11]

Наднациональные, субнациональные и транслокальные органы власти также расширили свои полномочия в областях, некогда монополизированных центральными правительствами.[12] Наднациональные и многосторонние институты, такие как Европейский Союз, Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, посягнули на суверенитет государств-членов через свои торговые правила, влияние на фискальную политику государств с задолженностью и регулирующие полномочия. Субнациональные субъекты, такие как провинциальные лидеры в европейских странах и Китае и правительства штатов в США, бросили вызов своим центральным правительствам таким образом, который шокировал бы их коллег в 1950-х и 1960-х годах. Например, субнациональные лидеры в Китае регулярно нарушали законы и игнорировали центральные директивы по вопросам регулирования, что вызывало горячие осуждения и периодические репрессии, но ни одно из этих действий, похоже, существенно не изменило ситуацию.[13] В Соединенных Штатах губернаторы штатов в условиях крайне поляризованной политической обстановки 2010-х и 2020-х годов угрожали несоблюдением федеральных законов и нормативно-правовых актов.

---

[9] Джонатан Спенс, *Поиск современного Китая*, W. W. Norton, 2013.

[10] Джулиан Г. Ку и Джон Ю, "Глобализация и суверенитет", том 31, *Berkeley Journal*

of International Law, 2013.

[11] Строуб Тэлботт, "Глобализация и дипломатия: Перспектива практикующего", *Внешняя политика*, 1997.

[12] Axtmann, 2004.

[13] Такер Ван Акен и Орион А. Льюис, "Политическая экономия несоблюдения в Китае: Случай промышленной энергетической политики", *Журнал современного Китая*, том 24, № 95, 2015.

ные действия, против которых они выступают, например, связанные с выборами, мерами по охране здоровья населения, здравоохранением и другими вопросами. В одном из исследований 2020 года было установлено, что федеральное правительство США все чаще прибегает к угрозам и наказаниям для подавления действий штатов и местных органов власти, которые противоречат его предпочтениям.[14] В некоторых случаях региональные правительства требуют большей автономии, в результате чего в их отношениях с центральным правительством усиливается конфликт. В качестве примера можно привести отношения между Квебеком и канадским правительством, Шотландией и правительством Великобритании, Баскским регионом и испанским правительством, а также Гонконгом и китайским правительством.

Ученые также отмечают растущую распространенность *парадипломатии*, в которой субнациональные правительства осуществляют операции, ранее монополизированные центральными правительствами. Например, китайские провинциальные правительства возглавили многие строительные проекты, которые Пекин в конечном итоге определил как проекты инициативы "Пояс и путь" (ППД).[15] Во всем мире мэры городов играют заметную роль в переговорах, связанных с изменением климата.[16] Если в 1970-х годах это было маргинальное явление, то после мирового финансового кризиса 2008 года эксперты описывают практику парадипломатии во всех ее формах как "масштабную, интенсивную, обширную и постоянную".[17]

Центральные правительства также стали свидетелями ослабления своей власти на всей территории страны, особенно в развивающихся странах. Примером этих тенденций является распространение неуправляемых или плохо управляемых регионов, в которых законы и власть государства отсутствуют или не имеют значения для жителей. Например, в Сомали центральное правительство не осуществляет власть за пределами столицы. Остальная часть страны управляется "заплаткой".

---

[14] Грег Гельцхаузер и Дэвид М. Кониски, "Состояние американского федерализма в 2019-2020 гг: Поляризованные и карательные межправительственные отношения", *Publius*, Vol. 50, No. 3, Summer 2020.

[15] Зенел Гарсия и Филлип Герриро, "Провинциальные игроки в китайской

инициативе "Пояс и путь", Политический форум Азиатско-Тихоокеанского политического общества, 9 мая 2022 года.

[16] Мэтью Мингус, "Транснационализм и субнациональная парадипломатия: Перфорируют ли правительственные сети суверенитет?". *International Journal of Public Administra- tion*, Vol. 29, No. 8, 2006.

[17] Стефан Пакен, "Парадипломатия", в Теодоре Бальзаке, Фредерике Шариллоне и Фредерике Рамеле, редакторах, *Глобальная дипломатия: Введение в теорию и практику*, Pal- grave Macmillan, 2020.

Работа племенных, религиозных и других акторов.[18] В некоторых случаях вооруженные группы с применением насилия осуществляют фактический контроль над частью территории, как в Колумбии и Мексике, где центральное правительство вынуждено договариваться о доступе через наркокартели. В других случаях негосударственные субъекты, такие как городские банды, религиозные или другие этнические общественные организации, такие как Исламское государство и Палестинская автономия, берут на себя обязанности, аналогичные правительственным, в отсутствие эффективного государственного правления.[19]

Китайские источники с тревогой смотрят на эрозию политической власти. Чтобы утвердить свою власть в Синьцзяне, Тибете и Гонконге, Пекин проводит жестокие и беспощадные репрессии. Утверждение Тайванем своей автономии представляет собой особенно сложную проблему.[20] Несмотря на заявленное стремление к национальному объединению, китайские комментаторы признают, что перспективы добровольного подчинения острова выглядят как никогда далекими, поскольку остров укрепляет свое взаимодействие с США, Японией и многими другими странами.[21.] Не обращая внимания на эти тенденции, Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай "никогда не позволит никаким силам нарушить или отделить его священную территорию", однако он оказался не более успешным, чем его предшественники в продвижении мирного объединения.[22] Удрученные постоянным неповиновением в этих регионах, китайские чиновники и комментаторы регулярно обвиняют правительство США в межнациональном вмешательстве.[23]

Американские и другие западные официальные лица выдвигали против Китая аналогичные обвинения в межнациональном вмешательстве. Западные страны критикуют усилия Китая по культивированию влияния и контролю над дискурсом посредством пропаганды.

---

[18] Кен Менкхаус, "Управление без правительства в Сомали: Spoilers, State Building, and the Politics of Coping," *International Security*, Vol. 31, No. 3, 2006/2007.

[19] Энн Э. Клунан и Гарольд А. Тринкунас, *Неуправляемые пространства*, Издательство Стэнфордского университета, 2010.

[20] Кеннет Рот, "Китайские события 2020 года", Human Rights Watch, 2020.

[21] "Мирное объединение с Тайванем маловероятно без давления: эксперты", *Global Times*, 5 декабря 2020 г.

[22] "Китай никогда не позволит нанести ущерб суверенитету, безопасности и интересам развития: Си", Синьхуа, 23 октября 2020 года.

[23] Ван Цзиси [王缉思], "Антикитайский заговор: Новый "Вашингтонский консенсус" в глазах Пекина" [反华阴谋：北京眼中的"新华盛顿共识"], веб-сайт China-US Focus, 23 июня 2021 года.

и Институтов Конфуция, называя это *операциями влияния*. Вашингтон также осудил политическое преследование должностными лицами КНР граждан диаспоры в США.[24]

Границы также стали более прозрачными, особенно для богатых стран, которые стали основным местом назначения для отчаявшихся мигрантов. Нестабильность, вызванная засухой и войной на Ближнем Востоке в 2015 году, привела к самой большой миграции беженцев за один год со времен Второй мировой войны. Мигранты искали убежища в странах по всему континенту, что вызвало острые политические потрясения.[25] Великобритания вышла из Европейского союза отчасти из-за недовольства вопросами, связанными с пограничным контролем.[26] Миграция также стала острым политическим вопросом в США, поскольку в последние годы резко увеличилось количество беженцев, что отражает ухудшение условий в некоторых латиноамериканских странах.[27]

Взаимодействие этих различных субнациональных и негосударственных субъектов ограничивает и подрывает унитарный и централизованный контроль, который когда-то осуществляли национальные правительства. В эпоху неосредневековья политическая власть изменилась, поскольку унитарное централизованное государство столкнулось с растущим числом проблем, связанных с многочисленными уровнями власти, все более проницаемыми границами и снижением способности контролировать насилие в пределах своих границ. По мере ослабления государств проявляются симптомы, напоминающие модели, наблюдавшиеся в доиндустриальных обществах.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Эти тенденции имеют важные последствия для конкуренции великих держав. Во-первых, ослабление потенциала государств облегчает вмешательство в их внутренние дела со стороны соперничающих государств. Субнациональные группы способны действовать с большей силой.

[24] "Контрразведка США предупреждает о том, что Китай усиливает операции влияния", Рейтер, 6 июля 2022 года.

[25] Уильям Спиндлер, "2015 год: Год кризиса беженцев в Европе", Верховный комиссар ООН по делам беженцев, 8 декабря 2015 года.

[26] Марк Истон, "Дилемма мигрантов в Великобритании - все дело в Brexit", BBC, 22 ноября 2021 года.

[27] "США арестовали 210 000 мигрантов на мексиканской границе в марте, превысив рекордные показатели", Рейтер, 18 апреля 2022 года.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

автономии, поскольку их лояльность центральному правительству снизилась. С другой стороны, центральные правительства обладают достаточными ресурсами для координации действий с недовольным населением в других странах. Вашингтон и Пекин уже обменялись обвинениями по поводу взаимного вмешательства при проведении действий по координации действий с симпатизирующими отдельными лицами и группами в другой стране. Это, в свою очередь, подогревает недовольство, поскольку вмешательство рассматривается как особая угроза, учитывая ослабление легитимности государства. Усилия по ограничению доступа конкурирующей державы к населению, скорее всего, приведут к дальнейшему обострению напряженности, что видно на примере реакции Пекина на усилия США по ограничению возможностей китайских СМИ и Институтов Конфуция вести политическую деятельность в поддержку КПК, а также на реакцию США на усилия Китая по подавлению диссидентов и меньшинств при запугивании Тайваня.[28]

Во-вторых, рост насилия внутри страны, ослабление легитимности правительства и пористость границ в государствах-партнерах создают возможности для непрямой конфронтации. Партнеры могут обратиться как к Вашингтону, так и к Пекину за помощью, чтобы справиться с внутренними проблемами или посягательствами собственных соперников. Стремясь укрепить собственную легитимность как внутри страны, так и среди потенциальных партнеров, США и Китай могут найти растущие стимулы для оказания помощи сочувствующим проблемным правительствам или субнациональным субъектам. Результатом может стать углубление конкуренции за влияние и возможность непрямого конфликта по всему миру. Прецедент можно увидеть, например, в Сирии или Украине, которые привели к косвенному конфликту между США и Россией.[29] Другим примером этого может быть противостояние Китая и США по поводу того, как справиться с ядерными амбициями Ирана и Северной Кореи.[30]

Упадок политического авторитета имеет значение не только для мирного времени, но и в случае войны между США и Китаем. Это имеет два важных последствия. Во-первых, уязвимость перед внешним вмешательством повышает возможность...

[28] Томас Лун и Ханна Фишер, "Институты Конфуция в США: Избранные вопросы", Исследовательская служба Конгресса, IF11180, 20 мая 2022 года.

[29] Анна Мулрин Гроб, "Прокси-война или нет, США и союзники по НАТО проявляют изобретательность в помощи Украине" *Christian Science Monitor*, 18 июля 2022 года.

[30] Майкл Кроули, "США штрафуют китайские компании за содействие экспорту иранской нефти", *Нью-Йорк Таймс*, 29 сентября 2022 года; Майкл Николс, "США обвиняют Китай, Россию в содействии Ким Чен Ыну", Рейтер, 5 октября 2022 года.

вероятность того, что конфликт может распространиться на внутренние фронты. В случае конфликта правительству США может потребоваться усилить координацию военных и правоохранительных органов для мониторинга и противодействия потенциальным китайским угрозам в информационной, кибернетической и других сферах. Во-вторых, страны-партнеры, испытывающие стресс, могут стать ключевым полем боя в непрямом конфликте. Проблемы, связанные с ослаблением политической власти, вероятно, будут более острыми в развивающихся странах, некоторые из которых могут обладать важными ресурсами или располагаться в стратегически важных местах. Способность правительств США и Китая сотрудничать с различными субнациональными или негосударственными субъектами в одной и той же стране повышает вероятность того, что они могут вести войну по доверенности.

Тип государства: Трансформация национального государства

История демонстрирует огромное разнообразие форм, в которых политические лидеры могут управлять сообществами. На форму государства влияет множество факторов, включая географию, экономику, общество и состояние технологий. Форма государства, в свою очередь, может определять возможности правителей по управлению экономическим ростом, обеспечению социальной стабильности и ведению войны. Чарльз Тилли, например, показал, что потребность в ресурсах для финансирования войн послужила мощным стимулом для централизации и модернизации европейских государств. Более эффективная, современная государственная бюрократия, в свою очередь, позволила правителям формировать большие армии, вести более разрушительные войны и предоставлять гражданам более щедрые льготы.[31]

Доиндустриальный мир, как правило, имел разнообразные политические устройства. В средневековой Европе королевства сосуществовали с городами-государствами, княжествами, герцогствами и территориями, принадлежавшими католической церкви. Правители часто контролировали многоэтнические и разнообразные религиозные общины, в которых отдельные люди

хранили верность властям, включая церковь, короля, старейшину деревни и местного лорда. Правители не чувствовали особых обязательств по отношению к благополучию населения, кроме контроля над угрозами, которые могли помешать возможности собирать налоги. Когда в 1500-х годах государственная централизация ускорилась,

[31] Чарльз Тилли, *Принуждение, капитал и европейские государства AD 990-1990*, Бэзил Блэквелл, 1990.

Война часто вспыхивала между соперничающими типами правительств, пока не возобладала норма политической легитимности.[32]

Доиндустриальный Китай понимал политические сообщества в терминах цивилизации и считал некитайские народы нецивилизованными.[33] Китайская империя имела центральную бюрократию, но не обладала многими другими чертами, присущими современным государствам, такими как глубокое проникновение бюрократии в общество, националистические настроения и способность мобилизовать общество. Более того, в доиндустриальном Китае сосуществовали различные племена, мелкие королевства и другие государства. Отражая примат культуры в китайской концепции, император и местные чиновники управляли страной ритуализированным образом, уделяя особое внимание церемониям и ответным действиям. Как и в Европе, люди хранили верность многочисленным властям, включая императора, деревенских старейшин, религиозных лидеров и местных чиновников.

В современный индустриальный период парадигматическим политическим образованием было национальное государство, в котором обычно проживало население, разделяющее общую культуру, ценности и чувство национальной цели. Социальная солидарность населения включала в себя чувство долга перед государством. Это чувство проявлялось в форме широко распространенной и глубоко прочувствованной патриотической или националистической идеологии. Правительство национального государства часто пользовалось высокой степенью легитимности, отчасти потому, что оно предоставляло возможности для участия в политической жизни и обеспечивало щедрые социальные блага или экономические возможности. В обмен на это государство получало право на тщательное взимание налогов и оплату труда. Хотя конкретные политические механизмы варьировались между либеральными демократиями и авторитарными режимами, страны по всему миру в XIX и, особенно, в XX веке в целом стремились укрепить связи между государством и народом посредством мобилизации промышленности, призыва в армию и поощрения националистических настроений[34].

[32] Tilly, 1990.

[33] Guang Xia, "China as a 'Civilizational-State': A Historical and Comparative Interpretation," *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 140, August 2014.

[34] Боббит, 2002.

В эпоху неосредневековья национальное государство пришло в значительный упадок, хотя эксперты спорят о том, что может быть дальше.[35] Многие отмечают, что национальное государство находится в кризисе отчасти из-за снижения потенциала управления и конкуренции со стороны негосударственных групп. Годы медленного и несбалансированного роста привели к тому, что национальные государства располагают ресурсами, позволяющими обеспечить высокий уровень жизни только привилегированному меньшинству.[36] По мере того, как способность национального государства предоставлять товары и возможности снижается, граждане все более критично относятся к его недостаткам.[37] В развивающихся странах власть центрального правительства может быть настолько ослаблена его неспособностью контролировать такие дан- ные, что оно не имеет большой власти за пределами столицы.[38] Этнические, религиозные и другие группы меньшинств предоставляют товары и блага своему населению, что может помочь компенсировать снижение возможностей центрального правительства. Однако эти же тенденции способствуют укреплению лояльности к субнациональному сообществу в ущерб национальному государству.[39]

Китай остается гораздо более этнически однородным, более 90 процентов населения составляют ханьцы. Однако ослабление связей между народом и государством не обошло стороной и Китай. Снижение лояльности к государству отчасти объясняет растущую значимость религиозной и этнической идентичности в таких регионах, как Синьцзян и Тибет, а также отказ населения Гонконга добровольно подчиниться правлению Пекина. Жестокие и насильственные меры, предпринятые Пекином для устранения конкурирующих идентичностей.

---

[35] Рана Дасгупта, "The Demise of the Nation-State", *The Guardian*, 5 апреля 2018 года; Майкл Манн, "Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation State?". *Review of International Political Economy*, Vol. 4, No. 3, 1997.

[36] Джулиана Хоровиц, Рут Игельник и Ракеш Кочхар, "Тенденции в неравенстве доходов и богатства", Pew Research Center, 9 января 2020 года.

[37] Фил Уильямс, *От нового средневековья к новому темному веку: упадок*

государства, Институт стратегических исследований, 2008.

[38] Сьюзан Е. Райс и Стюарт Патрик, *Индекс слабости государства в развивающихся странах*, Институт Брукингса, 2008.

[39] Шон Т. Флэниган, "Мотивы и последствия предоставления общественных работ организацией La Familia Michoacana/Knights Templar и другими мексиканскими наркокартелями", *Журнал стратегической безопасности*, том 7, № 3, осень 2014 г.

связи подчеркивают хрупкость народной поддержки.[40] Аналогичным образом, власти выражают тревогу по поводу апатии населения и отсутствия рвения к идеологии КПК. Соответственно, власти пресекают элементы популярной культуры, которые вызывают больший энтузиазм.[41] Усиление идейно-логической индоктринации КПК направлено на противодействие фрагментирующему воздействию потребительской культуры и создание более сплоченной национальной политической идентичности. Однако власти молчаливо признают, что эти усилия вряд ли будут успешными сами по себе, и что для достижения хотя бы видимости подчинения необходимы материальные стимулы.[42]

Китай, который никогда не достигал высокого уровня консолидированного правления и широких социальных услуг, которыми пользуются богатые западные индустриальные державы, также переживает ослабление своего управленческого потенциала. Это напрямую влияет на ее способность завоевывать лояльность и поддержку народа. Возможно, самым ясным признаком признания партией этой проблемы является формулировка Си Цзиньпином "новой эры", в которой центральная проблема, стоящая перед партией, определяется как "противоречие" между ожиданиями народа в отношении лучшей жизни и "несбалансированным и неадекватным развитием страны".[43] Примечательно, что власти не обещали генерировать ресурсы для преодоления этого разрыва. Вместо этого они решили умерить ожидания населения с помощью репрессий и широкой индоктринации. Власти также признают, что неспособность партии искоренить коррупцию среди чиновников и уменьшить неравенство еще больше подорвала общественную поддержку. Си назвал коррупцию "самой большой угрозой" для правления КПК и признал "значительное неравенство" в распределении доходов в числе "многих областей", где правительство "не справляется "[44].

---

[40] Остин Рамзи, "Китайское притеснение мусульман в Синьцзяне, объяснение", *Нью-Йорк Таймс*, 20 января 2021 года.

[41] "China Clamps Down on Pop Culture to 'Control' Youth", Agence France Presse, 29 сентября 2021 года.

[42] Минсинь Пэй, "Идеологическая индоктринация при Си Цзиньпине", *China Leadership Moni- tor*, 1 декабря 2019 года.

[43] Си Цзиньпин, 2022; Си Цзиньпин, "Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м партийном съезде, Синьхуа, 3 ноября 2017 года.

[44] Си Цзиньпин, 2017.

В целом, норма национального государства, которая доминировала на протяжении большей части современной истории, особенно в Европе, Америке и Восточной Азии, разрушается. Несмотря на тревожные тенденции, существует мало доказательств того, что наиболее развитые индустриальные государства находятся в непосредственной опасности распада. Однако, похоже, что они эволюционируют или ищут новые формы легитимности, поскольку старая основа оказалась неустойчивой. Некоторые ученые предполагают, что национальные государства могут вступить в период соперничества между конкурирующими возможными кессорами. Филипп Боббитт предположил, что современное государство уже отказывается от старой предпосылки национального государства в пользу новой сделки "рыночного государства", которая больше сосредоточена на предоставлении индивидуальных возможностей как основы легитимности, но Китай, Россия и другие страны, возможно, разрабатывают альтернативу.[45] В других частях мира, однако, национальное государство детерио- ризовалось еще более стремительно. В более хрупких и нестабильных странах государство может существовать только на бумаге. Слабое центральное правительство, как, например, в Сирии и Демократической Республике Конго, означает, что реальный контроль осуществляется сложным набором национальных, субнациональных и негосударственных субъектов, таких как религиозные группы, повстанцы и старейшины племен. В результате получается лоскутное одеяло из многоуровневых и конкурирующих властей, над которыми центральное правительство может осуществлять практически полный контроль. Эта ситуация повторяет сложные и разнообразные формы управления и пересекающиеся претензии, которые были характерны для средневекового ландшафта.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Упадок национального государства имеет несколько ключевых последствий для американо-китайского соперничества. Снижение политической легитимности национального государства, скорее всего, приведет к более нестабильной и непредсказуемой ситуации. Слабость государства в обеих странах будет проявляться по-разному. В США

конкуренция между внутренними политическими лидерами уже привела к острой поляризации, тупику и нестабильному принятию решений. В Китае повсеместная коррупция и замедление темпов роста подорвали авторитет правительства. Китайские лидеры усилили репрессии, чтобы подавить недовольство и укрепить слабеющую легитимность режима. Политическая слабость государства может привести к вмешательству со стороны конкурирующего государства, что, в свою очередь, может еще больше усугубить ситуацию.

---

[45] Bobbitt, 2002, p. 2.

нагнетать напряженность. Свидетельства того, что Китай может вмешиваться во внутреннюю политику США через социальные сети, являются одной из иллюстраций.[46] Политические кризисы, вызванные неспокойными регионами и недовольным населением, могут стать более распространенными. Примером такой динамики может быть повышенная напряженность, вызванная визитом спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси на Тайвань.[47]

Планы и стратегии, предполагающие, что национальные государства будут вести себя так же, как в прошлом веке, возможно, придется пересмотреть. Например, возможно, что идеологическая конкуренция примет совершенно иную форму, чем могучие состязания с участием соперничающих глобальных идеологий, которые были характерны для 20-го века. Вместо этого война за идеи может состоять из раздробленных и очень специализированных посланий, адресованных конкретным группам населения по всему миру и уделяющих меньше внимания национальным избирательным округам. Основной водораздел может состоять из сторонников силы социальной и политической стабильности, определяемой большинством населения страны и правами меньшинств. Соединенные Штаты и Китай могут оказаться сторонниками того или другого, в зависимости от ситуации. Например, Соединенные Штаты выступают за права меньшинств в Синьцзяне и Тибете, с одной стороны, и осуждают защиту Бэй Цзином прав этнических китайских граждан в других странах как вмешательство.[48] Оба правительства также не будут последовательно придерживаться той или иной точки зрения. Сторонники любой позиции или других идеологий могут найти сторонников внутри каждой страны. Таким образом, идеологическая конкуренция может потребовать не столько стратегии холодной войны по мобилизации национальных государств и их общественности, сколько искусного создания целенаправленных и изменчивых коалиций с участием разрозненных субнациональных и транснациональных сообществ на границах и по всему миру.

Международное сотрудничество с государствами и субнациональными группами, имеющими общие политические ценности, может стать важной частью конкурентной борьбы. Учитывая ослабление внутренних основ легитимности государства,

[46] Кен Диланян, "Facebook говорит, что удалил китайские аккаунты, которые пытались вмешаться в промежуточные выборы в США", NBC News, 27 сентября 2022 года.

[47] Лили Куо, Эрин Каннингем, Ясмин Абуталеб, Рейчел Паннетт и Аннабель Тимсит, "Nancy Pelosi Departs Taiwan, Ending Contentious Visit That Angered China," *Washington Post*, August 3, 2022.

[48] Фергус Хансон, Эмилия Керри и Трейси Битти, "Принудительная дипломатия китайской коммунистической партии", Австралийский институт стратегической политики, август 2020 года.

внешние источники подтверждения могут стать более значимыми. Неудачи партнеров или нанесение им ущерба могут повлиять и на собственную легитимность государства, создавая сильный стимул для сотрудничества с организациями, разделяющими общие ценности. В качестве примера можно привести укрепление связей между США и другими либеральными демократиями, такими как Австралия и Великобритания, а также Тайвань. Укрепление связей между Китаем, Россией и Ираном также может отражать подобную логику. Эта тенденция, вероятно, как повышает стимул к координации действий с государственными и негосударственными партнерами, так и обостряет восприятие угрозы со стороны страны-соперника.

Распад национальных государств по всему миру также предполагает, что возможности для привлечения капитала, рабочей силы и технологий растут. Реагируя на те же тенденции в своих странах, люди могут отдавать предпочтение возможностям собственного развития перед патриотическими обязательствами, что открывает возможности для международной вербовки, но также потенциально увеличивает риски шпионажа и операций иностранного влияния, поскольку противники используют ослабленный рынок талантов в своих целях.

Изменение основы легитимности будет иметь важные последствия в случае войны между США и Китаем. С одной стороны, распад национального государства, вероятно, сделает стратегии массовой мобилизации нежизнеспособными, что подтверждается политическими потрясениями, вызванными усилиями России по частичной мобилизации в сентябре 2022 года.[49] Вместо этого правительствам, возможно, придется вернуться к стратегиям доиндустриальных империй и королевств, которые полагались на скромное количество профессиональных войск, дополненных наемниками, ограниченными военными сборами, а также предоставлением войск и ресурсов от различных государственных и негосударственных партнеров. Такой эклектичный способ ведения боевых действий позволял правителям вести войну, не требуя больших затрат от своего населения.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и возможность того, что споры о государственной легитимности перерастут в крупный конфликт. Уже сейчас и Китай, и США считают друг друга гораздо более опасными для своей внутренней политики, чем это

было всего десять или двадцать лет назад. Китайские власти осудили США за якобы разжигание "цветной революции", а директор Федерального бюро расследований (ФБР) Кристофер Врэй обвинил Китай в стремлении "подорвать наши интересы".

---

[49] Карим Фахим, Зейнеп Каратас и Робин Диксон, "Русские мужчины, бегущие от мобилизации и оставившие все позади", *Washington Post*, 28 сентября 2022 года.

демократического процесса".[50] Поскольку ткань национального государства продолжает распадаться, чувствительность к вопросам внутренней легитимности, вероятно, усилится. Напряженность по таким вопросам усугубляется легкостью, с которой национальные правительства могут общаться и координировать свои действия с субнациональными правительствами и обиженными людьми, что подчеркивает ожесточенная вражда между Пекином и Вашингтоном по поводу потепления связей США с Тайванем и культивирования Китаем поддержки американской деловой, академической и политической элиты.

В то же время, углубление напряженности сдерживается отсутствием убедительных вариантов разрешения разногласий. Тотальная война слишком рискованна, учитывая уязвимость государств и их неспособность провести национальную мобилизацию, а также постоянную опасность ядерного оружия. Учитывая эти реалии, наиболее привлекательным ответом может быть просто ответный удар. У слабеющих государств есть много вариантов наложения бремени на своих соперников. Например, правительства могут сотрудничать с государствами-партнерами и субнациональными индивидуумами и группами, которые разделяют антипатию к сопернику, или разжигать недовольство в соперничающем государстве. В результате может возникнуть взаимоусиливающий цикл дискриминации и недовольства, когда два правительства создают коалиции и осуществляют действия, которые вмешиваются во внутренние дела соперничающего государства, но государства слишком слабы, чтобы предотвратить их или одержать победу.

Народная роль: Конец массовой политики

Роль населения может повлиять на стабильность и силу государственной политики. Интеграция населения в процесс принятия политических решений в государстве может стимулировать людей поддерживать государство и рисковать своей жизнью во имя государственных целей. Высокий уровень поддержки может способствовать мобилизации государством ресурсов страны для войны, в то время как низкий уровень поддержки может помешать

таким усилиям или сделать их неосуществимыми. Либеральные демократии продемонстрировали впечатляющую способность к мобилизации для крупных войн, например, отчасти потому, что

[50] "Офицер по национальной безопасности центрального правительства говорит, что США замышляют устроить "цветную революцию" в Гонконге", Синьхуа, 25 сентября 2021 года; ФБР, "Стремление Китая к экологическому и политическому господству угрожает безопасности Америки", пресс-релиз, 1 февраля 2022 года.

сильной поддержки, которую граждане оказывают правительствам, в которых они участвуют.[51]

На протяжении большей части истории человечества общество считало политику делом элиты. Привилегированные религиозные, экономические и военные элиты часто боролись за власть и определяли общественные дела. В средневековой Европе простолюдины имели мало прав и практически не играли никакой роли в политике. Они выражали свои политические предпочтения через обращения к своим лордам и случайные крестьянские восстания, почти все из которых были быстро подавлены.[52] В Китае также император считал политические дела уделом королевской семьи и избранной местной элиты, что часто сопровождалось интригами и междоусобицами среди привилегированных лиц и их семей.[53] Во времена исключительных потрясений угнетенные китайские крестьяне могли организовывать восстания, а малоизвестные простолюдины даже поднимались на высший уровень политической власти. Но такие инци- денты были исключением, а не нормой. Ни в средневековой Европе, ни в доиндустриальном Китае соответствующие политические системы не предоставляли институционализированных средств для участия простых людей в политике.

Одной из наиболее характерных черт современного индустриального государства стала его зависимость от массовой политики как основы легитимности. США и Европа пережили значительное расширение демократических институтов в 1700-х и 1800-х годах, причем к 20-му веку право голоса распространилось на большинство групп меньшинств.[54] Даже недемократические государства, такие как ком-мунистический блок и фашистские Германия и Италия, проводили политическую мобилизацию посредством митингов и собраний под руководством авторитарных политических партий. В 1950-х и 1960-х годах КПК под руководством Мао Цзэдуна мобилизовала народ для достижения своих целей и борьбы со своими политическими врагами.[55]

---

[51] Майкл Э. Браун, ред., *Выигрывают ли демократии свои войны?* Издательство Принстонского университета, 2011.

[52] Марта Эллис Франсуа, "Восстания в Европе позднего средневековья и раннего нового времени: Спиральная модель", *Журнал междисциплинарной истории*, том 5, № 1, 1974.

[53] Юрий Пайнс, *Вечная империя: Политическая культура древнего Китая и его имперское наследие*, Princeton University Press, 2012.

[54] Сэмюэль Хантингтон, *Третья волна: Демократическая революция в конце XX века*, Издательство Университета Оклахомы, 1991.

[55] Спенс, 2013.

В эпоху после 2000 года роль рядовых граждан в политике уменьшилась. Либеральные демократии обычно поддерживают формальные возможности для участия населения в выборах и сохранения гражданских свобод, но растущее неравенство, укоренение элит и стагнация уровня жизни привели к тому, что многие граждане разочарованы и расстроены тем, что они воспринимают как безответную систему. Политологи отмечают снижение доверия к институтам в последние годы, что привело к общему снижению уровня политического участия.[56] Группы по защите гражданских прав отмечают постоянное ухудшение качества демократической практики и индивидуальных свобод в большинстве развитых стран мира, что, в свою очередь, стимулирует рост экстремистской политики и снижение доверия к либерально-демократическому управлению.[57]

Упадок массовой политики еще более заметен в авторитарных государствах. Ком- мунистические страны, такие как Китай и Вьетнам, отказались от политической мобилизации в пользу акцента на экономическом самосовершенствовании. Хотя китайские власти теоретически поддерживают принцип массовой политики, они настаивают на абсолютном контроле КПК и в последние годы ужесточили контроль.[58] Недовольство населения коррупцией, должностными преступлениями и неадекватными государственными услугами сохраняется. Но в ответ на эти требования ограниченный в ресурсах Пекин все чаще прибегает к репрессиям для поддержания своего правления. В беднейших странах, конечно, у людей практически нет возможностей участвовать в национальной политике вне вооруженных восстаний и мятежей, как и у их доиндустриальных предшественников.

В целом, политическая мобилизация населения стала одним из наиболее характерных и значительных достижений современного индустриального периода. Способность государств значимо вовлекать народ в национальную политику обеспечивала важнейший источник легитимности. Отчасти благодаря участию населения в политике, правительства могли взимать налоги и требовать жертв на национальные цели, намного превышающие уровень доиндустриального общества.

[56] Фил Парвин, "Демократия без участия: A New Politics for a Disengaged Era", *Res Publica*, Vol. 24, 2018; Robert Putnam, *Bowling Alone*, Touchstone Books, 2001.

[57] Foa and Mounk, 2016.

[58] Ци Бяо [齐彪], "Система, которая ставит интересы народа на первое место" [把人民利益摆在至高无上地位的制度], Синьхуа, 8 мая 2020 г.

ети могли надеяться достичь. Упадок массовой политики ставит под вопрос основные вопросы политической легитимности во всех национальных государствах и их способность добывать налоги и политическую поддержку для трудных национальных начинаний. Эти тенденции повторяют общую ситуацию в доиндустриальных обществах, в которых население было менее вовлечено в политику, а элиты доминировали в общественных делах.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Упадок национального государства имеет важные последствия для способности Соединенных Штатов и Китая конкурировать друг с другом. Правительствам обеих стран, возможно, придется разработать новые стратегии, выходящие за рамки крупномасштабных мобилизаций, характерных для борьбы 19-го и 20-го веков. Более полезными для нынешней эпохи могут быть стратегии, которые минимизируют требования к общественности, одновременно усиливая недовольство населения соперничающего государства. Информационные операции могут стать более эффективными, если они откажутся от стратегий национальной привлекательности времен холодной войны в пользу узконаправленных, конкретных сообщений, ориентированных на субнациональных лиц и группы, особенно учитывая доступность новых цифровых и информационных технологий, которые позволяют более точно сфокусировать сообщения.

По мере того, как разочарованное население отстраняется от политики, война может снова вернуться в сферу компетенции лидеров и элит. Поддержка населения может стать пассивной, но это не делает ее неважной. Неустойчивая поддержка населения может стать мощным ограничителем для лидеров и элит, ведущих войну, из-за постоянной угрозы волнений и массовых протестов. В современном варианте крестьянских восстаний народные волнения по поводу плохих экономических показателей, злоупотреблений со стороны властей или других признаков недобросовестной деятельности могут заставить лидеров в будущем, как и в доиндустриальном прошлом, свернуть конфликт и перераспределить скудные ресурсы, чтобы ослабить внутренние волнения и укрепить

вечно хрупкий авторитет государства.

Таким образом, в войне обе стороны, скорее всего, столкнутся с сильными стимулами избегать тотальной войны, поскольку такая мобилизация превышает возможности ослабленных национальных государств. Вместо этого планировщикам обороны, возможно, придется рассмотреть варианты, предусматривающие, по меньшей мере, частичную мобилизацию и предполагающие более слабый уровень общественной поддержки на протяжении всего периода ограниченного конфликта. Цель ограниченной войны в эпоху Средневековья может сместиться в сторону поиска уступок в отношении ближайших стран.

споров путем нанесения удара по политической легитимности противника. Учитывая обширную внутреннюю уязвимость и невозможность уверенно победить в тотальной войне против равного противника, вместо этого конфликт может состоять из прокси-войн за рубежом и прямых действий против родины соперника в кибер-, экономической и информационной сферах. Для обеспечения безопасности внутреннего тыла в рамках любой военной операции может потребоваться больше усилий. Например, лица, принимающие решения, должны подготовить политику, предполагающую приемлемое налоговое бремя, стабильную экологическую деятельность и социальный порядок в качестве основных компонентов любого крупного военного плана. Масштабирование военных операций в соответствии с имеющимися ресурсами и использование беспилотных систем и подрядчиков для ведения ограниченной войны также может минимизировать потери среди военнослужащих и облегчить задачу поддержания хрупкой общественной поддержки.

Международный порядок: Распад государственно-ориентированной системы

Международный порядок состоит из структурированных отношений и взаимодействий между правительствами и другими неправительственными субъектами. Они могут состоять из двусторонних взаимодействий между главами государств или многосторонних взаимодействий. Международный порядок может состоять из высоко институционализированных мест для управления дипломатическими делами или состоять в основном из неформальных взаимодействий между ведущими главами государств.

В доиндустриальную эпоху в международных отношениях, как правило, участвовали несколько типов политических субъектов с пересекающимися юрисдикциями. На протяжении большей части этого периода, но особенно до 1700-х годов, отношения между правителями, как правило, были неформальными и характеризовались взаимодействием между королевскими семьями и связанными с ними герцогами, принцами и другими магнатами. Католическая церковь утверждала свою власть над всем

христианством и контролировала собственную сеть епископов и духовенства по всей Европе. Церковные чиновники вели дипломатию со светскими правителями и управляли собственными вооруженными силами на протяжении 1500-х годов.[59] Священная Римская империя также утверждала свою власть над большей частью Европы и боролась как с религиозными группами, так и с соперниками.

[59] G. P. Cuttino, *English Medieval Diplomacy*, Indiana University Press, 1985.

светских правителей. Религиозные и этнические меньшинства часто обращались к таким могущественным покровителям за защитой от номинальных правителей, что приводило к войнам. Например, такие проблемы способствовали Тридцатилетней войне (1618-1648), в результате которой был установлен принцип суверенитета как одно из средств уменьшения подобных конфликтов.[60]

В Китае император осуществлял аналогичное неформальное, но высоко ритуализированное взаимодействие с правителями "варварских" племен. В период правления династии Мин Китай осуществлял свободный сюзеренитет над различными иностранными народами, включая племена аборигенов на юге и юго-западе Китая. Иностранные правители должны были выражать почтение китайскому императору и принимать номинальные назначения в аристократическое или военное сословие династии Мин. Действительно, дипломатия от имени императора осуществлялась Министерством обрядов.[61] Китайская культура, в основном определяемая письменным языком и конфуцианскими ценностями и учениями, оказывала международное влияние на весь регион. Однако она не была так институционализирована, как католическая церковь.

В эпоху индустриального национального государства международный порядок отражал главенство национальных государств. Этот порядок состоял из высоко институционализированного набора правительственных организаций, которые дополняли двустороннюю и многостороннюю дипломатическую деятельность государств. Либеральный международный порядок, установленный Соединенными Штатами, закрепил принципы свободной торговли, суверенитета и политических свобод в практике и принципах ключевых институтов, таких как ООН, НАТО и другие. Дипломатия в целом состояла из формального взаимодействия между государствами на номинально равной основе.[62] В эпоху неосредневековья институты, основанные на национальных государствах, выглядят следующим образом в упадке. Международные институты, созданные после Второй мировой войны, такие как ООН, Всемирная торговая организация и Группа семи, подверглись резкой критике за неспособность эффективно реагировать на трудноразрешимые глобальные проблемы, такие как медленный рост, пандемии и гражданские войны.[63] В последнее время в мире наблюдается значительный спад в

развитии международных институтов.

---

[60] Питер Уилсон, *Тридцатилетняя война: трагедия Европы*, Harvard University Press, 2011.

[61] Gazi Islam and Macabe Keliher, "Leading Through Ritual: Ceremony and Emperorship in Early Modern China," *Leadership*, Vol. 14, No. 4, 2018.

[62] Джон Бейлис, Стив Смитсон и Патриция Оуэнс, *Глобализация мировой политики: Введение в международные отношения*, Oxford University Press, 2016.

[63] Карен ДеЯнг и Лиз Слай, "Наши глобальные институты не справляются перед лицом пандемии", *Вашингтон Пост*, 15 апреля 2020 г.; Джулио М. Галларотти, "Пределы интер-.

десятилетия появились новые формы транснациональной деятельности, состоящие из скоординированных действий корпораций, неправительственных организаций, преступных и других неправовых структур, таких как наркокартели и террористические группы. Субнациональные правительства также взяли на себя инициативу по осуществлению парадипломатической деятельности, которая имитирует или дополняет дипломатию, осуществляемую национальными правительствами, особенно примерно с 2000 года.[64] Такие изменения в международном порядке вызвали недовольство государственных чиновников и ученых в Китае. Фу Ин, бывший заместитель министра иностранных дел Китая, в 2018 году сетовал, что "глобальная политическая власть более фрагментирована, чем когда-либо прежде.
подрывается появлением международных организаций и других негосударственных образований".[65] Юань Пэн, ученый из Китайского института международных отношений, аналогично заметил, что "глобализация столкнулась с водоворотом встречных течений" и "глобальное управление сталкивается с беспрецедентным кризисом".[66]

В целом, международный порядок переходит от механизма с преобладанием национальных государств, характеризующегося формальными институтами и дипломатией между правительствами, к более сложному механизму, в котором дипломатия между правительствами сосуществует с неформальными и новыми видами международной деятельности и акторами. Хотя новые организации являются современными, они повторяют сложные и пересекающиеся полномочия и зависимость от неформальных операций, которые характеризовали средневековую дипломатию.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

В постиндустриальную эпоху международный порядок стал более сложным, в нем появилось множество наднациональных институтов, субнациональных правительств, государственных субъектов и других неправительственных организаций, взаимодействующих друг с другом и с национальными правительствами. Уже сейчас и Китай, и Соединенные Штаты Америки

национальная организация: Системный провал в управлении международными отношениями".
Международная организация, том 45, № 2, 1991.

[64] Paquin, 2020.

[65] Фу Ин, "Обсуждение изменений в международном порядке", *China-US Focus*, 31 июля 2018 года.

[66] Юань Пэн [袁鹏], "Пандемия коронавируса и столетие перемен" [新冠疫情与百年变局], *Айсисян*, 17 июня 2020 г.

Государства признали важность координации своей конкурентной политики с ключевыми субъектами частного сектора и субнациональными субъектами, включая технологические компании, НПО и МПО. Китай также стремится к кооптации и влиянию на иностранные СМИ, ученых, интеллектуалов, группы гражданского общества и других участников в рамках своего стремления расширить влияние на глобальное управление. Правительство США, в свою очередь, активизировало взаимодействие с Тайванем, который Китай рассматривает как провинцию-отступницу, а также с мировыми СМИ, корпорациями и НПО. Более сложный и пересекающийся набор международных взаимодействий как усугубляет, так и сдерживает напряженность между соперничающими государствами. С одной стороны, более глубокое проникновение национальных правительств во внутреннюю ситуацию соперника подогревает недовольство и враждебность. С другой стороны, раздробленный и разобщенный характер этих государств делает их значительно слабее и менее способными мобилизовать ресурсы против соперника. В патовой ситуации разочарованные, но ослабленные соперники имеют мало возможностей предотвратить вторжение своих оппонентов. Подчеркивая свою слабость, оба соперника обычно отвечают взаимным вмешательством, использующим слабость соперника.

Если напряженность между США и Китаем перерастет в войну, правительствам противоборствующих стран, возможно, придется подумать о том, как координировать свои действия с широким кругом субъектов и противостоять им. Субнациональные субъекты и НПО могут оказать давление на свои национальные правительства, чтобы заставить их сотрудничать с другими государствами или стремиться к миру. Крупные многонациональные корпорации могут сыграть свою роль, либо ускоряя, либо сдерживая импульс к развязыванию войны. МПО, основанные на предпосылке равенства между национальными государствами, такие как ООН, с меньшей вероятностью будут эффективны или полезны для разрешения споров или создания коалиций, чем более мелкие объединения государств со схожими ценностями и интересами.

Заключение

В этой главе мы рассмотрели четыре элемента современного мира, связанные с правительством и политикой, в которых наблюдаются значительные признаки неосредневековья. Всеобъемлющей тенденцией было *ослабление государств*. Централизованная, консолидированная и сильная политическая власть долгое время считалась краеугольным камнем современной политической жизни. Однако изменения, произошедшие, по крайней мере, с 1990-х годов, подорвали легитимность и потенциал государства. Слабость государства...

Это приведет к дополнительным требованиям к государственным расходам и откроет новые уязвимости. Снижение вовлеченности населения в массовую политику свидетельствует о том, что государствам, возможно, придется управлять конкуренцией и вести конфликт, частично минимизируя нарушения повседневной жизни, которые могут подорвать сохраняющуюся хрупкую базу народной поддержки. Распад международного порядка, определяемого в основном двусторонними и многосторонними взаимодействиями между государствами, на более дробный порядок, включающий в себя пересекающиеся взаимодействия между негосударственными акторами, субнациональными правительствами, государствами и другими, создает новые возможности как для коалиций, так и для угроз безопасности.

Тенденции неомедиевизма имеют важные последствия для американо-китайской конкуренции и потенциального конфликта (Таблица 2.2). Последствия могут, как это ни парадоксально, как ограничивать способность к конкуренции, так и обострять восприятие угрозы. Ослабление связей государства с населением, ослабление чувства безопасности границ и растущая мощь негосударственных акторов делают неосуществимыми модернистские стратегии тотальной мобилизации. В крайнем случае, и США, и Китай, скорее всего, смогут провести частичную мобилизацию и будут все больше полагаться на профессиональных добровольцев, беспилотные системы и подрядчиков. Более того, способность негосударственных групп координировать свои действия с внешними правительствами, а правительств - поощрять негосударственных сторонников в других странах, повышает вероятность постоянной двусторонней напряженности между США и Китаем. Это может усугубить восприятие угрозы соперничающей державой, отчасти из-за чувствительности, связанной с ослаблением чувства политической легитимности. Эти же тенденции сильнее влияют на многих союзников и партнеров обоих соперников, повышая вероятность возникновения опосредованных конфликтов в странах-партнерах.

Однако те же силы будут сдерживать эскалацию. Соединенные Штаты и Китай, скорее всего, окажутся слишком слабыми для ведения тотальной войны. Вместо этого они, вероятно, найдут более привлекательные косвенные и менее затратные методы нанесения ущерба политической легитимности соперничающего государства

посредством операций в информационной, кибернетической и экономической сферах. Государства, встревоженные снижением политической легитимности, в свою очередь, будут вынуждены выделять больше ресурсов на борьбу с внутренними и транснациональными угрозами, что может еще больше ограничить возможности для военных действий.

ТАБЛИЦА 2.2

Последствия неосредневековых политических и государственных аспектов для соперничества между США и Китаем

Аспекты	Средневековая эпоха	Последствия для конкуренции между США и Китаем	Последствия для конфликта между США и Китаем
Политическая власть	• Авторитет оспаривается и многоуровневый • Границы полупористые	• Государство должно будет выделять больше ресурсов на охрану границ и обеспечение внутреннего порядка • Увеличение возможностей для вмешательства в дела соперничающего государства	• Правительствам может потребоваться выделить больше военных ресурсов для обеспечения внутренней безопасности и помощи союзникам, находящимся в стрессовой ситуации • Новые стратегии ведения боевых действий могут быть сосредоточены на вопросах внутренней уязвимости
Тип государства	- Различные • Национальное государство переходит в новые формы	• Идеологическая конкуренция может стать в значительной степени направленной на субнациональные группы • Расширение возможностей для привлечения талантливых специалистов по всему миру	• Ослабление государственной легитимности усугубляет напряженность, но ограничивает возможность ведения войны • Вопросы политической легитимности могут занять более заметное место в конфликтах • Возможны прокси-конфликты в государствах-партнерах
Роль населения заключается в следующем	- Роль населения ограниченные и слабо интегрированные	• Население вряд ли будет легко мобилизовано • Недовольство населения - уязвимое место для всех государств • Поддержка населения может перейти от активной к пассивной	• Хрупкая общественная поддержка, скорее всего, сохранится на протяжении всей войны • Конфликт, скорее всего, будет затрагивать родные земли • Кибер- и информационные сферы занимают все более важное место в военных действиях
Международный заказ			• Разнообразные

• Порядок включает в себя национальные государства плюс МПО, корпорации, НПО и преступные и террористические группировки	• Форумы на государственном уровне имеют меньше шансов быть полезными • Способность государств вмешиваться в жизнь конкурирующего населения может усугубить напряженность, но транснациональные компании могут оказать сдерживающее воздействие	• НПО и субнациональные субъекты могут координировать свои действия с соперником или пытаться сорвать военные действия • МПО, которые являются коалициями единомышленников, более полезны, чем МПО, основанные на национальных государствах

ГЛАВА 3

Культура и общество: Фрагментация обществ

В этой главе мы рассмотрим культурные и общественные аспекты неосредневекового мира. Мы характеризуем общую черту как *фрагментацию общества,* что означает упадок национального духа и растущую значимость конкурирующих идентичностей. Мы подробно рассмотрим четыре взаимосвязанных аспекта: национальная культура, средства массовой информации и коммуникации, социальная сплоченность и равенство. По каждому из аспектов мы сравним изменения, произошедшие в доиндустриальной Европе, доиндустриальном Китае, индустриальном национальном государстве и неосредневековой эпохе. Как мы покажем, неосредневековые государства переживают сегментацию культуры и СМИ, ослабление связей между государством и населением и укоренившееся неравенство (Таблица 3.1). Мы также рассмотрим последствия этих событий для соперничества между США и Китаем.

Национальная культура: Угасающая привлекательность патриотизма

Национальная культура - это относительное чувство солидарности и общей цели среди населения страны. Это можно увидеть по тому, насколько элита и население разделяют общий набор ценностей, норм и идеалов. *Сильная* национальная культура - это культура, в которой основной набор ценностей, норм и идеалов преобладает над другими идентичностями. Сильная национальная культура совместима с множеством субнациональных сообществ и идентичностей, но требует наличия населения, которое отдает приоритет национальной

или патриотической культуре над другими лояльностями и идентичностями. Население с сильной национальной культурой с большей вероятностью окажет устойчивую и преданную поддержку национальному делу. В отличие от этого, общество с общинами, разделенными на конкурирующие и часто

ТАБЛИЦА **3.1**

Резюме культурных и социальных аспектов между эпохами

Аспект	Преиндустриальная Неосредневековье	Европа	Преиндустриальный	Китай	Индустриальное национальное государство
Национальная культура культура элиты	- Общая • Культурная фрагментация по социальным, региональным, религиозным и культурным признакам среди населения	• Общая элитная культура • Культурная фрагментация по социальным и региональным признакам среди населения		• Общая "национальная" культура среди элиты и народа	• Общая элитная культура • Культурная фрагментация по классовым, религиозным, этническим и другим признакам среди населения
Массовая коммуникация	• Трансрегиональный для грамотных элит (церковь) • Ограничено для населения	• Трансрегиональный для грамотных элит • Ограничено для населения		• Относительно сконцентрированы в пределах национального государства	• Глобально доступны • Трансрегиональный для грамотных элит • Сегментированы среди населения
Сплоченность государства и общества	• Сильные связи между элитой и государством • Слабые связи между людьми и государством	• Сильные связи между элитой и государством • Слабые связи между людьми и государством		• В значительной степени совпадает с государственными границами • Прочные связи между гражданами и государством	• Сильные связи между элитой и государством • Слабые связи между людьми и государством
Равенство неравенства	- Высокий уровень • Укоренившиеся элиты • Низкая социальная	м о б и л ь н		о с т ь • В о	сно вно м сел ьска я мес

тность	• Высокое неравенство • Полуориентированные элиты • Некоторая социальная мобильность • В основном сельская местность	• Низкое неравенство • Относительно высокая социальная мобильность • Сбалансированный сельско-городской	• Высокое неравенство • Укоренившиеся элиты • Низкая социальная мобильность • В основном городские

несовместимые подгруппы и идентичности могут бороться за создание чувства общей цели. Такие ученые, как Джоэл Мигдал, отмечают, что социальная фрагментация часто подрывает усилия развивающихся стран по мобилизации национальных ресурсов для реализации амбициозных военных, экономических и других начинаний. Глубокая фрагментация общества также может дать возможность местным силовикам, которые могут обладать большей властью над своими соответствующими подгруппами, чем национальное правительство.[1]

В доиндустриальных обществах страны не имели сильной национальной культуры. Эти государства часто отличались разнообразным сочетанием субкультур и пересекающихся лояльностей. Города средневековой Европы отличались высокой степенью сосуществования общин с различными религиозными, этническими и культурными особенностями. Культурная фрагментация часто была нормой в большей части средневековой Европы.[2] Люди были обязаны лояльностью широкому кругу светских и религиозных институтов и лиц - включая императоров, королей, принцев и дворян; епископов, аббатов и папство; гильдии и города; аграрных помещиков; купцов и ремесленников, и это лишь самые важные из них.[3]

Доиндустриальная история Китая как империи характеризовалась более однородным этническим составом, когда большинство населения было ханьского происхождения. Китайская империя отличалась прежде всего своей самобытной культурой, т.е. уникальной письменностью и конфуцианскими идеалами. Однако эта культура была основана на грамотности и, соответственно, разделялась в основном имперской и субнациональной элитой, которая составляла ничтожное меньшинство населения. Классическая культура также не была широко распространена. Во многие периоды правительство проводило строгую стратификацию общества.[4] В этот период Китай пережил большой приток мигрантов после имперских завоеваний. Несмотря на однородность элитарной культуры, в доиндустриальном Китае существовало значительное разнообразие в плане религиозной самобытности и отдельных региональных культур. Во многих частях империи также процветали группы этнических меньшинств.

[1] Джоэл Мигдал, *Сильные общества и слабые государства*, Издательство Принстонского университета, 1989.

[2] Andrew T. Young, "The Political Economy of Feudalism in Medieval Europe," *Constitutional Political Economy*, Vol. 32, November 2021.

[3] Axtmann, 2004.

[4] Ли И, *Структура и эволюция китайской социальной стратификации*, University Press of America, 2005, стр. 1-55.

Китайские общины не имели общего языка и отличались огромным разнообразием региональных диалектов, зачастую не понимающих друг друга.[5] Таким образом, в Китае времен доиндусской эпохи, возможно, было больше общей культуры, чем в Европе, но все же существовали значительные различия, а понятие национализма тогда еще не существовало.[6]

Одной из наиболее характерных черт индустриального национального государства была сильная национальная культура. Правительства часто намеренно поощряли патриотизм, национальные мифы, общие ценности, нормы и идеалы. Сильная национальная культура помогала сформировать *воображаемое сообщество*, в котором люди испытывали чувство солидарности с другими людьми разного происхождения.[7] Сильная национальная культура и патриотическая идеология поддерживали легитимность национального государства, которое, в свою очередь, способствовало экономической и политической мобилизации общества.[8] Индустриальное национальное государство продемонстрировало впечатляющую способность вызывать дух самопожертвования у своего населения, и эта тенденция наиболее ярко проявилась в мировых войнах XX века. Доминирование национальной культуры, конечно, не обошлось без недостатков. Оно повлекло за собой подавление всех видов меньшинств. В США права женщин и меньшинств были ущемлены по сравнению с правами большинства населения вплоть до 20-го века.[9] Подобная картина наблюдалась в Европе, Японии и других странах. Западные и японские правительства также часто пытались распространить свой язык и культуру среди колонизированных народов, часто используя безжалостные методы.[10] Как только колонии в Африке, Азии, на Ближнем Востоке и в других странах свергали своих повелителей, многие из них развивали националистические и патриотические движения для укрепления своей национальной мощи. Они

---

[5] Роберт Рэмси, *Языки Китая*, Издательство Принстонского университета, 1987.

[6] Гарри Миллер, "*Государство против дворянства в Китае ранней династии Цин, 1644-1699*", Palgrave Macmillan, 2013.

[7] Бенедикт Андерсон, *Воображаемые сообщества: Размышления о происхождении и распространении национализма*, Verso Books, 2016.

[8] Carol C. Gould, ed., *Cultural Identity and the Nation State*, Rowman & Littlefield, 2001.

[9] Уильям Чейф, *Незаконченное путешествие: Америка после Второй мировой войны*, Oxford Uni- versity Press, 2006.

[10] Вудрафф Смит, *Европейский империализм в девятнадцатом и двадцатом веках*, Бернхэм Пресс, 1982.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

иногда переживали свои собственные трагедии при подавлении соперничающих групп меньшинств.[11] Китай под властью КПК пережил аналогичные целенаправленные усилия по формированию однородной национальной культуры, хотя и сильно политизированной. Идеологическое господство КПК совпало с жестоким подавлением этнических, религиозных и других меньшинств.[12]

В эпоху неосредневековья во многих развитых странах наблюдался упадок общей национальной культуры по мере ослабления государства и роста привлекательности конкурирующих групп. Быстрая передача средств массовой информации и культуры привела к формированию международной культуры, потребляемой в основном элитами по всему миру. Ученые отмечают, что элиты многих стран часто имеют больше общего с элитами других стран, чем со своими более бедными соотечественниками, по крайней мере, в плане предпочтений в еде, образовании, развлечениях и привычках потребления.[13] В то же время, народная культура раскололась, отчасти из-за распространения культурных продуктов.[14] Более того, неэлитная культура остается более тесно связанной с традиционными и народными религиями и культурой. Наблюдатели отмечают явное раздвоение между элитарной и неэлитарной культурой, что напоминает модели доиндустриального периода.[15]

Некоторая часть культурной фрагментации объясняется различиями в демографических предпочтениях. Иммиграция, призванная компенсировать последствия старения населения, привела к тому, что западные общества стали более разнообразными по своему расовому и этническому составу. По мере утверждения плюрализма сообщества меньшинств потребовали признания и институционализации групповых прав для сохранения своей культуры.

---

[11] Гиффорд Проссер и Уильям Роджер Луис, *Деколонизация и африканская независимость : The Transfers of Power, 1960-1980*, Yale University Press, 1988.

[12] Джером Коэн, "Болезненная история коммунистического Китая в области прав человека", Совет по международным отношениям, 26 сентября 2019 года.

[13] Христя Фриланд, "Восход новой глобальной элиты", *The Atlantic*,

январь/февраль 2011 года; Кристофер Лаш, *Восстание элит и предательство демократии*, W. W. Norton, 1996.

[14] Дон Аукоин, "Как поп-культура расширяется, общая культура сокращается", *Чикаго Трибьюн*, 1 февраля 2006 года.

[15] Ричард Ривз, "Опасное разделение американского верхнего среднего класса", Институт Брукингса, 3 сентября 2015 года; Джоан К. Уильямс, "Демократическая элита не понимает классового культурного разрыва", *New Republic*, 19 апреля 2022 года.

Разрушение общей национальной культуры отчасти связано с ослаблением экономического и социального положения доминирующей этнической группы, которая получала наибольшую выгоду от национального государства и наиболее тесно идентифицировала себя с ним. В США это можно увидеть на примере эпидемий злоупотребления опиоидами, самоубийств и насилия с применением оружия, которые иногда называют "смертью от отчаяния", среди демографических групп, переживших резкое падение своего экономического и социального положения.[17] Фрагментация национальной культуры также частично связана с ростом экономики, основанной на потреблении, которая возвысила стремление к личному удовлетворению и самореализации над старыми идеалами самопожертвования во имя нации. Ученые зафиксировали почти универсальную тенденцию в постиндустриальных обществах отдавать предпочтение ценностям самореализации перед ценностями самопожертвования во имя коллективных [целей18].

Население Китая может иметь большую численность этнического ханьского населения, но при этом сохраняет значительное разнообразие в плане различий между регионами, сельским и городским населением, а также этническими меньшинствами. Эти различия сохранялись на протяжении большей части истории Китая, но снижение легитимности государства сделало эти различия более заметными. Более того, постиндустриальная эволюция личных ценностей не обошла стороной и Китай. Распространение потребительской культуры и политическая атрофия КПК подтолкнули молодое поколение к разнообразию мировоззрения и культурной идентичности. Несколько исследований пытались отразить изменения в ценностях и мировоззрении. В качестве примера можно привести маркетинговое исследование, проведенное в 2019 году, которое позволило выделить четыре широкие группы мировоззрений среди китайской молодежи: "глобально-локальные граждане" (37 процентов населения), "исследователи" (26 процентов), "крайне националистические" (19 процентов) и "адаптирующиеся к глобальным условиям" (17 процентов).[19] Если принять такие различия, то около 80 процентов китайской молодежи имеют мировоззрение, в котором приоритет отдается космополитическим или индивидуально-ориентированным ценностям.

[16] Axtmann, 2004.

[17] Дэвид ДиСальво, "Смерть от отчаяния из-за наркотиков, алкоголя и самоубийств достигла нового максимума, предупреждает новый отчет", *Forbes*, 14 июня 2019 года.

[18] Рональд Инглехарт, *Модернизация и постмодернизация: Культурные, экономические и политические изменения в 43 обществах*, Princeton University Press, 1997.

[19] Чунлинг Ю и Лили Донг, "Сегментация молодых взрослых потребителей в Китае: A Global-Local Cultural Identity Perspective," *International Journal of Marketing Studies*, Vol. 11, No. 1, 2019.

Поведение правительства подтверждает реальность существования населения с различными взглядами. Власти обеспокоены тем, что население не интересуется марксистской ортодоксией и отдает предпочтение альтернативным ценностям и идеалам. Например, в 2019 году власти опубликовали руководство по продвижению "новой "морали" через церемонии поднятия флага, традиционные культурные мероприятия и патриотические учения.[20] Власти также пытались подавить конкурирующие источники идентичности и мировоззрения. В 2000-х годах, когда использование Интернета резко возросло, власти начали преследовать политических диссидентов, представителей свободной интеллигенции и активистов, которые продвигали идеи, противоречащие ортодоксии КПК.[21] В 2022 году власти закрыли тысячи аккаунтов в социальных сетях за "вульгарность" и "негатив" и запретили популярных знаменитостей за "женоподобные" образы.[22] Даже видеоигры стали рассматриваться как угроза усилиям правительства по поддержанию национального единства и морали. В 2021 году власти ввели широкие ограничения на количество времени, в течение которого дети и подростки могут иметь доступ к видеоиграм в Интернете.[23]

Несмотря на эти меры, китайские комментаторы и чиновники отмечают тревожные признаки ускоряющегося морального разложения. Китайский общественный дискурс изобилует критикой безнравственности в таких областях, как литература и индустрия развлечений.[24] Наблюдатели и правительственные чиновники осуждают коррупцию, скандалы, связанные с испорченными лекарствами и продуктами питания, и общее разрушение норм хорошего поведения.[25] Они также отмечают признаки социальной деморализации, например, тот факт, что число потребителей наркотиков постоянно растет.

---

[20] Лили Куо, ""Защищать честь Китая": Пекин выпускает новое руководство по морали для горожан", *The Guardian*, 29 октября 2019 года.

[21] Стэнли Любман, "Документ № 9: Партия атакует западные демократические идеалы".
Wall Street Journal, 27 августа 2013 года.

[22] Эмили Фенг, "Китай стирает тысячи аккаунтов в социальных сетях за вульгарность, негатив и многое другое", NPR, 3 марта 2022 года.

[23] Крис Бакли, "Китай ужесточает ограничения для юных онлайн-игроков и запрещает игры в школьные вечера", *Нью-Йорк Таймс*, 1 октября 2021 года.

[24] Эмбер Ванг, "Си Цзиньпин велит китайским писателям и художникам "соблюдать мораль и приличия", *South China Morning Post*, 15 декабря 2021 года; Бет Тимминс, "China's Media Cracks Down on 'Effeminate' Styles", BBC News, 2 сентября 2021 года.

[25] Юньсян Янь, "Политика морального кризиса в современном Китае", *China Journal*, Vol. 85, January 2021.

ежегодно увеличивается с тех пор, как правительство начало публиковать отчеты по этой теме в 1998 году.[26]

Распад национального единства угрожает основной силе национальных государств и предполагает, что государства развиваются в направлении, напоминающем раздробленные политии доиндустриальных обществ. Без общего чувства кол- лективной идентичности и общей культуры, подчеркивающей идеалы самопожертвования, государству труднее мобилизовать народ. Безжалостное подавление меньшинств в Синьцзяне и Тибете иллюстрирует, на что готово пойти правительство Китая, чтобы сохранить свои политические преимущества. Но тот факт, что китайское правительство вынуждено все больше полагаться на репрессии для поддержания национального единства и сплоченности, заставляет задуматься об устойчивости такого подхода.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

В эпоху неосредневековья общества стали более плюралистичными и культурно раздробленными. Стареющие западные демократии стали мультикультурными отчасти из-за притока иммигрантов, компенсирующего убыль населения. В Китае сохранилось многочисленное этническое население хань, но разочарование населения в ортодоксальности КПК, рост значимости региональных и этнических идентичностей, укоренение неравенства и привлекательность потребительских ценностей подстегнули плюрализацию взглядов и идентичностей. Эти события имеют важные последствия для американо-китайской конкуренции в мирное время и потенциальных сценариев конфликта.

В условиях мирного соперничества лица, принимающие решения в США, вероятно, столкнутся с большими трудностями в мобилизации народной поддержки дорогостоящих инициатив, чем во времена холодной войны. Удивительный консенсус среди политических партий в отношении Китая едва ли скрывает хрупкость этого консенсуса.[27] Показательным признаком реальности слабой поддержки политики соперничества может служить незаинтересованность правительств в мобилизации народной поддержки соответствующих инициатив. Население Соединенных

Штатов и Китая рассматривает каждую из них как

[26] Шелдон Х. Чжан и Ко-Лин Чанг, "Народная война: борьба Китая за сдерживание проблемы нелегальных наркотиков", Институт Брукингса, 2016.

[27] Бенджи Сарлин и Сахил Капур, "Почему Китай может стать последним двухпартийным вопросом в Вашингтоне", NBC News, 21 марта 2021 года.

негативно относятся к другим странам, однако их правительства не прилагают особых усилий, чтобы потребовать от них болезненных жертв для того, чтобы превзойти конкурента. Вместо этого обе страны полагаются в основном на добровольцев на военной службе и поощряют снижение налогов.

Оборонные бюджеты США стагнируют; рост военных расходов Китая, которые все еще высоки по сравнению с американскими, замедлился с 2000-х годов.[28] Напротив, во время холодной войны правительство США призвало в армию большое количество военнослужащих, финансировало свои усилия частично за счет повышенных налоговых ставок и постоянно увеличивало расходы на оборону.[29]

Фрагментация общества и культуры также открывает новые риски для военных, но и возможности для конкуренции. Политический экстремизм распространился в западных обществах и вполне может продолжать расти, поскольку люди чувствуют себя чужими. Вооруженные силы отражают общество, которому они служат, и поэтому, скорее всего, будут испытывать аналогичные тенденции. Действительно, американские военные уже столкнулись с ростом политического экстремизма с 2018 года.[30] Более однородное население Китая и репрессивная политика делают этот риск меньшим для НОАК за пределами регионов с большим количеством меньшинств, таких как Тибет и Синьцзян. Однако такие тенденции требуют от Пекина все больше полагаться на репрессии, чтобы сохранить видимость национального единства. Ограничения такого подхода можно увидеть на примере вспышки антиправительственных протестов в связи с введением правительством удушающих ограничений в рамках политики "ноль ковид" в 2022 году.[31]

Те же тенденции, которые препятствуют мобилизации национальной поддержки, открывают возможности для получения поддержки среди субнациональных групп и привлечения лучших талантов со всего мира. Проницаемость границ и возросшая сила субнациональных акторов предполагает, что создание коалиций с государственными и негосударственными акторами может стать основной чертой американо-китайской конкуренции. Уже сейчас каждое правительство осуждает другое за вмешательство в свои межнациональные дела путем обращения за поддержкой к субнациональным субъектам при проведении операций.

[28] Кортни Кубе и Молли Бойгон, "Каждая ветвь вооруженных сил пытается достичь своих целей по набору на 2022 год, говорят официальные лица", NBC News, 27 июня 2022 года; Ребекка Кхеель, "Битва разгорается из-за планов расходов Пентагона", *The Hill*, 21 марта 2021 года.

[29] Джон Гэддис, *Холодная война: новая история*, Penguin Books, 2006.

[30] Todd C. Helmus, Hannah Jane Byrne, and King Mallory, *Countering Violent Extremism in the U.S. Military*, RAND Corporation, RR-A1226-1, 2021.

[31] Кит Брэдшер, Чанг Че и Эми Чанг Чиен, "Китай смягчает ограничения "нулевого ковида" в знак победы протестующих", *Нью-Йорк Таймс*, 7 декабря 2022 года.

политики, чтобы вмешаться самим.[32] Привлечение лучших талантов со всего мира и создание коалиций сочувствующих государственных и субнациональных партнеров может оказаться более эффективным, чем попытки восстановить национальную культуру.

В случае войны фрагментация общества может стать серьезным политическим препятствием для тотальной мобилизации. Отсутствие общей цели или единства может также снизить терпимость населения к жертвам в обеих странах. Это наиболее очевидно в многообразных Соединенных Штатах, но Китай может столкнуться с собственными проблемами в убеждении городского образованного населения, привыкшего к потребительской жизни, пожертвовать своей жизнью ради национального блага. Китайские СМИ сообщают о случаях, когда молодые люди отказывались служить в качестве солдат по призыву, несмотря на возможные серьезные наказания за отказ.[33] Сопротивление призыву выросло до такой степени, что в 2016 году Государственный совет издал постановления, в которых описаны наказания для тех, кто отказывается служить.[34] Хотя китайская молодежь выражает националистические взгляды, большая часть гордости, как представляется, сосредоточена на технологических, культурных и экономических достижениях страны.[35] Опросы выявили практически полную или частичную поддержку военного противостояния или войны как средства достижения национальных интересов страны.[36] Низкая поддержка ценностей, которые отстаивает КПК, предполагает в лучшем случае неустойчивую базу поддержки в случае войны, особенно такой, которая подвергает опасности большое количество людей. Фрагментация общества может также открыть уязвимые места для соперничающих государств для разжигания недовольства и политической оппозиции. Конфликт может повысить значение шпионажа, влияния и кибер-операций на родине соперника.

---

[32] "Контрразведка США предупреждает о том, что Китай усиливает операции влияния", 2022 г.; "Китайский фокус: Китай опровергает обвинения западных стран в правах человека", Синьхуа, 23 июня 2021 года.

[33] Брэд Лендон, "Вот что происходит, когда вы уходите из китайской армии", CNN, 16 декабря 2019 года.

[34] "Наказание за отказ от военной службы", *China Daily*, 10 августа 2016 года.

[35] Брайан Вонг, "Сложный национализм китайского поколения Z", *The Diplomat*, 19 июня 2022 года.

[36] Илария Маззакко и Скотт Кеннеди, "Общественное мнение в Китае: Либеральное молчаливое большинство", Центр стратегических и международных исследований, 9 февраля 2022 года.

Массовая коммуникация: Глобальная, но сегментированная медиа

То, как население обменивается информацией и идеями, может способствовать формированию чувства общей идентичности и культуры нации или усугублять разделение и раскол общества. Контроль над информацией является широко используемым методом политического контроля; таким образом, состояние СМИ и доступные средства коммуникации могут как способствовать изменениям в политике и обществе государства, так и отражать их. Доступные средства коммуникации могут также открывать возможности для конфликтов и конкуренции. Возможность широко обмениваться информацией и влиять на разрозненные аудитории возникла с появлением печатного слова ближе к концу средневековой эпохи. Однако последующие технологические достижения расширили потенциальную скорость, широту и виды коммуникации с помощью электронных средств, таких как радио, телевидение и цифровые информационные системы.

Доиндустриальная эпоха характеризовалась относительно сплоченной элитой, но сегментированной народной культурой. Уровень грамотности был намного ниже, и, как правило, только представители элиты умели читать. В средневековой Европе духовенство, получившее образование на латыни, обменивалось знаниями с международным сообществом собратьев по церкви. Простые люди, такие как крестьяне и ремесленники, как правило, не имели формального образования и не участвовали в клерикальном мире знаний. Более того, отсутствие общего, единого языка привело к большему разнообразию местных культур, многие из которых могли показаться непроницаемыми для гостей из других деревень или регионов. В начале современного периода печатные технологии способствовали распространению Библий и других книг на местном языке. Это способствовало укреплению христианской идентичности, но также способствовало созданию сообществ, основанных на различных этнических и региональных идентичностях.[37]

Доиндустриальный Китай характеризовался в основном неграмотным крестьянством и относительно небольшим числом образованной элиты среди деревенского дворянства и имперского правительства. Китайская элита владела классическим письменным

языком, но составляла ничтожный процент населения. Локализация разговорного диа-

[37] Том Уилер, *От Гутенберга до Google*, Институт Брукингса, 2019.

Лекции сделали регионы практически неразборчивыми друг для друга.[38] Низкий уровень грамотности среди крестьянства означал, что деревенская жизнь оставалась относительно замкнутой.

Средства массовой информации и коммуникации сыграли важную роль в формировании индустриальных национальных государств. Уровень грамотности и стандартизация языка выросли в 1800-х годах, расширив потенциальное влияние печатного слова. Наполеон Бонапарт, один из первых лидеров в формировании национальных государств, культивировал пропаганду через широкий спектр средств массовой информации, включая театр, газеты, искусство и информационные бюллетени. Он также полагался на цензуру, чтобы контролировать противоположные взгляды.[39] В Соединенных Штатах Америки газеты распространялись в 1800-х и начале 1900-х годов как основное средство массовой коммуникации. Крупнейшие и наиболее влиятельные газеты, как правило, были связаны с национальными политическими партиями и способствовали осведомленности о местных и национальных политических проблемах. Расцвет радио, телевидения и кино совпал с развитием массовой культуры в 20 веке.

В 1930-х и 1940-х годах тоталитарные государства, такие как нацистская Германия и Советский Союз, намеренно использовали эти тенденции, объединяя искусство и пропаганду для формирования единой политической национальной культуры. В середине XX века в коммунистических и фашистских государствах в этих новых медиа-технологиях доминировало правительство, а в демократических странах - несколько крупных компаний.[40] Государственная цензура и надзор отчасти были направлены на то, чтобы медиа-технологии продвигали идеи, укрепляющие единство национального государства, ценой подавления меньшинств и несовпадающих точек зрения. С 2000-х годов возможности коммуникации значительно расширились. Мощные медиа-компании больше не сохраняют почти монопольное положение как группа. Развитие цифровых информационных технологий позволило обмениваться информацией с беспрецедентной скоростью и богатством деталей. Изображения, аудио, видео и текст могут быть переданы практически мгновенно в любую точку мира. Глобальные элиты могут иметь общий источник информации, например, известные западные источники новостей.

[38] Фенг Ванг, Ячинг Цай и Уильям Ванг, "Китайская грамотность", в Дэвид Р. Олсон и Нэнси Торранс, ред, *Кембриджский справочник по грамотности*, Издательство Кембриджского университета, 2009.

[39] Wayne Hanley, *The Genesis of Napoleonic Propaganda 1796-1799*, Columbia University Press, 2005.

[40] Sian Nicholas and Tom O'Malley, *Newspapers, War and Society in the 20th Century*, Routledge, 2019.

Однако неэлитные слои населения обратились к более разнообразным источникам новостей и вариантам коммуникации, которые отвечают мировоззрению и ценностям их сообществ. Охват и эффективность цифровых технологий в некоторых случаях позволили сформировать диаспоры и другие виртуальные сообщества, основанные на общих взглядах.[41] Те же тенденции в области коммуникации позволяют отдельным лицам и субнациональным группам координировать свои действия с внешними акторами, включая негосударственных акторов и соперничающие государства.

Китайские власти также отмечают влияние растущих средств массовой информации и каналов коммуникации.[42] Подавление и усиление контроля над СМИ в Китае отражает давнее беспокойство официальных властей по поводу разнообразных источников информации и мировоззрений, доступных через цифровые технологии.[43] Официальные лица также отмечают важность международных СМИ в глобальной конкуренции, подчеркивая важность коммуникационных стратегий и, в частности, силу идеологического дискурса.[44] Китайские ученые призывают к разработке эффективных стратегий СМИ для укрепления способности страны формировать межнациональный дискурс.[45]

В целом, распространение и диверсификация технологий массовой коммуникации способствовали распространению суб- и транснациональных идентичностей и культур. Сегментация коммуникационных технологий на сообщества, характерная для постиндустриальных обществ, способствовала более широким тенденциям формирования элиты и отчуждения населения. Низкое общественное доверие, скептическое отношение к государственной власти и доступ к конкурирующим источникам информации делают

41 Wheeler, 2019.

42 В качестве примера см. Ван Цзюньсай [王俊] и Чжан Цзюлань [张菊兰], "Анализ характеристик онлайн комментариев новостей в эпоху новых медиа" [新媒体时代网络新闻评论特征分析)], *People's Daily* [人民日报], 15 мая 2019 года. Также см. Дин Юньлян [丁云亮], "The Construction of National Discourse Ability in the Age of Social Media" [社交媒体时代国家话语能力的建构逻辑], *Aisixiang*, November 25, 2020.

43 Винсент Ни и Хелен Дэвидсон, "Подавление культуры: Немногие районы остаются нетронутыми, поскольку Си перестраивает общество", *The Guardian*, 10

сентября 2021 года.

[44] Чэнь Чжиюн [陈志勇], "Прочно ухватить власть идеологического дискурса в эпоху всех СМИ" [牢牢掌握全媒体时代意识形态话语权], Синьхуа, 27 ноября 2019 года.

[45] Xiong Guangqing [熊光清], "The Change and Influence of Discourse Power in the Internet Age-An Analysis Based on the Dual Perspectives of Power and Rights" [网络时代话语权的变革及其影响-基于权力与权利双重视角的分析], *Айсисян*, 28 сентября 2021 года.

общественность менее податлива к требованиям национального самопожертвования. Фрагментация источников информации также делает людей уязвимыми для манипуляций со стороны иностранных игроков, которые могут проникнуть в нишевые медиасреды. Хотя массовая грамотность не имеет прецедентов в доиндустриальных обществах, раздвоение культуры и СМИ на те, которые используются элитой, и те, которые используются обществом, повторяет раздвоение культуры, которое обычно существовало в обществах за пределами современного исторического периода.

Последствия для американо-китайской конкуренции и конфликта

Эти события имеют важные последствия для американо-китайского соперничества. В мирное время фрагментированная медиа-среда накладывает ограничения на способность национального правительства мобилизовать поддержку населения.
порт. Разнообразие доступных средств массовой информации также повышает вероятность появления различных нарративов и точек зрения, которые могут подорвать усилия национального правительства по поддержанию национального единства и цели. Это повышает вероятность того, что любая из стран может попытаться повлиять или манипулировать субнациональным населением в других странах. Действительно, наблюдатели уже отмечали, что Объединенный фронт КПК и связанные с ним операции влияния уже нацелены на Тайвань и диаспоры в других странах.[46] Экстремистские группы также пытались использовать фрагментированную медиа-среду для вербовки или разжигания беспорядков. Отчасти из-за опасений западного влияния Китай усилил подавление конкурирующих СМИ и укрепил контроль КПК над информационной средой страны. Охват и эффективность цифровых информационных технологий открывают уязвимые места во внутренней политике, которыми могут воспользоваться другие государства. Негосударственные субъекты могут *выходить* на внешние государства, а государства могут выходить *на* другие страны, чтобы строить отношения с субнациональными сообществами и негосударственными субъектами.

В условиях войны фрагментированная медиа-среда предполагает, что информационные операции могут стать более

целенаправленными и специализированными. Потенциально постоянный уровень народного недовольства может предоставить больше возможностей для получения поддержки среди целевых групп населения в соперничающем государстве, даже во время войны. Также могут появиться возможности заручиться поддержкой сочувствующих групп в третьих странах.

---

[46] Тимоти Р. Хит, "Китайские операции влияния нацелены на СМИ диаспор", War on the Rocks, 1 марта 2018 года.

стран, что еще больше увеличивает вероятность того, что американо-китайский конфликт может стать многосторонним. Управление информационной сферой может стать более важным во время войны, так как Китай может активизировать информационные операции для сеяния недовольства, разжигания оппозиции войне и культивирования симпатий. Китай также может стремиться использовать информационную сферу для *операций в когнитивной сфере*, которые направлены на поражение противника путем манипулирования восприятием, изменения парадигмы и подрыва воли к борьбе.[47]

Связи между государством и обществом: Снижение связей между государством и обществом

Отношения правительства со своим народом могут сильно повлиять на его способность вести крупную межгосударственную борьбу или войну. Такие эксперты, как Чарльз Тилли, показали, как готовность современного государства предоставлять материальные блага и политические права способствовала формированию прочных связей между горожанами и современным национальным государством. Государство, в свою очередь, использовало свою возросшую легитимность для получения более высоких налогов, призыва рабочей силы в свои вооруженные силы и призыва духа национального самопожертвования в своих войнах[48].

В средневековой Европе правители и элита поддерживали тесные отношения через густую сеть взаимных связей. Народ имел гораздо более слабые связи с высшими уровнями власти, отчасти потому, что его благосостояние зависело от местных элит. Простолюдины получали довольно скудные блага от своих владык. Образованию, здравоохранению и санитарии почти не уделялось внимания, что привело к низкой грамотности и высокой смертности. В целом плохое состояние социального обеспечения означало, что короли и центральные лидеры имели ограниченный прямой доступ к населению и, вместо этого, полагались на дворян и другие элиты для сбора налогов и призыва рабочей силы.[49] Связь между государством и народом была еще более ослаблена непропорционально большим

значением городов. Средневековая и ранняя современная экономика была преимущественно сельскохозяйственной, но значение городов как центров социальной активности и центров ком- мерции начало расти. Возникновение банковского дела в Италии, в частности, привело к быстрому росту экономики.

---

[47] Nathan Beauchamp-Mustafaga, "Cognitive Domain Operations: Новая целостная концепция безопасности НОАК для операций влияния", *China Brief*, 6 сентября 2019 года.

[48] Tilly, 1990.

[49] Tilly, 1990, p. 3.

рост богатства и процветания городских районов.[50] Интеллектуальная, финансовая и политическая элита стала собираться в процветающих, иногда обнесенных стенами, городах, хотя городское население оставалось небольшим по сравнению с сельским.

В Китае связи между императором и населением также были довольно ограниченными. Имперская бюрократия была тонко распределена и не обладала той административной проницательностью, которая присуща современным бюрократиям. Местное дворянство обеспечивало некоторые налоговые поступления императорскому правительству. Однако ни императорское правительство, ни местные чиновники не предоставляли населению значительных социальных благ. Хотя Китай, как и его европейские страны, в подавляющем большинстве занимался сельским хозяйством, в нем было значительное городское население. В период правления династии Мин в Китае наблюдалась значительная урбанизация. Однако во время правления династии Цин урбанизация снизилась с 11 до 7 процентов населения.[51] Несмотря на это, города играли важную роль в экономике, культурном и интеллектуальном развитии страны. В культуре все меньше доминировал императорский двор, и в ней все больше проявлялся научный вклад местного дворянства. В период правления династий Мин и Цин научная продукция перемещалась туда-сюда между императорским двором и городским дворянством и получала выгоду от взаимодействия между ними.[52]

В индустриальных национальных государствах существовали необычайно прочные связи между правительством и народом. Отчасти это объясняется тем, что национальное государство повысило уровень жизни благодаря индустриализации и быстрому экономическому росту. Либерально-демократические, фашистские и коммунистические национальные государства в XX веке стремились предоставить населению относительно щедрые социальные блага.[53] Индустриализация ускорила рост городских районов, а население...

---

[50] Микеле Франтианни, "Итальянские городские государства и финансовая эволюция", *Европейский обзор экономической истории*, том 10, № 3, 2006.

[51] Xu Yi, Bas van Leeuwen, and Jan Luiten van Zanden, *Urbanization in China, ca. 1100-1900*, working paper, Utrecht University, Center for Global Economic History,

2015.

[52] Джозеф В. Эшерик и Мэри Б. Ранкин, ред., *Китайские местные элиты и модели доминирования*, Издательство Калифорнийского университета, 2018.

[53] Фрэнсис Г. Кастлз, "Что случилось с коммунистическим государством всеобщего благосостояния?". *Stud- ies in Comparative Communism*, Vol. 19, No. 3, Autumn/Winter 1986; Maria Sophia Quine, *Italy's Social Revolution*, Palgrave Macmillan, 2002.

В 1920-х годах в городах было достигнуто большинство населения, хотя в некоторых регионах, например, на юге, городское большинство появилось только в 1950-х годах.[54] Тем не менее, в индустриализирующихся национальных государствах по-прежнему существовал крупный сельскохозяйственный сектор, который помогал уравновешивать влияние городских районов. В Соединенных Штатах на фермах было занято не менее половины рабочей силы вплоть до 1900-х годов. Национальное государство также расширило политические и гражданские права и открыло новые возможности для участия в политике для простых граждан. Гражданские права, возможности для политического самовыражения, трудоустройства и другие социальные блага стали доступны только в результате огромной борьбы и жертв, но оказались важнейшими составляющими в построении связей между государством и всеми его гражданами. Сильное чувство солидарности и сплоченности, которое разделяло большинство граждан национального государства, обеспечивало прочную основу для легитимности государства и расширяло возможности для мобилизации.[55]

В Китае деятельность КПК привела к укреплению связей между государством и народом. Партийные кадры проникали и обеспечивали контроль над сетями власти, простирающимися вплоть до сельских районов, частично организуя насильственные восстания против правящего местного дворянства.[56] Хотя после создания КНР в 1949 году в стране произошла некоторая индустриализация, страна оставалась в подавляющем большинстве сельской вплоть до 21 века. Более того, быстрый рост городских районов в Китае 20-го века был уравновешен преобладанием сельских районов. Многие лидеры КПК были выходцами из сельской местности; более того, Мао отдавал приоритет мобилизации крестьян после того, как попытки возглавить революцию в городах провалились. Рыночные реформы Дэн Сяопина начались в сельской местности, которая в 1979 году все еще составляла более 80 процентов населения.[57]

Повторяя модели доиндустриальной эпохи, правительства после 2000 года столкнулись со значительным ослаблением своих отношений со своими

[54] Campbell Gibson and Kay Jung, *Historical Census Statistics on Population Totalals by*

Race, 1790 to 1990, and by Hispanic Origin, 1970 to 1990, for Large Cities and Other Urban Places in the United States, рабочий документ, Бюро переписи населения США, февраль 2005.

[55] Хью Сетон-Уотсон, *Нации и государства: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*, Westview Press, 1977.

[56] Элизабет Перри, "Движение масс: Работа с эмоциями в китайской революции". *Мобилизация*, том 7, № 2, 2002.

[57] Всемирный банк, "Сельское население (% от общего населения Китая)", 2021c.

общественности. Ослабление связей государства с обществом отчасти связано с уменьшением количества товаров и услуг, предоставляемых простым людям. В ответ на годы замедления темпов роста государства сократили социальные льготы.[58] Во многих странах правительства ужесточили условия получения льгот, сократили выплаты или привлекли частные компании для более доступного управления пенсиями и другими социальными благами. В некоторых случаях частные компании, религиозные и другие социальные группы компенсировали снижение государственных расходов льготами для членов группы.[59] Снижение способности правительства предоставлять льготы ослабило чувство долга, которое граждане могли бы испытывать по отношению к государству. Отчасти об этом можно судить по результатам опросов, которые показывают устойчиво низкий уровень доверия между гражданами и их правительствами в западных странах, особенно с 2000-х годов, и устойчивое неприятие налогов и воинской повинности.[60] Частные субъекты и социальные группы отчасти активизировали предоставление социальных льгот аффилированным работникам и членам групп, но это лишь усиливает разделение лояльности и идентичности, которое могут ощущать граждане.

Растущая роль городских районов в мировой экономике усугубила эти тенденции. Городские элиты углубили свои отношения с государством, поскольку экономический рост все больше зависит от доходов, получаемых от товаров и услуг, предоставляемых в городах. В то же время сельские районы продолжают отставать. Более того, во многих городах, особенно в развивающихся странах, государственные услуги, оказываемые простым людям, атрофировались. Половина населения мира живет в городах, на которые приходится 80 процентов мирового валового внутреннего продукта (ВВП). Большое количество мегаполисов (города с населением более 10 миллионов человек) стали неуправляемыми из-за неадекватности инфраструктуры для обеспечения...

[58] Кристин Корлет Уолкер, Анжела Друкман и Тим Джексон, "Системы благосостояния без экономического роста: Обзор проблем и дальнейших шагов в

этой области", *Экологическая экономика*, том 186, август 2021 года.

[59] Деметра Смит Найтингейл и Нэнси М. Пиндус, "Приватизация государственных социальных услуг", Городской институт, 15 октября 1997 года.

[60] Pew Research Center, "Общественное доверие к правительству: 1958-2022", веб-страница, 6 июня 2022 года.

порты с таким населением. В более бедных районах таких городов власть правительства может вообще почти не ощущаться.[61]

Связи между гражданами и государством атрофировались и в Китае. После сокращения огромного сектора государственных предприятий в 1990-х годах, система социального обеспечения в Китае в лучшем случае остается скудной, и большая часть населения лишена основных доступных льгот. Пособия по безработице и пенсионные пособия остаются мизерными для подавляющего большинства работников, а качественное медицинское обслуживание для многих недоступно.[62] Местные органы власти отвечают за более чем 85% расходов на социальное обеспечение, но не имеют достаточных доходов для финансирования своих обязательств.[63] Поскольку спрос превышает имеющиеся ресурсы, правительство Китая последовало западной практике передачи многих социальных услуг на подряд.[64.] Впервые в истории Китая большинство его населения проживает в городах, хотя 35% населения к 2022 году все еще будут жить в сельской местности.[65] Однако после того, как в 1980-х и 1990-х годах государство сократило миллионы рабочих мест, большинство рабочих мест в городах переместилось в неформальный сектор.[66]

В целом, снижение способности государств предоставлять возможности и щедрые социальные льготы подрывает чувство коллективного единства и патриотические настроения. Этой тенденции способствовало возрастающее значение городских районов в национальной экономике. По мере углубления отношений государства с городской элитой, его связи с сельским и обедневшим городским населением ослабевают. Стагнация уровня жизни населения может усугубить социальную нестабильность. Люди могут больше полагаться на частный сектор.

---

[61] Уильямс, 2008.

[62] Кен Уиллс, *В поисках баланса*, Международный валютный фонд, декабрь 2018 года.

[63] Филипп Вингендер, *Межправительственная фискальная реформа в Китае*, рабочий документ, Международный валютный фонд, 2018.

[64] Цзе Лей и Чак Кван Чан, *Революция в социальном обеспечении Китая: Заключение контрактов на социальные услуги*, Routledge, 2018.

[65] Richard Dobbs, Sven Smit, Jaana Remes, James Manyika, Charles Roxburgh, and Alejandra Restrepo, *Urban World: Картирование экономической мощи городов*, Kinsey Insti- tute, март 2011; Всемирный банк, "Городское население (% от общей численности населения): Китай", 2022a.

[66] Чжэ Лян, Саймон Эпплтон и Лина Сонг, "Неформальная занятость в Китае: Тенденции, закономерности и детерминанты вступления", Институт экономики труда IZA, август 2016 года.

акторы, предоставляющие товары и услуги, которые когда-то предлагало правительство. Это может способствовать повышению уровня жизни, но ценой дальнейшего ослабления привязанности граждан к национальному государству. Более того, хорошо обеспеченные работники, скорее всего, смогут воспользоваться щедрыми льготами от работодателей. Подавляющее большинство работников в большинстве стран, включая США и Китай, сталкиваются с уменьшением перспектив и все более мизерными пособиями от государства. В Соединенных Штатах за четыре десятилетия не произошло значительного повышения заработной платы, причем в основном прирост заработной платы получили 10 процентов самых высокооплачиваемых работников.[67] В Китае более 600 миллионов человек живут на менее чем
США в месяц.[68] Богатство и интеллектуальное и культурное доминирование городских районов, застойные перспективы для неэлиты, сильные связи между правящими властями и элитой, и ослабление связей между населением и правительством повторяют модели, обычно наблюдаемые в доиндустриальных обществах.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Для соперничества между США и Китаем серьезное ослабление связей между центральными правителями и большей частью населения имеет важные последствия для ком- плекса и любого потенциального конфликта. Хотя элиты всегда играли доминирующую роль во внешней политике, в ближайшие годы эта роль, вероятно, усилится по мере ослабления связей между государством и населением. Эти тенденции, вероятно, приведут к сокращению расходов на крупные конкурентные мероприятия. Поддержка населения может стать более условной, в зависимости от того, сколько государство требует от населения. Более хрупкое чувство социальной стабильности может привести к постоянной нестабильной внутриполитической ситуации. Интенсивный политический контроль, возникающий в условиях острой поляризации политической среды, может подтолкнуть лидеров к принятию осторожных решений в условиях кризиса или к проведению конкурентной политики, не требующей больших налогов или призыва в армию.

В условиях войны растущее доминирование элиты и лидеров в правительстве, вероятно, изменит цели и методы ведения войны. Разобщенность населения делает мобилизацию ресурсов нации все более сложной.

---

[67] Дрю Десилвер, "Для большинства американских работников реальная заработная плата едва повысилась за десятилетия", Pew Research, 7 августа 2018 года.

[68] Ли Цяои, "600 млн. человек с ежемесячным доходом в 140 долларов беспокоят верхушку", *Global Times*, 29 мая 2020 года.

сложно, что делает тотальную войну неосуществимой. Эта тенденция может быть усилена низкой терпимостью населения к потерям, которая обусловлена общим недоверием к правительству. Это может наложить жесткие ограничения на то, как долго и сколько противоборствующие правительства могут позволить себе потерять в конфликте, прежде чем искать передышку для восполнения потерь и восстановления сил. Правительства, вероятно, столкнутся с сильными стимулами к ограничению мобилизации и попыткам вести войны "по дешевке" за счет использования добровольческих нерегулярных сил, мерце- нариев и беспилотных систем.

В условиях, когда население в значительной степени разобщено и постоянно склонно к недовольству, комбатанты могут также попытаться нацелиться на внутреннюю стабильность соперничающего государства посредством операций в кибер-, экономической и информационной сферах. Цель конфликта может состоять в том, чтобы обострить недовольство настолько, чтобы вынудить лидера противника пойти на переговоры по ближайшим спорам, оставив при этом нерешенными более широкие проблемы.

Равенство: Укоренение неравенства

Распределение богатства и благ в обществе может влиять на политическую стабильность и экономические перспективы страны. В дополнение к моральным вопросам справедливости, общество, в котором наблюдается зияющее неравенство, может свидетельствовать о недостатке мобильности и возможностей, что приводит к постоянному неблагополучию некоторых слоев общества. Высокое неравенство может также привести к неоптимальному использованию человеческих ресурсов, вызвать экономическую и политическую нестабильность и повысить риск кризиса.[69] Оно также может повлиять на способность государства мобилизовать общественную поддержку для крупных начинаний, включая дорогостоящие конкурентные стратегии или войну.

Исторически человеческие цивилизации имели тенденцию к резкому неравенству. Значительные изменения в неравенстве происходили только в результате войн, натиска, революций или краха цивилизации.[70] Например, неравенство в богатстве и доходах

неуклонно росло в Европе с 1300 по 1800 гг.

---

[69] Эра Дабла-Норрис, Калпана Кочхар, Нуджин Супхапхипат, Франтишек Рикка и Эвридики Цунта, *Причины и последствия неравенства доходов: Глобальная перспектива*, Международный валютный фонд, июнь 2015 года.

[70] Вальтер Шайдель, *Великий уравнитель: Насилие и история неравенства*, Princeton University Press, 2018.

За исключением столетнего спада неравенства, вызванного чумой "Черная смерть" с 1347 по 1352 год.[71] Экономическое неравенство также имело тенденцию соответствовать резкому социальному и политическому неравенству. Например, феодальная Европа характеризовалась довольно статичной структурой социальных классов с низкой мобильностью. Дворяне и другие представители элиты обладали практически всеми богатствами и политической властью, в то время как простолюдины имели мало богатств и мало прав.[72] Это неравенство влияло на эффективность средневековых войн. Ядром средневековых армий служила военная аристократия - высококвалифицированные рыцари. Неохотное участие и плохая подготовка крестьянской пехоты привели к тому, что многие армии стали в значительной степени полагаться на профессионально подготовленных наемников, чтобы дополнить рыцарей.[73]

Во времена династий Мин и Цин в Китае наблюдалось сильное неравенство доходов и богатства. В период правления династии Мин правительство сократило официальные оклады, но это лишь подтолкнуло чиновников к коррупции, чтобы увеличить свои доходы. Такая практика способствовала резкому росту неравенства. Чиновники династий Мин и Цин получали около 22 процентов сельскохозяйственной продукции, хотя составляли менее 0,4 процента населения.[74] Тяжесть неравенства и жестокое обращение с крестьянами привели к нескольким восстаниям при обеих династиях, включая восстание тайпинов в 1860-х годах, в котором погибло, возможно, от 20 до 30 миллионов человек.[75]

Индустриализация современных государств совпала с впечатляющим ростом богатства и возможностей для социальной мобильности. В XX веке развитые страны пережили беспрецедентный одновременный рост богатства и сокращение неравенства, который практически не имеет прецедентов в истории человечества. Ученые предложили термин *"Великое сжатие"* для описания этого уникального и масштабного расширения среднего класса, повышения в

---

[71] Гвидо Альфани, "Экономическое неравенство в доиндустриальные времена: Европа и за ее пределами".
Журнал экономической литературы, том 59, № 1, 2021.

[72] Juan Antonio Quirós Castillo, ed., *Social Inequality in Early Medieval Europe*, Brepols, 2020.

[73] Charles River Editors, *Medieval Europe's Mercenaries: История наемных солдат по всей Европе и Византийской империи в средние века*, 2020.

[74] Шон Ни и Фам Хоанг Нам, "Высокий доход от коррупции в Китае эпохи Мин и Цин*", Журнал экономики развития*, том 81, № 2, 2018.

[75] Джонатан Спенс, *Китайский сын Бога: Небесное царство тайпинов Хун Сюцюаня*, W. W. Norton, 1996.

уровень жизни всего населения и сокращение неравенства с 1930-х по 1970-е годы.[76] Помимо резкого сокращения неравенства в доходах, промышленные государства также добились значительных успехов в области политических и гражданских прав для женщин и меньшинств. В XIX веке западные демократии распространили право голоса и участия в политической жизни на большинство мужчин, независимо от класса или богатства. Женщины получили право голоса в западных демократиях в XX веке, а гражданские права были расширены для афроамериканцев в США в XIX и XX веках.[77] Хотя они не всегда соответствовали своим идеалам и хотя их усилия часто заканчивались катастрофой, коммунистические национальные государства заявляли, что они намеревались уменьшить равенство доходов и установить равные политические права для мужчин, женщин и меньшинств.[78]

С 2000 года в мире наблюдается возврат к высоким уровням неравенства, низкой социальной мобильности и доминированию элит, которые были характерны для большей части доиндустриальной истории.[79] В Соединенных Штатах нижние 80 процентов получателей дохода переживают стагнацию заработной платы с 1980-х годов, особенно среди тех, кто имеет только среднее образование. Основной прирост доходов и богатства получили 20 процентов верхних слоев населения.[80] Социальная мобильность также снизилась по сравнению с современной индустриальной эпохой.[81]

Несмотря на амбициозные цели национального процветания, изложенные в "Китайской мечте", китайские власти неохотно признают, что они могут оказаться не в состоянии удовлетворить требования общества. Высшие руководители часто подчеркивают

---

[76] Клаудия Голдин и Роберт А. Марго, *Великое сжатие: Структура заработной платы в США в середине века*, рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, август 1991 года.

[77] Майкл Лемэй, *Гражданские права и гражданские свободы в Америке*, Издательство "ABC CLIO", 2020.

[78] Томас Пикетти, Габриэль Цукман и Филип Новокмет, "От Советов к олигархам: неравенство и собственность в России, 1905-2016", Vox EU CEPR, 9 ноября 2017 года.

[79] Scheidel, 2018.

[80] Бюджетное управление Конгресса, *Распределение доходов домохозяйств, 2018 год*, август 2021 года.

[81] Xi Song, Catherine G. Massey, Karen A. Rolf, and Yu Xie, "Long-Term Decline in Intergenerational Mobility in the United States Since the 1850s," *Proceedings of the National Academy of Sciences*, Vol. 117, No. 1, 2019, November 25, 2019.

важность снижения ожиданий и постановки выполнимых политических целей, согласующихся с растущими ограничениями для финансов страны. Например, в своей речи в 2021 году Си Цзиньпин подчеркнул, что чиновники "не могут ставить слишком высокие цели", и предостерег от чрезмерных расходов на социальное обеспечение, что может привести к "воспитанию бездельников".[82] Неравенство находится на почти историческом максимуме как в Китае, так и в США, причем Соединенные Штаты являются одними из самых неравных среди развитых стран, а Китай - одним из самых неравных в мире.[83]

В целом, многие общества переживают драматический разворот тенденций к выравниванию, которые были характерны для опыта многих индустриальных национальных государств. Период Великого сжатия после Второй мировой войны, в течение которого наблюдался поразительный рост богатства для многих получателей дохода и резкое сокращение неравенства во многих развитых странах, уступил место возврату к исторической норме постоянного неравенства. Неравенство имеет важные последствия для современных вооруженных сил. Ученые отмечают, что в странах с высоким уровнем неравенства обеспеченные люди, как правило, более склонны сражаться за свою страну. При более высоком уровне равенства люди с более высокими и более низкими доходами практически не проявляют различий в готовности воевать.[84]

Последствия для конкуренции и конфликта между США и Китаем

Возвращение постиндустриального общества к моделям экономического неравенства, характерным для доиндустриальных обществ, и эрозия смысла и сути гарантированных политических и гражданских прав позволяют предположить, что будущее американо-китайских отношений может оказаться нестабильным.

конкуренция может иметь общие черты с доиндустриальной борьбой великих держав. В этих противостояниях элиты управляли делами государства, включая внешние отношения. Народ, не имея ресурсов и возможностей для

[82] Си Цзиньпин, "Твердо продвигать общее процветание" [扎实推动共同富裕], *В поисках истины* [求是], 15 октября 2021 года.

[83] Thomas Piketty, Li Yang, and Gabriel Zucman, "Income Inequality Is Growing Fast in China and Making It Looks More Like the U.S.", blog post, LSE Phelan Center, 2015.

[84] Christopher J. Anderson, Anna Getmansky, and Sivan Hirsch-Hoefler, "Burden Sharing: Income, Inequality, and Willingness to Fight," *British Journal of Political Science*, Vol. 50, No. 1, July 2018.

политического участия, часто остаются в значительной степени невовлеченными. Неравенство также повлияет на государства-партнеры США и Китая. В более слабых и бедных странах гражданские конфликты могут стать более распространенными, что повысит спрос на помощь со стороны богатых государств-покровителей.

Сохранение неравенства также имеет важные последствия для вооруженных сил как в условиях конкуренции, так и в гипотетическом конфликте. Ученые отмечают, что сильное социальное неравенство может снижать эффективность военных в бою. Этнические разногласия и плохое обращение с меньшинствами исторически коррелируют с более высокими показателями дезертирства и низкими результатами на поле боя.[85] Некоторые эксперты предупреждают о потенциальном социальном разрыве между армией, в которой служат люди с более низким уровнем дохода, и гражданским населением.[86] Однако другие ученые отмечают, что в армию технологически развитых стран набирают в основном людей из семей с доходом от низкого до среднего. В армии США недопредставлены как самые бедные, так и самые богатые семьи.[87] Одним из последствий может быть то, что государству придется тратить больше ресурсов на привлечение и вербовку образованной молодежи. Уже сейчас и Китай, и США ясно дали понять как о своем намерении набирать на службу образованную городскую молодежь, так и о трудностях, связанных с привлечением достаточного количества представителей этих целевых групп населения.[88]

В военное время модели, наблюдавшиеся в доиндустриальных обществах и в более бедных странах, могут стать более полезным ориентиром для понимания того, как может развиваться такая война, чем более поздние конфликты. Зависимость от наемников и партнеров по коалиции может вернуться как способ снизить спрос на высококвалифицированные профессиональные войска, которые трудно набирать и удерживать. Отказ общественности от участия в военных действиях может ограничить доступность ресурсов для финансирования войны и сделать поддержку очень восприимчивой к потрясениям, таким как большие потери.

[85] Jason Lyall, *Divided Armies: Inequality and Battlefield Performance in Modern War*,

Princeton University Press, 2020.

[86] Дуглас Л. Кринер и Фрэнсис Х. Шен, "Невидимое неравенство: Две Америки военной жертвенности", *Юридическое обозрение Мемфисского университета*, том 46, 2016.

[87] Андреа Асони и Тино Санандаджи, *Rich Man's War, Poor Man's Fight? Социально-экономическая репрезентативность в современной армии*, рабочий документ, Научно-исследовательский институт инд. экономики, 2013.

[88] Larry Wortzel, *A Comparison of Recruitment and Training Problems in the U.S. Army and China's People's Liberation Army*, Association of the U.S. Army, August 21, 2021.

Заключение

Современные индустриальные общества, особенно в Европе и США, в 1800-х и 1900-х годах пережили исключительную степень социальной и культурной сплоченности. Более сильное чувство коллективной цели, общая культура и общие ценности совпали с расширением гражданских прав и возможностей для участия в политической жизни. Сплоченность культуры мейнстрима происходила за счет гендерных, сексуальных и этнических меньшинств, которые в этот период подвергались значительным репрессиям. Однако относительно сплоченные общества способствовали и выиграли от экономических стратегий индустриализации, особенно после Второй мировой войны. Социальное и культурное единство также способствовало возникновению патриотического энтузиазма и политической и военной мобилизации, необходимой для победы в войне индустриальной эпохи.

По крайней мере, с начала XXI века страны по всему миру переживают фрагментацию по социальным, региональным и этническим признакам. В более бедных странах эта фрагментация в некоторых случаях усилилась до еще более крайней степени, что привело к значительному насилию между враждующими религиозными, этническими и другими группами. В Китае и США нарастали социальные беспорядки, на которые правительства с трудом реагировали. Результатом стала дальнейшая эрозия государственной легитимности.

Современная сцена во многом повторяет фрагментированные общества доиндусриального периода. Отсутствие массовых коммуникаций и ограничения на передвижение привели к тому, что многие деревни и общины оказались изолированными и разрозненными. Феодальные узы усугубляли фрагментацию общества. Как видно из таблицы 3.2., эти особенности имеют глубокие последствия для конкуренции США с Китаем. Для обеих столиц фрагментация общества делает старые стратегии мобилизации масс маловероятными. Чтобы поддерживать конкуренцию и вести войну, лидерам, возможно, придется полагаться на частичную мобилизацию, чтобы взыскать ключевые товары или таланты. Ослабление правительств и укрепление субнациональной идентичности также открывает возможности для сотрудничества между правительствами

и негосударственными или субнациональными субъектами, даже в стране соперника. Потенциал гибридной дипломатии еще больше повышает важность правоохранительной деятельности для контроля над потенциальными подрывными угрозами.

Чистый эффект возврата к доиндустриальным общественным структурам предполагает постоянное состояние ограниченности ресурсов, неурегулированность внутренней политики и возвращение политической легитимности в качестве спорного вопроса. Вооруженные силы

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы большего объема.
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

ТАБЛИЦА 3.2

Последствия неосредневекового социума и культурные аспекты соперничества между США и Китаем

Аспекты	Средневековая эпоха	Последствия для отношений между США и Китаем	Конкуренция	Импликации для американо-китайского конфликта
Национальная культура	- Общая культура элиты • Фрагментированная культура по классовой, религиозной, этнической и другой идентичности	• Создание коалиции с различными группами за рубежом проще, но усугубляет напряженность • Риск того, что экстремизм в обществе может распространиться в армии, выше • Существует потенциал для международного найма	• Раздробленность препятствует мобилизации на национальную войну • Трансграничная координация проще, но повышает риск вмешательства в государствах-партнерах	
Массовая коммуникация	• Глобально доступны • Трансрегиональный для грамотных элит • Сегментированы среди населения	• Сегментация СМИ усугубляет зависимость государства от элит • Разобщенность населения - это риск • Существуют возможности для налаживания партнерских отношений с симпатизирующими третьими странами		информационной и кибернетической сферах
Отношения между государством и народом	• Сильные связи между элитой и государством • Слабые связи между людьми и государством	• Элита наиболее мотивирована и подготовлена к проведению внешней политики • Разрозненное население уязвимо для атак противника в		

- Координация через границы стала проще
- Сегментация информации повышает риск информационных операций противника

- Народное разъединение делает тотальную войну неосуществимой

- Вооруженные силы могут использовать кибер-, информационную и экономическую сферы для разжигания беспорядков и создания коалиций

Таблица 3.2-Продолжение

Аспект	Неосреднев	Последствия для отношений между США и Китаем	
	ековая эпоха	Конкуренция	Импликации для американо-китайского конфликта
Равенство неравенства	- Высокий уровень • Укоренившиеся элиты • Низкая социальная мобильность • В основном городские	• Недовольное население повышает потенциал кибер- и информационных операций противника • Правительства с меньшей вероятностью будут полагаться на высокие налоги и воинскую повинность для противодействия конкуренции	• Война - это в основном дело лидеров, элит. • Подрядчикам и беспилотным системам отдается предпочтение • Города могут стать мишенью в войне • Военные действия могут быть уязвимы к потрясениям, таким как большие потери

вероятно, столкнутся с растущими стимулами полагаться на автоматизированные, наемные, коалиционные или прокси-силы, чтобы уменьшить свою зависимость от скудных гражданских добровольцев и снизить риск военных потерь. Конкуренция и управление войной могут вернуться к тому, чтобы быть в основном делом элиты, как это было в доиндустриальную эпоху. Информационная и кибернетическая сферы могут стать привлекательными местами для проведения военных операций как средство разжигания беспорядков и давления на государства-противники с целью заставить их пойти на уступки как средство прекращения военных действий.

ГЛАВА 4

Экономика: Несбалансированные экономики

В этой главе рассматриваются значительные тенденции и события, связанные с эко-номикой. Мы используем термин "*несбалансированная экономика"* для обобщения неомедицинских экономик, но более подробно рассмотрим четыре взаимосвязанных аспекта:
(1) темпы роста, (2) транснациональная экономическая деятельность, (3) нелегальная экономика и (4) трудовой капитал и мобильность. По каждому аспекту мы проанализируем, как этот фактор применим к доиндустриальной Европе, доиндустриальному Китаю, индустриальному национальному государству и неосредневековой эпохе. Как мы покажем, неосредневековые экономики переживают замедление роста и дисбалансы, которые напоминают черты доиндустриальных обществ. Однако сохраняются отличительные черты современной экономики и финансов, включая глобализацию производства и высокий уровень мобильности капитала и рабочей силы (табл. 4.1). Затем мы рассмотрим, что эти особенности могут означать для современного соперничества между США и Китаем.

Темпы роста: Деиндустриализация и замедление

Характер экономической деятельности оказывает сильное влияние на политику, общество и вооруженные силы. Устойчиво высокие темпы роста обеспечивают материальные ресурсы, с помощью которых государства могут обеспечивать своих граждан и оснащать армию. Медленно развивающиеся или бедные общества, напротив, не имеют

ресурсов для выполнения тех же задач и, следовательно, чаще страдают от недостатков, чем их более богатые коллеги.

За редким, недолговечным исключением, доиндустриальные общества развивались крайне медленно. Например, с 1400 по 1800 год рост ВВП на душу населения не превышал 0,2 процента в год ни в одной стране мира на протяжении половины периода

ТАБЛИЦА 4.1

Сравнение экономических аспектов между эпохами

Аспект	Прединдустриальная Европа	Прединдустриальный Китай	Индустриальное национальное государство	Неосредневековье
Темпы роста	- Медленный рост	- Медленный рост	- Высокий рост	- Замедление роста
Транснациональная экономическая деятельность	• Ограниченная торговля, в основном по евразийским торговым путям	• Ограниченная торговля, в основном по евразийским торговым путям	• Торговля, инвестиции, основанные на национальных принципах, в основном межатлантические	• Глобальный рынок, все больше вдоль евразийских торговых путей
Незаконная экономика внутреннюю и	- Охватывает международный • Бандитизм, каперы, пираты	• Охватывает внутренние и международные • Бандитизм, пиратство, набеги - обычное дело.	• Преимущественно внутренняя проблема	• Охватывает внутренние и международные • Киберпреступность, пиратство, картели
Мобильность труда и капитала	• Лимитед	- Ограниченный	- Значительная мобильность труда и капитала	• Обширная и быстрая • Неэффективный контроль

века.[1] Во многом причина кроется в низкой производительности сельско-хозяйственных экономик, которые преобладали в большинстве доиндустриальных регионов, включая феодальную Европу.

В Средние века поместья, управляемые европейскими лордами и чиновниками, были основной экономической единицей, и эти поместья опирались на трудоемкие методы, основанные на труде людей и животных. В ранний современный период, с 1500-х по 1700-е годы, инновации в области финансов и кредита способствовали росту мировой торговли, но быстрый рост, который вызвали эти моменты расцвета, редко длился дольше нескольких лет.[2]

В Китае наблюдались медленные темпы роста, схожие с темпами роста доиндустриальной Европы.[3] Экономическая деятельность в доиндустриальном Китае была сосредоточена в основном на трудоемком мелком сельском хозяйстве с использованием человеческого и животного труда. В китайских городах также развивались ремесла и торговля, в стране в ограниченных масштабах производилась сталь и другие металлы. Однако в целом сельское хозяйство оставалось доминирующей формой экономической деятельности.[4]

Промышленные национальные государства демонстрировали необычайно высокие темпы роста, начиная примерно с 1800 года, в основном благодаря широкому распространению промышленного производства и быстрым технологическим изменениям.[5] Высокие темпы экологического роста совпали с появлением национального государства. Это совпадение не случайно. Ученые отмечают, что оба процесса требовали мобилизации населения для работы на фабриках и формирования новых сообществ.[6] Промышленная революция в США ускорилась в конце 1800-х годов, когда рабочая сила мигрировала из сельского хозяйства в обрабатывающую промышленность. Широкое использование машин и электрификация энергосистемы обеспечили значительную мобилизацию населения.

---

[1] Джек Голдстоун, "Датировка великого расхождения", *Журнал глобальной истории*, том 16, № 2, 2021.

[2] Фредди Уилкинсон, "Индустриализация, труд и жизнь", *National Geographic*, 27 января 2020 г.

[3] Голдстоун, 2021.

[4] Кент Денг, "Экономическая история досовременного Китая (с 221 г. до н.э. до ок. 1800 г. н.э.)", веб-страница, Ассоциация экономической истории, без даты.

[5] Голдстоун, 2021.

[6] Джулиан Хоппит, "Нация, государство и первая промышленная революция", *Журнал британских исследований*, том 50, № 2, 2011.

Это означало, что во многих отраслях промышленности доминировали несколько игроков - например, Эндрю Карнеги в сталелитейной промышленности в конце XIX века.[8] Доминирование США в новых технологиях, включая автомобили, самолеты и информационные технологии, укрепило лидерство страны в обрабатывающей промышленности на протяжении большей части XX века. Деиндустриализация США началась только в 1970-х годах, когда доля работников, занятых в промышленности, начала снижаться с 22 процентов в 1980 году до менее чем 9 процентов к 2020 году.[9]

В Китае индустриализация в ограниченном масштабе началась в 1950-х годах. КПК разработала пятилетние планы по быстрой модернизации экономики и увеличению промышленного производства. Большинство этих усилий, особенно "Большой скачок вперед" в конце 1950-х годов, оказались плохо продуманными и закончились катастрофически.[10] Поворот страны к политике реформ и открытости в 1979 году дал толчок новому этапу быстрой индустриализации, вызванной рыночными стимулами. Сконцентрированные на восточном побережье, крупные торговые и промышленные центры быстро росли в последующие десятилетия, обеспечивая рост Китая как экспортного джаггернаута. Только в 2012 году промышленный сектор начал снижаться, достигнув пика, когда на него приходилось около 19 процентов всех занятых в стране.[11]

В неосредневековую эпоху современные экономики переживают замедление роста, в среднем от 1 до 3 процентов роста ВВП в год с 1980-х годов.[12] Это контрастирует с периодом после Второй мировой войны, когда развитые промышленные экономики в период с 1950-х по 1970-е годы демонстрировали средние темпы роста ВВП.

---

[7] Уилкинсон, 2020.

[8] Джоэл Мокир, "*Рычаг богатства: Технологическое творчество и экономический прогресс*, Oxford University Press, 1992.

[9] Дерек Томпсон, "Куда делись все рабочие? 60 лет экономических изменений в 1 графике", *The Atlantic*, 26 января 2012 г.; Национальная ассоциация производителей, "2021 United States Manufacturing Facts", веб-страница, 2021.

[10] Синь Мэн, "Институциональные причины Великого голода в Китае, 1959-1961", *Обзор экономических исследований*, том 82, 2015.

[11] Роберт З. Лоуренс, "Китай, как и США, сталкивается с проблемами в достижении инклюзивного роста через производство", аналитическая записка, Институт международной экономики Петерсона, август 2019 года.

[12] Всемирный банк, 2021b.

выше 4 процентов годового роста.[13] Неосредневековые экономики также несбалансированны, и большая часть роста приходится на небольшой сектор. Например, на сферу услуг сегодня приходится более 80 процентов ВВП США, и аналогичные показатели наблюдаются в других западных странах.[14] Сектор услуг включает относительно небольшое количество высокооплачиваемых рабочих мест, требующих образования и профессиональных знаний, таких как специалисты в области информационных технологий, юристы и банкиры. Однако подавляющая часть сектора услуг состоит из относительно низкоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих мест в таких областях, как розничная торговля, доставка и услуги общественного питания.[15] В 1990-х годах американские работники, относящиеся к высшему децилю, испытали значительный рост доходов, в то время как все остальные испытали относительно небольшой рост.[16] Поскольку отрасли промышленности продолжают сокращать рабочие места, автоматизироваться и мигрировать в страны с низкой заработной платой, постиндустриальная экономика в обозримом будущем будет продолжать испытывать дисбаланс и медленный рост.[17]

Растущий долг Китая, неспособность принять более продуктивную форму роста и серьезные демографические проблемы говорят о том, что темпы роста страны могут замедлиться до 2-3 процентов к середине века.[18] Китай перешел к большей зависимости от услуг и потребления, поскольку неэффективный и долговой способ промышленного экспорта оказался неприемлемым.[19] В 2013 году сектор услуг превзошел сектор производства по вкладу в ВВП, что было обусловлено финансовыми услугами, недвижимостью, информационными технологиями и услугами здравоохранения. Однако сектор услуг страдает от тех же низких показателей производительности и несбалансированного роста.

---

[13] Стивен А. Марглин и Джульет Б. Шор, *Золотой век капитализма: Reinterpreting the Postwar Experience*, Oxford University Press, 1992.

[14] Всемирный банк, "Услуги, добавленная стоимость (% ВВП)", 2021d.

[15] Джоэл Нельсон, "Работа и льготы: Многочисленные проблемы занятости в сфере услуг", *Социальные проблемы*, том 41, № 2, 1994.

[16] Рэнди Илг и Стивен Э. Хауген, "Заработок и тенденции занятости в 1990-х годах".

Monthly Labor Review, март 2000 года.

[17] Тереза К. Форт, Джастин Р. Пирс и Питер К. Шотт, "Новые взгляды на снижение занятости в обрабатывающей промышленности США", *Журнал экономических перспектив*, том 32, № 2, весна 2018.

[18] Rajah and Leng, 2022.

[19] "Гигантский потребительский рынок Китая будет развиваться ускоренными темпами в 2022 году".
People's Daily, 22 февраля 2022 года.

которые поразили другие страны.[20] Более того, услуги остаются уязвимыми к потрясениям, связанным со снижением потребительского спроса, как это произошло во время пандемии COVID-19.[21] Соответственно, Пекин продолжает кредитовать обрабатывающую и строительную промышленность для стимулирования роста, ценой ухудшения финансового положения и структурных дисбалансов страны.[22]

Опыт США и Китая отражает более широкую глобальную тенденцию деиндустриализации. За последние 25 лет в наиболее развитых странах мира снизилась доля занятости в обрабатывающей промышленности. Многие развивающиеся страны также столкнулись с преждевременной формой деиндустриализации, при которой занятость в промышленном секторе сокращается задолго до того, как страна достигла высокого уровня дохода на душу населения.[23]

В целом, деиндустриализация развитых стран мира сопровождалась снижением производительности, замедлением роста и структурными дисбалансами, которые подпитывают неравенство доходов и богатства. Низкая производительность, медленный рост и несбалансированная экономика были характерны для большинства доиндустриальных обществ. Неосредневековые экономики растут быстрее, чем их доиндустриальные аналоги. Однако несбалансированный характер этих экономик усугубил некоторые политические и общественные тенденции, упомянутые в предыдущих главах, такие как фрагментация общества, неравенство и распад национального государства.

Последствия для американо-китайской конкуренции и конфликта

Деиндустриализация и замедление роста имеют важные последствия для американо-китайского соперничества. Соединенные Штаты и Китай конкурируют в условиях жесткой ограниченности ресурсов, что поднимает вопросы о высвобождении...

---

[20] Макс Дж. Зенглейн, "Переоцененный сектор услуг Китая", Институт Меркатора по изучению Китая, 13 октября 2016 года.

[21] Джейсон Дуглас, "Китайский сектор услуг демонстрирует самый резкий спад с начала пандемии", *Wall Street Journal*, 6 апреля 2022 года.

[22] "Долг Китая поднимется до рекордного уровня в 2022 году, говорит правительственный советник", Bloomberg News, 5 июля 2022 года.

[23] Роберт Роуторн и Рамана Рамасвами, *Деиндустриализация: Ее причины и последствия*, Международный валютный фонд, сентябрь 1997 года; Дани Родрик, *Преждевременная деиндустриализация*, рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, февраль 2015 года.

важности стратегий индустриальной эпохи, основанных на быстром росте и изобилии ресурсов. В современной конкуренции доступ к технологиям, научным и профессиональным знаниям, а также капиталу может стать основным предметом соперничества. Это может побудить обе страны к агрессивной конкуренции за лучшие в мире технологии и таланты. Чтобы получить преимущество, конкуренты могут попытаться очернить и ослабить соперника с помощью политических ограничений и информационных операций.[24] Обвинения США и Китая по поводу безопасности цифровых и компьютерных технологий служат многим целям, одной из которых может быть ограничение перехода ключевых технических специалистов к сопернику. Разделение в технологических областях может быть еще одним способом сохранить преимущества в условиях жесткой конкуренции. Конкуренция за таланты, капитал и технологии может также стимулировать обе стороны к налаживанию связей с симпатизирующими группами и государствами, обладающими такими ресурсами, даже если это антагонизирует соперника.

Усилия США по укреплению отношений с Тайванем и усилия Китая по привлечению зарубежных китайских студентов, ученых и исследователей расширили доступ к необходимым технологиям и знаниям с обеих сторон и обострили восприятие угрозы.[25]

Замедляющийся и несбалансированный рост также делает высокотехнологичную войну все более трудновыполнимой. Ошеломляющая стоимость современных кораблей, самолетов, противоракетной обороны и других видов вооружений делает обременительным содержание больших запасов таких систем в мирное время и крайне затруднительным их пополнение в военное время. Тщательная мобилизация общества могла бы расширить доступный набор ресурсов для финансирования тотальной войны, но это политически маловероятно, учитывая слабую легитимность государств. Эта проблема хорошо видна на примере быстрого истощения боеприпасов и платформ в России и ее попыток восполнить потери в войне в Украине. Чтобы сохранить свою легитимность, государства будут иметь сильный стимул избегать сбоев в поставках потребительских товаров и услуг, которые ценятся их населением.[26]

[24] Мо Цзинси, "США обвиняются в технологическом терроризме", *China Daily*, 7 июля 2022 года; Ана Свонсон, "Администрация Байдена ограничивает доступ Китая к технологиям", *New York Times*, 7 октября 2022 года.

[25] Кен Диланян, "Американские университеты - легкая мишень для китайских шпионов, говорят представители разведки США", NBC News, 2 февраля 2020 года.

[26] Ван Нин [王 宁], "Институты потребления, стимулы к труду и ресурсы легитимности: Изменение институциональных договоренностей, касающихся жизни потребителей и

Таким образом, вместо того чтобы пытаться повторить устаревшие стратегии массовой промышленной мобилизации, лица, принимающие решения, могут посчитать более полезным планирование частичной мобилизации и масштабирование боевых операций до уровня, который может быть поддержан сокращением ресурсной базы. Опора на наемников может стать более устойчивым способом управления операциями, поскольку эти расходы могут быть прекращены, когда необходимость в них отпадет. Привлечение талантливых специалистов по всему миру с помощью финансовых стимулов может быть важным для ведения войны в технических областях, таких как киберпространство.[27]

Транснациональная экономическая деятельность: Глобальный рынок

Торговля была основным источником богатства человеческих цивилизаций с древнейших времен. Торговля не только давала возможность различным народам приобретать дефицитные товары, но и способствовала культурному обмену. В более позднее время транснациональная экономическая деятельность может включать обмен товарами и услугами, а также инвестиции.

Доиндустриальный Китай и Европа торговали с отдаленными королевствами, но объем передаваемых товаров был относительно скромным. Средневековые экономики были в основном самодостаточными и, следовательно, испытывали меньшую потребность в импортных товарах. Неразвитость инфраструктуры для торговли на дальние расстояния также оказала свое влияние. Европейские торговые державы приобрели сказочное богатство отчасти благодаря тому, что они доминировали в морской торговле, которая оказалась быстрее, надежнее и дешевле, чем сухопутные торговые маршруты по Шелковому пути.[28] Но это составляло лишь небольшую часть экономической деятельности. По оценкам Всемирного экономического форума, экспорт составлял менее 5 процентов мирового ВВП в период с 15-го по 15-й век.

Мотивации рабочих в городском Китае" [消费制度、劳动激励与合法性资源], *Социологические исследования* [社会学研究], том 3, 2007.

[27] Кристиан Куптш и Энг Фонг Панг, *Конкуренция за глобальные таланты*, Международная организация труда, 2006.

[28] Стефан Баризитц, *Центральная Азия и Шелковый путь: Экономический подъем и упадок на протяжении нескольких тысячелетий*, Springer, 2017.

до XVIII века. Торговля состояла в основном из продажи сырья и основных товаров, таких как шелк, картофель, кофе и специи.[29]

Помимо индустриализации, национальное государство достигло невероятного уровня богатства отчасти благодаря значительному расширению международной торговли. Технологические инновации, такие как пароходы, автомобили и железные дороги, позволили перевозить товары быстрее и на гораздо большие расстояния. Эти инновации также облегчили транспортировку более тяжелых промышленных товаров, таких как железо и текстиль. С 1870-х годов по 1939 год мир пережил взрывной рост торговли, когда объем обмениваемых товаров увеличился в 20 раз. Некоторые называют этот период "первой эрой торговой глобализации".[30] После Второй мировой войны, когда спрос на импортные товары резко возрос среди разрушенных обществ, стремящихся к восстановлению, торговля вновь активизировалась. Однако на протяжении 1800-х и 1900-х годов торговля сырьем и готовой продукцией осуществлялась в основном между американскими и европейскими национальными компаниями.[31] Производственные процессы были в основном сосредоточены в пределах одной страны.[32]

В эпоху неосредневековья, начиная с 2000 года, глобализация производства ускорилась. Технологические инновации увеличили легкость и скорость финансовых потоков между странами, а также передачу рабочей силы, технологий и информации.[33] На фоне таких структурных изменений экономика Китая стремительно развивалась, поскольку компании переместили производство промежуточных товаров, чтобы воспользоваться преимуществами дешевой рабочей силы в стране.[34] В период с 2002 по 2007 гг,

---

[29] Питер Ванхэм, "Краткая история глобализации", Всемирный экономический форум, 17 января 2019 года.

[30] Антони Эстевадеордал, Брайан Франц и Алан М. Тейлор, "Взлет и падение мировой торговли, 1870-1939", *Ежеквартальный журнал экономики*, том 118, № 2, 2003.

[31] C[harles] Cooper, J[ames] Steinberg, and M[ichael] Shires, *The Evolution of the European Economy: Последствия для трансатлантических отношений*, RAND Corporation, N-3432-FF, 1992.

[32] Алекс Кляйн и Николас Крафтс, "Moving Around: Изменение географии американского производства в течение 20 века", Vox EU, 12 декабря 2017 года.

[33] Международный валютный фонд, "Глобализация: Угроза или возможность?". Январь 2002 года.

[34] Йелинг Тан, "Как ВТО изменила Китай: Смешанное наследие экономического участия", *Foreign Affairs*, март/апрель 2021 года.

Темпы роста экспорта и импорта Китая увеличились на 13,2 процента и 18,89%, соответственно, в основном за счет прямых иностранных инвестиций.[35] Глобализация производства ослабила способность государств регулировать экономическую деятельность в пределах своих границ. По мере того, как компании переносили производство за границу, на удаленных заводах участились нарушения трудового, экологического и других законов. Несмотря на освещение в СМИ практики эксплуатации, компании продолжают эксплуатировать заводы в странах со слабой системой регулирования.[36] Глобализация производства также способствовала усилению неравенства как в развитых, так и в развивающихся странах, поскольку компании сокращали хорошо оплачиваемые рабочие места, перенося производство в страны с низкой заработной платой, а страны соревновались в "гонке на дно" за получение иностранных инвестиций.[37] Стоит отметить еще два поразительных события в транснациональной экономической деятельности с 2000 года. Во-первых, это растущее значение цифровых и финансовых технологий. Глобализация торговли стала возможной отчасти благодаря быстрому развитию электронных систем связи и наличию мощных компьютеров, которые могли помочь в управлении запасами, торговлей и производственными процессами в удаленных друг от друга местах.[38] В 2010-х годах также наблюдался рост важных цифровых технологий, таких как электронная коммерция, онлайновые платежные платформы и приложения финансовых технологий. Эти технологии способствовали глобализации производства.[39]

---

[35] Стив Чинг, Ченг Сяо, Шуй Ки Ван и Тонгсан Ванг, "Экономические преимущества глобализации: Влияние вступления в ВТО на рост Китая", *Тихоокеанский экономический обзор*, 5 августа 2011 года.

[36] Амелия Панг, "Вызов Китая: пятно принудительного труда на обуви Nike", *Дискурс*, 5 января 2022 года; Вики Сючжун Сю, Даниэль Кейв, Джеймс Лейболд, Келси Манро и Натан Рузер, "Уйгуры на продажу", Австралийский институт стратегической политики, 1 марта 2020 года.

[37] Филипп Хаймбергер, "Влияет ли экономическая глобализация на неравенство доходов? Мета-анализ", *Мировая экономика*, ноябрь 2020.

[38] Патриция А. Гленн, "Информационные технологии в глобальной экономике", *Вычислительная экономика*, том 6, № 2, 1993.

[39] Эрик Фейен, Джон Фрост, Леонардо Гамбакорта, Хариш Натараджан и Мэтью Саал, "Финтех и цифровая трансформация финансовых услуг: Последствия для структуры рынка и государственной политики", Банк международных расчетов, BIS Papers No. 117, июль 2021 года.

Второй важной тенденцией стало повышение роли развивающихся стран в мировой экономике. Экономическая стагнация в развитых странах наряду с быстрым ростом Китая и других развивающихся стран определили характер мировой экономики. Эксперты предполагают, например, что Азия станет центром будущей глобальной экономики. Китай продвигает концепцию БРИ, чтобы воспользоваться преимуществами таких тенденций. БРИ - это амбициозная инфраструктурная инициатива, направленная на соединение экономик Евразии, Африки и Латинской Америки.[40] Официальные лица утверждают, что Китай должен играть более ведущую роль в глобальном управлении, поскольку развивающиеся страны играют все большую роль в мировой экономике.[41]

Развитие событий в США и Китае с 2000 года одновременно предвещает новые черты и напоминает некоторые черты доиндустриальных обществ. С одной стороны, торговля, инвестиции и производство действительно глобализировались до такой степени, какой не было ни в одну эпоху. Более того, новые технологии позволили вести торговлю в киберпространстве. С другой стороны, глобальный рынок усугубил проблему ослабления государств, подорвав способность государства регулировать трансграничную экономическую деятельность. Эти же тенденции, напоминающие о доиндустриальной истории, повысили значение евразийских торговых путей для будущей глобальной экономики.

Последствия для конкуренции и конфликта между США и Китаем

Существует несколько последствий как для конкуренции между США и Китаем в мирное время, так и для потенциального конфликта, в который могут быть вовлечены оба государства. С точки зрения конкуренции, глобализация производства может повысить важность безопасности в странах дальних партнеров, в которых находятся в а ж н ы е инвестиции и работники. Китай уже определил защиту интересов за рубежом в качестве одного из главных приоритетов национальной безопасности и расширил ее.

[40] Центральное народное правительство Китайской Народной Республики [中华人民共和国中央人民政府], "Высококачественное совместное строительство в рамках инициативы "Пояс и путь" достигло выдающихся результатов" [高质量共建"一带一路"成绩斐然], 25 января 2022 года.

[41] Zhao Zuoxiang [赵祚翔], "'The Belt and Road Initiative': A New Engine Driving Economic Globalization" ["一带一路"：拉动经济全球化的新引擎], *Seeking Truth* [求是], March 2019.

военное присутствие за рубежом для их лучшей защиты.[42] Распространение эко номического производства также может оказать сдерживающее влияние на ком- плексы, поскольку обе страны зависят от поставок и товаров, произведенных в конкурирующей стране. Несмотря на то, что предпринимаются определенные усилия по расчленению цепочек поставок, сложность глобализированного производства делает полное расчленение маловероятным.[43]

Изменение географии мировой торговли может повлиять и на американо-китайскую ком- петенцию. Обе страны соперничают за влияние в регионах, имеющих важное стратегическое и экономическое значение для обеих стран, таких как Восточная и Южная Европа, Юго-Восточная Азия, Африка, острова Тихого океана и другие.[44] Можно ожидать, что напряженность в вопросах, связанных с цифровыми технологиями и финансовыми технологиями, также будет играть ключевую роль в американо-китайской конкуренции.[45] В условиях конфликта и США, и Китай сталкиваются с риском того, что взаимная взаимозависимость может быть использована в качестве оружия. Поскольку социальная стабильность будет зависеть от способности государств обеспечивать потребительские товары, рабочие места и такие основные товары, как доступные продукты питания и энергия, государства могут легко нанести ущерб политической легитимности противника, действуя так, чтобы нарушить такой доступ. Россия уже стала пионером в использовании доступа к энергии, разрушив электростанции в Украине и поставив под угрозу доступ Европы к импорту энергии. Легкость, с которой такие нарушения могут быть осуществлены, особенно против п а р т н е р о в США, также повышает перспективу войны по доверенности. Вовлечение США в дела стран-партнеров может помочь в борьбе с угрозами государственной легитимности, но также требует дорогостоящих затрат.

обязательства, которые еще больше истощают скудные ресурсы.

[42] Моника Ванг, "Стратегия Китая в Джибути; смешение коммерческих и военных

интересов", Совет по международным отношениям, 13 апреля 2018 года.

[43] Rhodium Group и Торговая палата США, *Understanding U.S.-China Decoupling: Макротенденции и влияние на промышленность*, 2020 год.

[44] Минхао Чжао, "Инициатива "Пояс и путь" и стратегическая конкуренция Китая и США", *Китайский международный стратегический обзор*, том 3, 2021.

[45] Том Уилер, "Цифровая конкуренция с Китаем начинается с конкуренции внутри страны", Институт Брукингса, апрель 2020 года.

Незаконная экономика: Бандиты, полевые командиры и пираты

Незаконные экономические операции в той или иной форме присутствуют во всех обществах. Такие сделки, как правило, предлагают высокую прибыль, поскольку правительства и законные предприятия не могут открыто участвовать в них. В силу своей природы такие операции могут осуществлять преступные или посторонние группы, например, повстанцы. В связи с негативными последствиями запрещенной коммерческой деятельности правительства часто считают своим долгом подавить или уничтожить незаконную экономику.[46] Тип сделки менялся с течением времени и часто отражал особенности законной экономики и соответствующих политических механизмов.

В доиндустриальной Европе и Китае пористые границы и недостаточная внутренняя безопасность привели к мобильной форме преступного хищничества. Бандиты действовали в неуправляемых пространствах, пираты угрожали океанам и портам по всему миру, а кочевые племена совершали трансграничные набеги на Китай в эпоху Мин и Цин.[47] Различие между законной и незаконной деятельностью также было более неоднозначным. В средневековый период компании наемников часто прибегали к грабежам и набегам, когда их не нанимал король или принц. Иногда наемники занимались грабежами даже тогда, когда их нанимало государство.[48] В ранний современный период европейские правительства иногда санкционировали пиратов, называемых *каперами*, для набегов на враждующие флоты.[49] В 1700-х и 1800-х годах частные компании, такие как Британская Ост-Индская компания, получали государственную поддержку за торговлю опиумом в Китай и имели собственные армии.[50.]

---

[46] Ванда Фелбаб-Браун, "Правила и нормы в неуправляемых пространствах: Незаконная экономика, преступники и воюющие стороны", в книге "*Неуправляемые пространства: Альтернативы государственной власти в эпоху смягчения суверенитета*, Издательство Стэнфордского университета, 2010.

[47] Джон К. Эпплби, *Под кровавым флагом: Пираты эпохи Тюдоров*, The History Press, 2009; Диана Лэри, *Китайское государство на границах*, University of British Columbia Press, 2008.

[48] МакФейт, 2017.

[49] Дженнифер Гонсалес, "Пираты, каперы и морское законодательство времен Гражданской войны", блог Библиотеки Конгресса, 28 мая 2020 года.

[50] Соутик Бисвас, "Как британская торговля опиумом приводила к обнищанию индийцев", Би-би-си, 5 сентября 2019 г.

В эпоху индустриального национального государства сети организованной преступности иногда становились могущественными и богатыми, но в основном они действовали в одной стране и практически не имели международного присутствия. Например, американская мафия занималась рэкетом, контролировала профсоюзы и создавала картели для эксплуатации пенсионных и социальных фондов. Эти преступники также наживались на азартных играх, запрещенных наркотиках, ростовщичестве и проституции. Хотя иногда они могли путешествовать для получения незаконных товаров, такие организованные преступные группы, как правило, базировались в стране, в которой они действовали.[51] В начале XX века, до установления контроля КПК, Китай пережил значительные потрясения, вызванные действиями полевых командиров, которые часто контролировали многие виды преступной деятельности, включая проституцию, похищения, грабежи, наркотики и азартные игры.[52] Эти структуры также действовали в основном на территории Китая.

В неосредневековую эпоху незаконная экономика приобрела повсеместный характер. По данным Всемирного экономического форума, незаконная экономика стоила
США, что составляет около 3 процентов мирового ВВП.[53] Незаконная экономика включает в себя торговлю людьми и продажу незаконных товаров, таких как наркотики, оружие, контрафактная продукция и дикая природа. Она также включает в себя контрабанду законных товаров, чтобы избежать налогов. Криминальные структуры глобализировали свою деятельность так же, как и легальный бизнес. Опиоидный кризис в США - яркий тому пример. Последняя волна опиоидного кризиса началась в 2014 году и связана с фентанилом и другими синтетическими опиоидами.[54] Мексика является основным источником синтетических опиоидов, но эти картели полагаются на химические вещества-прекурсоры из Китая.[55]

---

[51] Джеймс Б. Джейкобс, "Взлет и падение организованной преступности в США", *Преступление и правосудие*, том 49, 2020.

[52] Артур Уолдрон, "Военачальник: Китайские представления двадцатого века о насилии, милитаризме и империализме", *Американское историческое обозрение*,

том 96, № 4, 1991.

[53] Памела Кок-Гамильтон и Джеффри Харди, "Незаконная торговля ставит под угрозу окружающую среду, закон и ЦУР", Всемирный экономический форум, 18 июля 2019 года.

[54] Управление по борьбе с наркотиками США, "Поток фентанила в Соединенные Штаты", брошюра, январь 2020 года.

[55] Комиссия по борьбе с незаконным оборотом синтетических опиоидов, *Заключительный отчет*, февраль 2022 года.

К другим составляющим незаконной экономики относится возвращение морского пиратства после почти полного отсутствия в течение нескольких столетий. В Сомали с 2007 по 2012 год более 300 судов были взяты в заложники и выкуплены. В этих нападениях участвовали как сомалийцы, так и граждане других стран.[56] Последующие совместные международные усилия помогли подавить пиратство в районе Африканского рога, но это зло сохраняется и в других частях мира.[57] Постиндустриальная глобальная экономика также породила новые формы преступного предпринимательства, такие как киберпреступность. По оценкам экспертов, в 2018 году киберпреступность обошлась мировой экономике почти в 600 миллиардов долларов США, что составляет почти 1 процент мирового ВВП на тот момент[58].

Китайские источники признают проблему незаконного оборота наркотиков и других форм криминального хищничества. Например, в сообщениях СМИ обсуждается проблема наркотрафика, который охватывает границы Китая со странами Юго-Восточной Азии.[59] В опубликованной в 2017 году "Белой книге" о политике Китая по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе "транснациональные преступления" были отнесены к числу негосударственных угроз, которые стали "более заметными".[60] Китайские источники также подчеркивают необходимость повышения кибербезопасности.[61]

Еще одна опасность, которую несет в себе незаконная экономика, - это коррупция. Ресурсы, доступные криминальным структурам, могут подтолкнуть их к проникновению и захвату должностей в правительстве, правоохранительных органах и армии. В конфликте между Россией и Украиной роль организованной преступности привлекла международное внимание, когда коррупция привела к изнурительным недостаткам в системе материально-технического обеспечения российских вооруженных сил. Организованные преступные группировки действуют с обеих сторон

[56] Джатин Дуа, "Угнанные: Пиратство и экономика защиты в западной части Индийского океана", *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 61, No. 3, June 28, 2019.

[57] Служба по борьбе с коммерческой преступностью Международной торговой палаты, "Карта пиратства и вооруженного разбоя ММБ 2022", 2023.

[58] Джеймс Эндрю Льюис, *Экономическое воздействие киберпреступности*, Центр стратегических и межнациональных исследований, 21 февраля 2018 года.

[59] "Китайские катера патрулируют реку Меконг", *People's Daily*, 20 декабря 2016 г.

[60] "Полный текст: Политика Китая в отношении Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в области безопасности", Синьхуа, 11 января 2017 года.

[61] Си Цзиньпин, "Перевод: Выступление Си Цзиньпина 20 апреля на Национальной рабочей конференции по кибербезопасности и информатизации", сайт New America, 30 апреля 2018 года.

конфликта, получая прибыль от торговли в зоне боевых действий.[62] Есть свидетельства того, что криминальные элементы получили контроль и над некоторыми вооруженными силами. В Донбассе влиятельные криминальные полевые командиры проникли в местные вооруженные силы и вербовали сторонников; в других случаях полевые командиры финансировали свои собственные вооруженные группы.[63] Вовлечение в коррупционную деятельность может быть более вероятным для вооруженных сил в более бедном, развивающемся мире, но военные на богатом Западе не застрахованы от этой угрозы. Во время войн в Афганистане и Ираке по меньшей мере 115 американских военнослужащих были осуждены за преступления на сумму 50 миллионов долларов, включая кражи, фальсификацию контрактов и взяточничество.[64] ВМС США также пережили крупный скандал в 2000-х и 2010-х годах, когда американские военно-морские чиновники принимали взятки наличными, проституток и подарки от подрядчика по прозвищу "Толстяк Леонард", чтобы направлять военные корабли в Азии к подрядчикам, которые обманывали правительство США.[65]

Проблема сговора между государственными чиновниками и криминальными структурами стала в Китае повсеместной. Оба китайских лидера Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин назвали коррупцию самой большой угрозой правлению КПК.[66] Падение члена Политбюро Бо Силая сделало достоянием гласности подробности ограбления и эксплуатации богатых граждан в результате сговора между полицией и мафиози.[67] Коррупция стала настолько распространенной в НОАК, что Си Цзиньпин приказал провести масштабную репрессию, арестовав сотни старших офицеров, включая двух бывших заместителей председателя Центрального комитета.

---

[62] Скотт Беновиц, "Организованная преступность: Упущенный из виду угол зрения на текущий конфликт в Украине", Pavlovic Today, 4 апреля 2022 года.

[63] Дэвид Клейн, "Отчет: В Крыму и на Донбассе господствует организованная преступность", Проект по борьбе с организованной преступностью и отчетности, 15 июля 2022 года.

[64] Джулия Харте, "Военнослужащие США были осуждены за преступления в Ираке

и Афганистане на сумму 50 миллионов долларов", Public Integrity, 5 мая 2015 года.

[65] Крейг Уитлок, ""Толстый Леонард" раздувает скандал; обвинения предъявлены еще трем деятелям ВМС".
Вашингтон Пост", 27 мая 2016 года.

[66] Си Цзиньпин, 2017; Ху Цзиньтао, "Полный текст доклада Ху Цзинатао на 18-м партийном съезде", 14 ноября 2012 года.

[67] Минсинь Пэй, "В постели с мафией: сговор между правоохранительными органами и организованной преступностью", в Минсинь Пэй, "*Китайский капитализм, основанный на кумовстве"*, Harvard University Press, 2016.

Военная комиссия. Однако, несмотря на эти меры, коррупция в правительстве Китая сохраняется.[68]

В целом, незаконная экономика, похоже, хорошо укоренилась, и ее искоренение может оказаться трудной задачей, как это было в большинстве доиндустриальных обществ. Эта проблема усиливается ослабленным состоянием национальных государств, которые страдают от нехватки ресурсов и снижения государственной легитимности. Охват и сила организованной преступности позволяют предположить, что она может стать решающей силой в противостоянии между государствами, что подчеркивает роль организованной преступности в российско-украинском конфликте.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Угрозы, которые несут в себе незаконная экономика и преступные сети, имеют семь-семь последствий для конкуренции США с Китаем и любого потенциального конфликта с участием этих двух стран. В мирное время хищничество международных преступных организаций может усугубить недовольство внутри страны из-за негативных последствий преступности, наркомании, торговли людьми и других форм преступного хищничества. И Соединенные Штаты, и Китай могут обнаружить, что им приходится выделять больше ресурсов на борьбу с многочисленными формами преступности и дезорганизации. Эти проблемы могут сдерживать конкуренцию, создавая стимул для сотрудничества двух стран по конкретным вопросам, таким как киберпреступность,[69] торговля людьми, незаконное распространение оружия и наркотиков.[70] Также может потребоваться выделение дополнительных ресурсов для мониторинга опасностей коррупции в правительстве, правоохранительных органах и вооруженных силах обеих стран, особенно в Китае.

Поиск путей контроля над незаконной экономикой может в то же время обострить конкуренцию, высветив различия в подходах, которым отдается предпочтение.

---

[68] Ван Синьцзюнь, "Си призывает к скоординированным усилиям против коррупции", *China Military Online*, 19 июня 2022 года; "China Party Says Nearly 5 Million Probed for Graft," Associated Press, 17 октября 2022 года.

[69] Cuihong Cai [蔡翠红], "Sino-U.S. Relations in Cyberspace: Competition, Conflict, and Cooperation" [网络空间的中美关系:竞争、冲突与合作], *American Studies Quarterly* [美国研究], Vol. 3, 2012.

[70] Yongan Zhang [张勇安], "Sino-U.S. Cooperation Against Narcotics: Process, Limits, and Strategic Options" [中美禁毒合作：过程、限度及战略选择], *Modern International Relations* [现代国际关系], Vol. 12, 2013.

двумя соперниками. В то время как Соединенные Штаты считают свободную прессу, верховенство закона, демократическую подотчетность и другие институциональные особенности важными для борьбы с преступностью, Китай может продвигать подходы, более соответствующие его авторитарной политике, включая обширную цифровую слежку.[71] Эта ком- петиция может наиболее интенсивно проявляться в странах, имеющих экономическое или стратегическое значение, но испытывающих различные внутренние и транснациональные проблемы, например, на богатом ресурсами Ближнем Востоке.[72]

В военное время обе страны могут оказаться отвлеченными необходимостью борьбы с организованной преступностью, которая стремится извлечь выгоду из конфликта посредством различных видов незаконной деятельности.[73] Преступная деятельность может коррумпировать вооруженные силы, а военные силы могут быть склонны к участию в преступной деятельности, по крайней мере, в некоторых странах-партнерах.[74] Предприимчивые преступники могут сыграть свою роль в конфликте, предоставляя такие услуги, как кибер-операции, логистика или даже вооруженные группы, как это произошло в российско-украинском конфликте.[75] Это может означать, что американским и китайским военным придется выделить ресурсы для стабилизации и укрепления союзников и партнеров или для контроля коррупции и преступности в своих собственных вооруженных силах или в вооруженных силах своих партнеров.

Мобильность капитала и рабочей силы: Быстрые денежные потоки и массовая миграция

Мобильность капитала и рабочей силы влияет на перспективы как экономического, так и политического развития. Экономическая теория обычно утверждает, что мобильность рабочей силы

[71] Chuanyin Lu [鲁传颖], *Theoretical and Practical Studies on Cyberspace Global Governance and Multi-Stakeholder* [网络空间全球治理与多利益攸关方的理论与实践探索], диссертация, Восточно-китайский нормальный университет [华东师范大学-博士论文], 2016.

[72] Дэвид А. Лейк, "Экономическая открытость и конкуренция великих держав: Уроки для Китая и США", *Китайский журнал международной политики*, том 11, № 3, 2018.

[73] Джон де Бур и Луиза Босетти, "The Crime-Conflict 'Nexus': Состояние доказательств", Университет ООН, июль 2015 года.

[74] Пэн Ван, "Военная коррупция в Китае: Роль гуаньси в купле-продаже военных должностей", *China Quarterly*, Vol. 228, 2016.

[75] Джошуа П. Малфорд, "Негосударственные акторы в российско-украинской войне", *Connections*, Vol. 15, No. 2, 2016.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

повышает благосостояние, поскольку рабочая сила может переключиться на более прибыльные предприятия. Однако миграция рабочей силы может иметь и негативные последствия для регионов, из которых она эмигрирует. Это может включать ослабление доступности квалифицированной рабочей силы (также известное как "*утечка мозгов*"). Высокий уровень миграции из более бедных регионов в более богатые также может иметь политические последствия, например, вызвать недовольство со стороны перемещенных рабочих.[76] Аналогичным образом, мобильность капитала часто связана с более высокими темпами роста. Страны с более слабым контролем за движением капитала обычно опережают страны с более строгим контролем. Однако преимущества контроля за движением капитала могут варьироваться, в частности, в зависимости от уровня развития страны. Контроль за движением капитала может также иметь политические последствия. Либерализация контроля за движением капитала может позволить повысить уровень инвестиций благодаря более широкому доступу к иностранным сбережениям, но может и усугубить последствия экономического или политического кризиса, позволив быстро вывести из страны большие объемы денег.[77]

В доиндустриальной Европе и Китае мобильность рабочей силы была относительно низкой из-за технологических ограничений и замкнутого характера экономики, основанной на сельском хозяйстве. Передвижение по морю занимало месяцы; на суше люди могли передвигаться только пешком или использовать вьючных животных для перевозки грузов. Более того, относительно замкнутый характер помещичьей экономики в Европе и мелкой фермерской экономики в Китае ограничивал спрос на мобильность рабочей силы.[78] Бродячий труд играл полезную, хотя и ограниченную, роль в распространении навыков в средневековых городских экономиках.[79] Однако миграция через границы могла осуществляться легче из-за слабой способности государств противостоять вторжениям. В качестве примера можно привести массовое перемещение кочевых племен вдоль границы.

[76] Морис Шифф, "Социальный капитал, трудовая мобильность и благосостояние", *Рациональность и общество*, том 4, № 2, апрель 1992 года.

[77] Sebastian Edwards, *Capital Mobility and Economic Performance: Отличаются ли развивающиеся экономики?* рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, январь 2001 года.

[78] Zhang Qingwu [张庆五], "The Evolution of the Household Registration Systemin Ancient China" **[中国古代户籍制度的演变]**, *Development of Small Cities & Towns* **[小城镇建设]**, Vol. 11, 2001, p. 20.

[79] Стивен Эпштейн, *Техника в западноевропейских городах*, Routledge, 2004.

Северные и западные границы Китая и европейские усилия по колонизации Америки и других частей света.[80]

Промышленные национальные государства имели более высокие уровни мобильности капитала и рабочей силы, но они были ограничены как технологиями, так и относительно сильным контролем государств над границами. Перемещение через океаны стало быстрее в 1800-х годах с появлением судов с паровыми и газовыми турбинами. Изобретение железных дорог и автомобилей в 1800-х и 1900-х годах ускорило передвижение по суше.[81] Однако правительства, как правило, осуществляли достаточно жесткий контроль над границами. Иммиграция могла быть значительной, но обычно она была результатом разрешительной политики, как, например, когда Соединенные Штаты поощряли **иммиграцию** из Европы в начале 1900-х годов.[82] В середине 1800-х годов в большинстве стран мира был принят общий золотой стандарт, который стал основой международных валютных рынков. Однако центральные банки регулярно координировали свои действия с другими центральными банками для поддержания своих валют. После Второй мировой войны страны ввели валютный контроль в рамках Бреттон-Вудского соглашения. Эти меры контроля ослабли по мере ускорения тенденций экономической глобализации, особенно после 1970-х годов.[83]

В эпоху неосредневековья мобильность капитала и рабочей силы стала еще более выраженной из-за влияния технологий, ослабления пограничного контроля и роста нестабильности в некоторых регионах. Цифровые технологии и принятие свободно плавающих валют ускорили движение капитала. Хотя это может иметь желаемый эффект в виде предоставления достаточных средств для инвестиций, это также может усугубить кризисы за счет дестабилизирующего воздействия быстрого притока и вывода капитала, как это произошло во время азиатского финансового кризиса 1997 года.[84] Китайские власти в целом выражают обеспокоенность

---

[80] Виктор Либерман, "Династия Цин и ее соседи: Ранний современный Китай в мировой истории", История *социальных наук*, том 32, № 2, 2008.

[81] Кеннет Джон Баттон и Генри Вега, "Влияние воздушного транспорта на перемещение рабочей силы", *Геожурнал*, том 71, № 1, 2008.

[82] Charles Hirschman and Elizabeth Mogford, "Immigration and the American Industrial Revolution from 1880 to 1920," *Social Science Research*, Vol. 38, No. 4, 2009.

[83] Эрик Хеллейнер, *Государства и возрождение глобальных финансов*, Издательство Корнельского университета, 1994.

[84] Кьярра Корделли и Джонатан Леви, "Этика глобальной мобильности капитала", *Ameri- can Political Science Review*, Vol. 116, No. 2, May 2022.

о потенциально дестабилизирующем влиянии высокой мобильности капитала. Власти призывают усилить контроль над международным капиталом, отчасти потому, что коррумпированные чиновники перемещают большие объемы денег в зарубежные страны.[85] После недавнего принятия Конгрессом закона, направленного против иностранных компаний, акции которых котируются на американских рынках, китайские СМИ также пообещали ужесточить контроль над иностранными деньгами на рынках капитала.[86]

В Соединенных Штатах мобильность рабочей силы замедлилась, поскольку возможности для продвижения по службе сократились.[87] Однако в других странах уровень мобильности рабочей силы был выше. В 2004 году Европейский Союз предоставил гражданам ЕС право свободного передвижения и проживания в пределах стран-членов. Иммиграция из-за пределов Европы значительно возросла с 2013 года из-за последствий войны на Ближнем Востоке и в Африке.[88] Мобильность рабочей силы также значительно возросла в Китае, который переживает крупнейшую миграцию за последние столетия, поскольку сельские работники устремляются в города.[89] Опыт Китая отражает миграцию сельских работников в крупные города, которая наблюдается по всему глобальному Югу.[90] Миграция оказалась очень выгодной для некоторых стран, таких как Ливан, где денежные переводы составляют 54% ВВП, и Таджикистан, где денежные переводы составляют 34% ВВП.[91]

---

[85] "240 коррупционных дел раскрыто в банках", China Daily, 24 октября 2005 года; "Китаю необходимо "упорядоченное развитие" капитала - People's Daily", Reuters, 8 февраля 2022 года.

[86] Ван Тяньюй и Хуо Ли, "Китайский регулятор ценных бумаг обещает предотвратить резкий приток и отток иностранных инвестиций", CGTN, 19 апреля 2021 года.

[87] Damien Azzopardi, Fozan Fareed, Mikkel Hermansen, Patrick Lenain, and Doug- las Sutherland, *The Decline in Labor Mobility in the United States: Insights from New Administrative Data*, Organisation for Economic Co-operation and Development, December 14, 2020.

[88] Майсаа Альмустафа, "Рефрейминг кризиса беженцев: Европейский кризис миграции или кризис защиты?". *Политика и пространство*, том 1, № 1, 2020.

[89] Цай Фан, Ду Ян и Ван Мэйян, *Миграция и трудовая мобильность в Китае*, Отчет о человеческом развитии ООН, 2009.

[90] Mathias Lerch, "International Migration and City Growth in the Global South: Анализ данных IPUMS по семи странам, 1992-2013 годы", *Обзор народонаселения и развития*, том 46, № 3, 2020.

[91] Всемирный банк, "Денежные переводы достигнут 630 миллиардов долларов в 2022 году с рекордными потоками в Украину", пресс-релиз, 11 мая 2022b.

В целом, мобильность рабочей силы и миграция в значительной степени возросли в большинстве стран мира, что свидетельствует о тенденциях, не наблюдавшихся с доиндустриальных времен. В доиндустриальных обществах труд и капитал не обладали мобильностью и часто были привязаны к местным помещичьим экономикам. Чистый эффект, однако, заключался в том, что это препятствовало формированию национального рынка и экономики, сопряженных с властью национального правительства. В эпоху неосредневековья мобильность труда и капитала дополняет другие тенденции, которые в совокупности подрывают авторитет национального государства.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Мобильность труда и капитала имеет важные последствия для соперничества США с Китаем. Чувствительность международного капитала к потрясениям свидетельствует о том, что мобильность капитала может оказывать сдерживающее влияние на потенциальный потенциал.

В то же время, как Китай, так и США могут попытаться ограничить капитал другой стороны в случае ухудшения напряженности.[93] Введение Западом санкций против России после ее вторжения в Украину является примером того, как экономические санкции могут быть использованы в условиях кризиса.

Ускорение миграции в Европе и на Ближнем Востоке может привести к стрессу

партнеров США и обострять конфликтные ситуации в регионе. Возникающие кризисные ситуации могут, соответственно, повлечь за собой участие великих держав, таких как США и Китай. Возможный пример - вовлечение многих стран.[94] Миграционные потоки Китая могут оказать демпфирующее воздействие на конкуренцию, так как городское население перегружает существующие сети социального обеспечения, усиливая напряженность между городским и сельским населением и еще больше сокращая бюджеты на социальные расходы.[95]

[92] Jeffrey M. Chwieroth and Timothy J. Sinclair, "How You Stand Depends on How We

See: Международная мобильность капитала как социальный факт", *Обзор международной политической экономии*, том 20, № 3, 2013.

[93] Донг Джунг Ким, "Экономическое сдерживание как стратегия великодержавного соперничества", *Международные отношения*, том 95, № 6, 2019.

[94] Muharrem Ekşi, "The Syrian Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics," *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*, 2017.

[95] Alex Jingwei He, "The Welfare Is Ours: Миграция из села в город и шовинизм внутреннего благосостояния в городском Китае", *Журнал современного Китая*, том 31, № 134, 2022.

В условиях войны воюющие стороны могут попытаться использовать потоки капитала для нанесения ущерба экономике другой страны путем манипулирования капиталом или кибератак. Целью таких атак может быть нанесение ущерба экономике соперничающего государства. Массовая миграция в результате конфликта также может осложнить военные операции и сама может стать оружием в качестве средства дезорганизации.[96] Разработчикам военных планов, возможно, придется учитывать последствия массовой миграции, которая может возникнуть в результате начала конфликта в отдаленных странах.

Заключение

Несмотря на более низкие темпы роста, чем в период расцвета современной индустриальной эпохи, экономика в эпоху неосредневековья сталкивается с огромными потребностями в ресурсах со стороны населения, привыкшего к базовому уровню государственных услуг и защите от множества опасностей и угроз. Медленные темпы экономического роста усугубляются обширной транснациональной деятельностью, которая ослабляет полномочия государства регулировать дела в пределах своих границ. По мере того как легальная экономика теряет свою привлекательность из-за ограниченной способности создавать достойные рабочие места и заработную плату, преступная деятельность, вероятно, станет более привлекательной для отчаявшихся. Широкая мобильность труда и капитала еще больше подорвет способность государств эффективно реагировать на эти события.

Для соперничества между США и Китаем эти тенденции имеют важные последствия (см. таблицу 4.2). В соревновании в мирное время замедление темпов роста, вероятно, ограничит расходы на оборону в обозримом будущем, особенно в свете конкурирующих внутренних потребностей. Обе страны также продолжат нуждаться в силовом потенциале для защиты отдаленных, но жизненно важных факторов экономики, таких как энергоснабжение и доступ к рынкам и сырью. Опасность коррупции в вооруженных силах, которая уже много лет мучает НОАК, потребует более тщательного изучения и в западных вооруженных силах.

В случае войны между США и Китаем медленный и несбалансированный рост приведет к ограничению возможностей обеспечения ресурсов для крупной войны. Лица, принимающие решения в США, могут прибегнуть к услугам подрядчиков как к наиболее экономически эффективному способу наращивания и поддержания боевых сил, как это было во время войны в Ираке и Афганистане. Важность эко-

[96] Kelly M. Greenhill, "Migration as a Weapon in Theory and in Practice," *Military Review*, Vol. 96, No. 6, 2016.

ТАБЛИЦА 4.2

Последствия неосредневековых экономических аспектов для соперничества между США и Китаем

Аспекты	Средневековая эпоха	Импликации для соперничества США и Китая	Импликации для конфликта США и Китая
Модели экономического роста	• Замедление темпов роста	- Меньше доступных ресурсов • Заручиться поддержкой населения сложнее • Усилится конкуренция за технологии, капитал и таланты	• Война на высшем уровне неосуществима • Вооруженные силы будут больше полагаться на контракты для поддержания военных действий • Ограниченность ресурсов ограничит масштаб и размах войны
Транснациональная деятельность - Экстенсивная интеграция в мировая экономика		• Для защиты важных экономических интересов военным может потребоваться развертывание на большом расстоянии • Угрозы экономической деятельности за рубежом могут быть повсеместными и постоянными	• Энергия, торговля, инвестиции, связь и другие формы взаимосвязи могут быть использованы в качестве оружия • Перспектива прокси-войны, помогающей партнерам отбиваться от таких вызовов, будет выше
Незаконная экономика - Обширная - охватывает внутренний рынок и международные - киберпреступность, пиратство, картели		• На военные бюджеты может оказывать давление необходимость повышения внутренней безопасности внутри страны и среди партнеров • Военным, возможно, придется активизировать усилия по борьбе с коррупцией	• Коррупция и криминальная нажива могут нанести ущерб боевым действиям • Коррупция и преступность могут распространиться в вооруженных силах

Мобильность капитала и рабочей силы	• Обширный и быстрый	- Страх перед утечкой капитала может оказать сдерживающее влияние • Напряженность может привести к ужесточению контроля за движением капитала	• Финансы могут быть использованы для нанесения ущерба экономике конкурентов • Массовая миграция может осложнить военные операции

номический рост для поддержания общественного порядка будет стимулировать планировщиков обороны рассматривать способы нарушения экономики противника при минимизации уязвимости собственной экономики страны. Глобализация производства и торговли повышает вероятность того, что экономические связи могут быть ослаблены в ходе конфликта посредством эмбарго, нарушения торговли и других мер. А военные силы могут столкнуться с преступностью и коррупцией даже во время войны.

ГЛАВА 5

Вопросы безопасности: Всепроникающие угрозы

В этой главе мы рассмотрим неосредневековые события, связанные с вопросами безопасности. Хотя мы рассматриваем *всепроникающие угрозы* как основную характеристику, мы изучим четыре взаимосвязанных аспекта: (1) организованное насилие, (2) негосударственные угрозы, (3) политическая безопасность и (4) организация сил безопасности. Мы рассмотрим, как каждый аспект проявлялся в доиндустриальной Европе, доиндустриальном Китае, индустриальном национальном государстве и неосредневековой эпохе. Мы будем утверждать, что растущая значимость невоенных угроз в сочетании с ослаблением способности государств справляться с ними привела к ситуации, напоминающей доиндустриальные общества по таким ключевым параметрам, как распространенность внутригосударственных войн, растущая значимость негосударственных угроз, серьезные политические вызовы безопасности и усиление сотрудничества между военными и правоохранительными силами (Таблица 5.1). Затем мы проанализируем последствия для соперничества между США и Китаем.

Организованное насилие: Вооруженный конфликт в слабеющих государствах

Организованное насилие состоит из групп людей, осуществляющих скоординированные акты насилия против конкретной цели. Организованное насилие может положить конец безопасности и выживанию государства, в зависимости от характера и серьезности

вызова. *Межгосударственный конфликт* - это насилие между вооруженными силами соперничающих государств. *Внутригосударственный конфликт представляет собой* насилие между противоборствующими вооруженными группами в пределах границ одного государства. Оба типа войн происходили на протяжении всей истории. Однако типы организованного насилия, которые преобладают, менялись с течением времени.

ТАБЛИЦА 5.1

Резюме аспектов проблем безопасности между эпохами

Аспект	Прединдустриальная Европа	Прединдустриальный Китай	Индустриальное национальное государство	Неосредневековье
Организованное насилие	- Преимущественно внутригосударственные - Преимущественно межгосударственные			- Преимущественно внутригосударственные - Преимущественно внутригосударственные
Негосударственные угрозы	- Обширные, включая пандемии, бандитизм, стихийные бедствия	• Обширная, включая пандемии, бандитизм, стихийные бедствия	• Ограниченный, эпизодический	- Обширный, включая пандемии, преступность, стихийные бедствия
Политическая безопасность	- Часто небезопасно, с частые вызовы	• Часто неуверен в себе с частыми проблемами	• В целом безопасные, с небольшим количеством проблем для управления	• Тенденция к небезопасности, с растущими проблемами
Организация сил безопасности	• Военные: внутренние и внешние обязанности	• Военные: внутренние и внешние обязанности	• Военные: внешние обязанности • Полиция: внутренние обязанности	• Военные: тенденция к выполнению как внутренних, так и внешних обязанностей • Полиция: как внутренние, так и внешние обязанности

Оба вида насилия имели место в средневековой Европе, хотя внутригосударственные конфликты преобладали, отчасти из-за спорного характера политической власти. Крупные средневековые конфликты включали крестовые походы, Столетнюю войну, а также многочисленные войны и восстания практически во всех средневековых королевствах. Эти конфликты представляли собой сложное сочетание межгосударственных и внутригосударственных войн.[1] Однако большая часть организованного насилия происходила внутри и между государствами по вопросам престолонаследия, контроля над территорией и подавления различных негосударственных субъектов.[2] Военные силы также сражались с восставшими крестьянами, обиженными наемниками и мародерствующими бандитами. Средневековые армии часто обливали дегтем гражданское население, чтобы пограбить или устрашить врагов.[3]

Военные действия эпохи Мин и Цин также включали в себя как внутригосударственные, так и межгосударственные войны. Имперские армии неоднократно вторгались и подчиняли себе соседние страны. Например, армии династии Мин вторглись во Вьетнам и сражались с голландскими войсками. И войска Мин, и войска Цин воевали с монгольскими и другими кочевыми племенами, прежде всего на северных и западных границах, как это произошло в трех джунгарско-цинских войнах. Но столько же или даже больше боевых действий происходило против субнациональных субъектов, особенно в периоды династического упадка. Когда императорская власть ослабевала, по всей империи часто вспыхивали восстания, как, например, в войне Мин-Монг-Мао. Армии как династий Мин, так и Цин также сталкивались с крупными пиратскими нашествиями на восточном побережье.[4] Действительно, самые крупные и разрушительные войны династий Мин и Цин были связаны с крупномасштабными восстаниями. Восстание Белого Лотоса, произошедшее в начале 1800-х годов, привело к гибели сотен тысяч людей. В

[1] Джонатан Сампшн, *Столетняя война: испытание битвой*, Издательство

Пенсильванского университета, 1999.

[2] Уоррен К. Браун, *Насилие в средневековой Европе*, Routledge, 2011.

[3] Джон Витингтон, "Печально известные убийцы Средневековья", *Lapham Quarterly*, 3 декабря 2020 года.

[4] Liew Foon Ming, "The Luchuan-Pingmian Campaigns (1436-1449) in the Light of Official Chinese Historiography," *Oriens Extremus*, Vol. 39, No. 2, 1996; Yang Hongying [杨鸿英], "From Beginning to End on Qianlong's Two Conquest of Dzungar" [乾隆朝两次平定准噶尔始末], *Journal of the Palace Museum* [故宫博物院院刊], No. 4, 1988.

середине 1800-х годов восстание тайпинов, одна из самых кровопролитных войн в истории, стоила, возможно, более 30 миллионов жизней.[5]

В эпоху индустриальных национальных государств страны переживали некоторые внутригосударственные конфликты, но в основном воевали друг против друга. Войны как между государствами, так и внутри государств были обычным явлением со средневекового периода до 1700-х годов. Однако, как только государства стали централизованными и едиными, в 1800-1900-х годах, внутригосударственные войны стали менее распространенными. Даже такие крупные исключения, как Гражданская война в Америке и Гражданская война в Испании, напоминали межгосударственные войны в своих стратегиях мобилизации и создания массовых армий, состоящих из солдат, призванных на военную службу.[6] Другие формы организованного внутреннего насилия в этот период включали в себя редкие бунты, такие как призывные бунты в Нью-Йорке в 1863 году, и восстания, такие как Парижская коммуна в 1870 году.[7] Преобладание межгосударственных конфликтов отчасти отражало утешительную и унитарную природу национальных государств.[8] Межгосударственные войны между национальными государствами часто были крупными и разрушительными. Некоторые конфликты длились месяцы или годы, в них участвовало большое количество граждан-солдат, призванных и оснащенных государством. Масштабы войн индустриальной эпохи могли достигать поистине эпических масштабов. Например, во время Наполеоновских войн и Первой мировой войны в сражениях иногда участвовали сотни тысяч солдат. Миллионы солдат в течение многих лет были развернуты на Восточном фронте во время Второй мировой войны.[9]

В неосредневековую эпоху в мире наблюдается общее снижение частоты межгосударственных войн между вооруженными силами национальных государств, хотя российско-украинская война показывает, что она не исчезла полностью. Хотя точные причины остаются спорными, ученые выдвигают ряд причин, включая распространение ядерного оружия, нормы против государственной агрессии, экономическую взаимозависимость и изменение характера постин-...

[5] Spence, 2013, pp. 111-112.

[6] Tilly, 1990.

[7] Iver Bernstein, *The New York City Draft Riots: Их значение для американского общества и политики в эпоху гражданской войны*, Oxford University Press, 1991; Stewart Edwards, *The Paris Commune 1871*, Eyre and Spottiswoode, 1971.

[8] Bobbit, 2002; "Correlates of War", веб-сайт, 2022.

[9] Уильям Х. Макнейл, "Индустриализация войны", *Обзор международных исследований*, том 8, № 3, июль 1982 года.

пыльной экономики.[10] Однако это не означает конец войны. Скорее, ученые отмечают, что конфликт принял другую форму. Возобновляя модели, часто наблюдаемые в доиндустриальной Европе и имперском Китае в периоды династического упадка, наиболее распространенной формой организованного насилия в последние несколько десятилетий стали внутригосударственные конфликты. Современные внутригосударственные конфликты, как правило, характеризуются нерегулярными операциями, нападениями на гражданское население, затяжным конфликтом и стиранием различий между *преступлением* и *войной*, например, попытками проведения этнических чисток.[11] Примерами могут служить гражданские войны в Боснии и Герцеговине (1992-1995), Руанде (1990-1994), Йемене (2015-настоящее время) и Южном Судане (2016-2020).

В своих работах китайские военные аналитики, как правило, фокусируются на обычных войнах и уделяют меньше внимания внутригосударственным конфликтам. Авторы часто обсуждают потенциальное военное применение новых технологий и фокусируются почти исключительно на угрозах со стороны обычных вооруженных сил.[12] Китайские стратеги подробно анализируют военный потенциал и внешнеполитические намерения США.[13] Некоторые эксперты, в частности, выделяют территориальные споры в первой островной цепи как "крупнейший фактор, требующий больших затрат". Некоторые эксперты, в частности, подчеркивают, что территориальные споры в первой островной цепи являются "самой большой проблемой, требующей больших затрат, для усилий Китая по поддержанию безопасности периметра и в определенной степени экзистенциальной угрозой".[14] Когда китайские эксперты обсуждают внутригосударственные конфликты, они часто пытаются исследовать их причины и выступают за проведение миротворческих операций, например, под руководством ООН.[15]

---

[10] Thomas S. Szayna, Stephen Watts, Angela O'Mahoney, Bryan Frederick, and Jennifer Kavanagh, *What Are the Trends in Armed Conflicts, and What Do They Mean for U.S. Defense Policy?* RAND Corporation, RR-1904-A, 2017; Nils Petter Gleditsch, Steven Pinker, Bradley A. Thayer, Jack S. Levy, and William R. Thompson, "The Decline of War," *International Studies Review*, Vol. 15, No. 3, September 2013.

[11] Калдор, 2012.

[12] Бинг Лю [刘斌], *Новая технологическая революция и международная политика* [新科技革命与国际政治], Партийная школа Центрального комитета КПК [中共中

央党校], 2004.

[13] Yuan Ming [袁明], "Post-Cold War U.S.-China Policy American Strategic Elites and Sino-U.S. Relations" [冷战后美国对华政策探源--兼论美国"战略精英"和中美关系], *American Studies* [美国研究], Vol. 2, 1998.

[14] He Maochun [何茂春] and Bin Tian [田斌], "Basic Evaluation of China's National Security and the Threats" [当前中国国家安全的基本评估与威胁因素], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], Vol. 11, 2014.

[15] "Гражданская война в Эфиопии" [埃塞俄比亚 "内战外打"], Синьхуа, 23 декабря 2021 года.

В целом, природа организованного насилия, похоже, отступает от почти исключительной ориентации современного периода на межгосударственные войны. Повторяя фрагментарное и опасное состояние доиндустриальных обществ, организованное насилие принимает форму внутригосударственного конфликта с участием нерегулярных сил, насилия против гражданского населения и затяжного конфликта.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Изменение характера вооруженных угроз имеет важные последствия для американо-китайского соперничества. В мирное время возрастающая вероятность внутригосударственных конфликтов может либо открыть возможности для сотрудничества, либо усугубить чувство соперничества, в зависимости от ситуации.[16] Риски войны, миграции и преступности, возникающие в несостоятельных и разрушающихся государствах, могут побудить обе страны к сотрудничеству в целях обеспечения стабильности в ключевых регионах. Распад некоторых государств также может стать поводом для конфронтации, если два соперника предложат противоположные решения, способствующие достижению других политических целей. Намек на такую возможность можно увидеть в Иране и Эфиопии, где правительства США и Китая в последние несколько лет поддерживали разных участников и разные решения.[17] Спрос на помощь для преодоления внутригосударственного конфликта также может отвлечь ресурсы от подготовки к обычным боевым действиям. В Пакистане, например, постоянные внутренние беспорядки побудили Китай финансировать силы безопасности численностью 12 000 человек для защиты китайских рабочих и инвестиций.[18]

Эти тенденции также позволяют предположить, что любая потенциальная война между США и Китаем будет мало похожа на титанические столкновения индустриальной эпохи. Она может состоять из наложения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, возможно, разворачивающихся в некоторых хрупких странах, расположенных вдоль БРИ.[19] Возможно, что обе страны

[16] Thomas J. Christensen, "Fostering Stability or Creating a Monster? Подъем Китая и политика США в отношении Восточной Азии", *Международная безопасность*, том 31, № 1, 2006.

[17] Самуэль Гебре, "Китай выступает против угрозы США наложить санкции на Эфиопию", Блумберг, 23 сентября 2021 года.

[18] Захид Гишкори, "Экономический коридор: 12 000 человек охраняют китайских рабочих", *Express Tribune*, 30 марта 2015 г.

[19] Heng Jiang [蒋姮], "Assessment and Management of Geopolitical Risks Associated with 'One Belt One Road'" ["一带一路" 地缘政治风险的评估与管理], *Intertrade* [国际贸易], Vol. 8, 2015; Joel Wuthnow, *Chinese Perspectives on the Belt and Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications*, National Defense University Press, 2017.

могут обнаружить, что их усилия по противостоянию друг другу часто отвлекаются необходимостью заботиться о нуждах государств-партнеров, находящихся под давлением внутренних беспорядков и других угроз.[20] Более того, обе страны могут стать более уязвимыми для информационных операций и других действий, направленных на разжигание беспорядков и навязывание экономических трудностей населению своих стран.

Негосударственные угрозы: Распространение опасностей

Помимо угроз со стороны военных противников, общество может столкнуться с различными негосударственными угрозами. Негосударственные субъекты, применяющие насилие, могут разжигать беспорядки, охотиться на граждан и/или осуществлять незаконную деятельность. Примерами могут служить бандиты, преступные организации, террористы и повстанцы. Обществу также могут угрожать инфекционные заболевания, промышленные аварии, экологические катастрофы, такие как разливы нефти и утечки радиации, и стихийные бедствия, такие как землетрясения, наводнения и ураганы. Ученые отмечают тесную взаимосвязь между стихийными бедствиями и вооруженными конфликтами из-за динамичного системного процесса, в котором истощение ресурсов и насильственные споры усиливают друг друга[21].

В доиндустриальный период негосударственные угрозы были обычными и смертоносными. Голод и мор поражали средневековых европейцев настолько постоянно, что считались чертами повседневной жизни.[22] Европа также страдала от хищничества вооруженных банд разбойников, пиратов, разбойников и восставших крестьян. Наемники, оставшись без работы, часто грабили сельскую местность, иногда на территории своих бывших работодателей.[23] Доиндустриальный Китай также сильно страдал от голода и стихийных бедствий, включая засуху, град, мороз, наводнения, оползни и землетрясения. Согласно

[20] Вэнь Чжа, "Соперничество великих держав и агентство второстепенных

государств: исследование на основе отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии", *Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе*, том 22, № 1, 2022.

[21] Институт экономики и мира, *Реестр экологических угроз 2021: Понимание эко логических угроз, устойчивость и мир*, 2021, стр. 4.

[22] Гвидо Альфани и Кормак у Града, ред., *Голод в европейской истории*, Cambridge University Press, 2017.

[23] Alejandro Colas, *Mercenaries, Bandits, Pirates, and Empires: Private Violence in Historical Perspective*, Oxford University Press, 2010.

Согласно одному исследованию, 783 стихийных бедствия во времена династий Мин и Цин привели к гибели более 57 626 000 человек.[24] Стихийные бедствия и голод усугубляли социальную нестабильность, подстегивая восстания и мятежи. Имперский Китай рассматривал последствия войн и стихийных бедствий как прямую угрозу легитимности правителя. Свидетельство того, что правительство не смогло эффективно отреагировать на стихийное бедствие, означало потерю "мандата Неба", что могло поставить под угрозу правление императора.[25]

В современную индустриальную эпоху стихийные бедствия продолжали влиять на человечество, как и на заре времен, хотя действия человека, такие как войны, промышленные аварии и ошибочная экономическая политика, иногда приводили к разрушениям, сравнимым со стихийными бедствиями.[26] Что касается инфекционных заболеваний, мир пережил разрушительную пандемию испанского гриппа (1918-1920 гг.), от которой, по оценкам, погибло 25-50 миллионов человек по всему миру. Однако ключевые достижения в области вакцин и медицины в 20 веке резко сократили количество пандемий и смертей.[27] Насилие со стороны негосударственных субъектов на промышленно развитом Западе в этот период оставалось относительно низким. Отчасти это объясняется консолидированным характером национальных государств, которые в целом были более безопасными, чем их доиндустриальные аналоги.[28] Внутригосударственные вооруженные конфликты оставались в целом на низком уровне,

[24] Сяохуа Чжао, "Стихийные бедствия и развитие китайской истории", *Журнал культурного взаимодействия в Восточной Азии*, том 7, № 1, 2021, с. 30.

[25] Шивэнь Ян [杨世文], "Теории стихийных бедствий во времена династии Хань и конфуцианская теория императора и пути" [汉代灾异学说与儒家君道论], *Социальные науки в Китае* [中国社会科学], том 3, 1991.

[26] Институт экономики и мира, *Реестр экологических угроз 2020: Понимание эко логических угроз, устойчивость и мир*, 2020, стр. 49.

[27] Rachel Baker, Ayesha S. Mahmud, Ian F. Miller, Malavika Rajeev, Fidisoa Rasambai-

narivo, Benjamin L. Rice, Saki Takahashi, Andrew J. Tatem, Caroline E. Wagner, Lin-Fa Wang, et al., "Infectious Disease in an Era of Global Change," *Nature Reviews Microbiology*, Vol. 20, 2020.

[28] Джон Т. Пикарелли, "Реагирование на транснациональную организованную преступность - поддержка исследований, совершенствование практики", *журнал Национального института юстиции*, 30 сентября 2011 года.

причем большая часть вооруженного насилия происходила между государствами.[29] В отличие от этого, в Первой и Второй мировых войнах погибло, возможно, до 70 миллионов человек и более.[30]

Аналогичные тенденции наблюдались и в Китае. Укрепление КПК контроля над Китаем после 1949 года привело к снижению уровня насилия в обществе, который был характерен для страны в бурный период гражданских войн, военачальников и японского вторжения с 1900-х по 1940-е годы.[31] Голод и смертность от инфекционных заболеваний также снизились в современном Китае, поскольку правительство приняло современные меры в области медицины и санитарии. Однако ошибочная экономическая политика КПК и насилие, направленное государством, убили гораздо больше людей, чем опасность, исходящая из негосударственных источников. Например, искусственный голод, вызванный "Великим скачком вперед" Мао Цзэдуна, унес жизни примерно 30 миллионов человек.[32] С 2000 года негосударственные угрозы стали более опасными, чем межгосударственные.

или межгосударственной войны, отчасти из-за снижения частоты межгосударственных войн и отчасти из-за снижения потенциала государства, о котором мы говорили ранее. Стихийные бедствия продолжают наносить ущерб и вызывать жертвы, но число погибших остается относительно низким.[33] Однако надвигающиеся опасности, связанные с изменением климата, могут усугубить различные стихийные бедствия и потенциально привести к значительному увеличению ущерба и гибели людей.[34] Современной медицине в значительной степени удалось сдержать смертность от инфекционных заболеваний, хотя новые демографические тенденции и современный транспорт увеличивают риск заболеваний. В последнее время в мире произошло несколько

---

[29] Карен Дюпюи и Сири Аас Рустад, "Тенденции в вооруженных конфликтах, 1946-2017", Институт исследования проблем мира в Осло, 2018.

[30] John Keegan, *The First World War*, Random House, 2019; Anthony Beever, *The Second World War*, Little, Brown and Co, 2012.

[31] Fengli Deng [邓礼峰], "The Suppression of Bandits at the Beginning P.R.C. (Part 1)" [建国之初的大剿匪 (上)], *Outlook* [瞭望], No. 29, 1999a; Fengli Deng [邓礼峰], "The Suppression of Bandits at the Beginning of P.R.C. (Part 2)" [建国之初的大剿匪 (下)], *Outlook* [瞭望], No. 30, 1999b.

[32] David Hipgrave, "Communicable Disease Control in China from Mao to Now," *Journal of Global Health*, Vol. 1, No. 2, 2011; Valerie Straus and Daniel Southeri, "How Many Died? Новые данные свидетельствуют о гораздо более высоких цифрах жертв эпохи Мао Цзэдуна", *Washington Post*, 17 июля 1994 года.

[33] Институт экономики и мира, 2020, с. 49.

[34] Агентство по охране окружающей среды, "Будущее изменения климата", веб-страница, без даты.

Международные вспышки, такие как Зика, тяжелый острый респираторный синдром и свиной грипп, но COVID-19 представляет собой самую смертоносную пандемию за последние 100 лет, от которой в 2019-2022 годах погибнут 6 миллионов человек.[35] Ученые считают, что такие вспышки будут происходить все чаще по мере роста населения планеты и удобства передвижения.[36] С 2000 года количество авиаперелетов удвоилось, а с 2007 года больше людей живет в городах, чем в сельской местности.[37]

Угрозы со стороны негосударственных субъектов возросли по сравнению с эпохой индустриального государства. С 1970-х годов организованная преступность становится все более транснациональной. В 1995 году правительство США впервые признало транснациональную преступность угрозой национальной безопасности. В 2000-х годах эта угроза продолжала развиваться по мере того, как эти преступные группы захватывали законные предприятия и проникали на финансовые, товарные и другие рынки.[38] Усиление природных катастроф, отчасти вызванное последствиями изменения климата, обострило проблемы внутригосударственных конфликтов. Страны с самой низкой экологической устойчивостью и самым высоким уровнем стресса, сосредоточенные в Африке и на Ближнем Востоке, также переживают одни из самых высоких уровней вооруженных конфликтов.[39]

Негосударственные угрозы привлекают внимание китайских военных. По крайней мере, с 2006 года в оборонных документах Китая "невоенные миссии" по борьбе с негосударственными угрозами являются одной из основных обязанностей НОАК.[40] В *"Наброске о невоенных военных операциях армии" (Trial)*, обнародованном в 2022 году, подчеркивается растущее значение, с которым НОАК относится к негосударственным угрозам.[41] Последнее издание "*Науки военной стратегии"*, которая служит основным документом в китайской военной стра-.

---

[35] Мари Розенталь, "Фаучи: COVID-19 - худшая пандемия за последние 100 лет", *специальный выпуск "Infectious Dis- ease"*, 21 октября 2020 г.

[36] Всемирная метеорологическая организация, "Число стихийных бедствий, связанных с погодой, увеличилось за последние 50 лет, причиняя больше ущерба, но уменьшая количество смертей", 31 августа 2021 года.

[37] Бейкер и др., 2020.

[38] Пикаррели, 2011.

[39] Институт экономики и мира, 2020, стр. 4.

[40] Информационное бюро Госсовета, "Национальная оборона Китая", 29 декабря 2006 года.

[41] "Председатель Центрального военного комитета Си Цзиньпин подписывает приказ, объявляющий план невоенных военных операций армии (пробный)" [中央军委主席习近平签署命令，发布《军队非战争军事行动纲要（试行）》], *People's Daily* [人民日报], 14 июня 2022 года.

В нем также подчеркивается важность негосударственных угроз.[42] В тексте антитеррористическая деятельность названа приоритетной для невоенных военных операций НОАК.[43] Военные аналитики также рассматривают опасности, которые представляют пандемии. Ученые из Университета национальной обороны Китая описали пандемию COVID-19 как испытание способности НОАК реагировать и справляться с подобными опасностями.[44] Другое исследование, проведенное Реабилитационным центром НОАК, призвало к созданию правил и процедур на институциональном уровне для более эффективного реагирования на будущие пандемии.[45]

Эти опасности особенно опасны для неосредневековых государств из-за их ослабленной легитимности и потенциала. Более того, сама слабость этих государств ограничивает их способность эффективно реагировать на те же опасности. Политический тупик, гражданские конфликты и атрофированные институты препятствуют усилиям государственных чиновников по обеспечению внутренней безопасности и контролю над негосударственными угрозами. Неравномерный успех государств в противодействии многочисленным угрозам, в свою очередь, только усугубляет ослабление государственной легитимности.

В целом, растущая значимость негосударственных угроз является отличительной чертой постиндустриальной эпохи. Однако тот факт, что во многих отношениях эти угрозы превосходят угрозы межгосударственных войн, заставляет вспомнить модели, которые чаще всего наблюдались в доиндустриальных обществах. Как и в прошлом, безопасность и стабильность в XXI веке имеют меньше отношения к военным конфликтам между государствами и вопросам большой стратегии и больше - к вопросам общественной безопасности, неравенства, злонамеренных негосударственных субъектов и разрушительных последствий стихийных бедствий[46].

[42] Сяо Тяньлян [肖天亮], *Наука военной стратегии* [战略学], Университет национальной обороны НОАК [中国人民解放军国防大学], 2020.

[43] Сяо Тяньлян, 2020.

[44] Лю Чжибин [刘志兵] и Цзинцзин Чжан [张菁菁], "Откровения народной армии в выполнении обязанностей, связанных с пандемией КОВИД" [人民军队执行新冠肺炎疫情防控任务的启示], *партийный лекторий* [党课参考], том 10, 2020.

[45] Peng Xiaoxin [彭晓欣], Jun Wang [王俊], et al, "Practice Review and Reflec- tion of Prevention and Control of COVID-19 in Military Rehabilitation Institutions" [军队疗养机构防控COVID-19的实践回顾与思考], *Military Medical Journal of South China* [华南国防医学杂志], Vol. 8, 2021.

[46] Уильямс, 2008.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Усиление угрозы со стороны негосударственных угроз вызывает ряд последствий для американо-китайского соперничества и сценариев потенциальных конфликтов. В мирное время эти угрозы могут ослабить динамику соперничества. Амбициям Китая в рамках БРИ уже угрожает целый ряд в основном негосударственных угроз. Повстанцы и преступные группировки похищали и убивали китайских рабочих в Ираке, Пакистане и других странах. Усиление нападений может привести к напряжению ограниченной способности НОАК проецировать силу за рубежом.[47] Действительно, до сих пор китайские компании и граждане за рубежом полагались в основном на силы безопасности, предоставляемые принимающей страной и частными охранными структурами, в отсутствие поддержки НОАК.[48] Если Китай оценит, что вероятность войны с США остается низкой, он может выделить больше военных ресурсов для борьбы с негосударственными угрозами. Китай может создать в составе НОАК подразделения для борьбы с будущими пандемиями и расширить роль армии в антитеррористических операциях. Более того, поскольку многие невоенные обязанности децентрализованы и ориентированы на гражданское население, они, скорее всего, будут напрягать военную культуру и централизованную структуру командования НОАК. Китайским вооруженным силам потребуется улучшить координацию с местными органами власти и национальными гражданскими министерствами, включая полицию, министерство иностранных дел и службы по управлению чрезвычайными ситуациями.[49] И США, и Китай могут столкнуться с тем, что их вооруженные силы будут востребованы странами, борющимися с негосударственными угрозами. В некоторых случаях это может открыть пути для сотрудничества, но в других - обострить конкуренцию за влияние, как это произошло, когда США и Китай соревновались в оказании помощи после стихийного бедствия на Филиппинах в 2013 году.[50]

---

[47] Хелена Легарда и Мейя Ноувенс, "Стражи Пояса и пути: Интернационализация китайских частных охранных компаний", Институт Меркатора по изучению Китая. Берлин, 16 августа 2018 года.

[48] Цзы Ян, "Обеспечение безопасности китайской инициативы "Пояс и путь"",

Институт мира США, 26 ноября 2018 года.

[49] Майкл С. Чейз, Джеффри Энгстром, Тай Минг Чунг, Кристен А. Ганнесс, Скотт Уоррен Гарольд, Сьюзан Пуска и Сэмюэл К. Берковиц, *Незавершенная военная трансформация Китая: Оценка слабых сторон Народно-освободительной армии (НОАК)*, RAND Corporation, RR-893-USCC, 2015.

[50] "Тайфун Хайян: Китай отправляет группу помощи на Филиппины", Би-би-си, 20 ноября 2013 г.

Если напряженность между США и Китаем перерастет в конфликт, обе стороны будут испытывать стресс из-за необходимости реагировать на негосударственные угрозы. Пандемии, миграция, стихийные бедствия, агрессивные негосударственные субъекты и региональные потрясения, похоже, останутся постоянными элементами ландшафта безопасности в обозримом будущем.[51] Лицам, принимающим решения в США, возможно, придется выделить достаточные силы для борьбы с этими конкурирующими угрозами, даже если они сосредоточатся на военном вызове, который бросает Китай. Перераспределение ресурсов на борьбу с такими угрозами может ограничить возможности инвестирования в силы, предназначенные для борьбы с обычными силами противника, что, в свою очередь, может побудить обе стороны прибегнуть к преимущественно непрямым методам ведения конфликта, которые используют потенциал некоторых негосударственных угроз для нанесения ущерба противнику.

В случае войны между США и Китаем у обеих сторон могут появиться стимулы для использования трудностей, с которыми сталкивается противник в борьбе с негосударственными угрозами. По крайней мере, у обеих сторон может появиться стимул воздерживаться от помощи сопернику. Например, распространенность государственной хрупкости в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии повышает перспективу наложения межгосударственного и внутригосударственного насилия, прототипом которого вполне может послужить нынешняя война в Сирии. Если они расширятся на фоне разворачивающихся военных действий между США и Китаем, у обеих сторон может возникнуть стимул для вмешательства с целью оказания помощи дружественным вооруженным группам и борьбы с противниками, поддерживаемыми соперничающей стороной.[52] Такая ситуация будет напоминать американо-китайскую непрямую конфронтацию в развивающихся странах в период холодной войны, но в гораздо больших масштабах.[53]

В некоторых ситуациях американские и китайские вооруженные силы могут постоянно бороться с одними и теми же насильственными негосударственными угрозами, даже оставаясь в оппозиции друг к другу. Это, в свою очередь, может усугубить динамику конкуренции в сфере региональной безопасности.[54] Например, Китай и США

[51] Mely Caballero-Anthony, *Negotiating Governance on Non-Traditional Security in Southeast Asia and Beyond*, Columbia University Press, 2018.

[52] Джерайнт Алун Хьюз, "Сирия и опасности прокси-войны", *Малые войны и страховые компании*, том 25, № 3, 2014.

[53] Шу Чжан, "Китайско-советский альянс и холодная война в Азии, 1954-1962", Мелвин П. Леффлер и Одд Арне Вестад, редакторы, *Холодная война*, Кембридж Юниверсити Пресс, 2010.

[54] Эрик Лин-Гринберг, "Нетрадиционные дилеммы безопасности: Могут ли военные операции, отличные от войны, усилить конкуренцию в области безопасности в Азии?". *Asian Security*, Vol. 14, No. 3, 2018.

Оба предложили помощь в случае стихийных бедствий после тайфунов, обрушившихся на Филиппины в последние годы.[55] Однако предложения соперников широко рассматривались как политические жесты для укрепления влияния на стратегически расположенную страну.[56] Наконец, военные возможности, необходимые для реагирования на кибервзломы и социальные беспорядки, могут оказаться особенно ценными в американо-китайском конфликте, особенно потому, что многие негосударственные угрозы, вероятно, появятся в обеих странах.

Политическая безопасность: Делегитимизация государства и гражданские конфликты

Политическая безопасность государства относится к его относительной внутренней силе и способности противостоять вызовам праву правительства на власть. Сильное и безопасное государство пользуется сильной легитимностью и стабильностью. Сильное и безопасное государство с большей вероятностью столкнется с меньшим количеством вызовов своей легитимности и преодолеет те, которые все же возникнут. Слабое и небезопасное государство, скорее всего, столкнется с гораздо большим количеством вызовов своему праву на правление и может пасть перед некоторыми из них. Слабые и ненадежные государства особенно уязвимы для насильственных попыток свержения правительства путем восстаний, мятежей, бунтов и революций.

Доиндустриальные государства, как правило, испытывали более высокий уровень политической безопасности. В средневековой Европе правители часто сталкивались с оспариванием своего суверенитета и легитимности со стороны различных субъектов. Дворяне, католическая церковь, религиозные меньшинства и другие субъекты оспаривали власть короля или верховного правителя. Вестфальский договор 1648 года стал важнейшим шагом в установлении принципа суверенитета, но государства продолжали бороться с проблемами суверенитета и легитимности в течение многих веков после этого.[57]

[55] "Китай предлагает больше помощи пострадавшим от тайфуна на Филиппинах", Синьхуа, 22 декабря 2021 года.

[56] Сидней Дж. Фридберг, "Филиппинский тайфун демонстрирует стратегическое превосходство США над Китаем", Breaking Defense, 11 ноября 2013 г.

[57] Tilly, 1990.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

В Китае политическая безопасность империи менялась с течением времени. В периоды процветания и мира правление императора оставалось надежным в ядре государства, но сталкивалось с вызовами его универсальным претензиям со стороны неханьских племен и небольших царств на периферии.[58] Однако в периоды династического упадка правление императора становилось более шатким. Восстания и мятежи возникали все чаще, и иногда удавалось свергнуть императора.[59] Во все периоды важность установления легитимности государства ложилась тяжелым бременем на имперскую бюрократию. Поскольку легитимность отчасти зависела от понятия мандата небес, масштабные бедствия любого типа представляли постоянную угрозу его правлению. Более того, частота голода, коррупции и других бедствий, а также в целом ограниченные возможности доиндустриальной бюрократии, делали восстания и вызовы государственной власти вечной опасностью.[60] Соответственно, императорский двор тратил значительные усилия на цензуру публикаций и продвижение конфуцианских учений, которые подтверждали народную веру в божественное утверждение.[61]

Индустриальное национальное государство обладало высокой степенью политической безопасности отчасти благодаря своей централизации, консолидации власти, предоставлению экономических возможностей и различных общественных благ. Политически защищенные правительства могли сосредоточиться на внешних угрозах и, соответственно, создать сильные вооруженные силы для противостояния этим угрозам. Граждане и группы могли бросать вызов национальным правительствам, устраивая мятежи и восстания, но революции на промышленно развитом Западе редко заканчивались успехом. Среди консолидированных либеральных демократий большинство смен власти происходило мирным путем. Фашистские и коммунистические государства достигали власти с помощью значительного насилия, но, придя к власти, оказывались относительно устойчивыми к внутренним вызовам. Однако поддержание столь высокого уровня политической безопасности требовало огромных ресурсов, что оказалось слабым местом авторитарных государств. Фашистская Германия обратилась

[58] Дачжэн Ма [马大正], "Имперская пограничная политика и управление древнего Китая [中国古代的边疆政策与边疆治理], *Исследования западных регионов* [西与研究], Том 4, 2002.

[59] Фредерик Уэйкман, "Восстание и революция: Изучение народных движений в истории Китая", *Журнал азиатских исследований*, том 36, № 2, 1977.

[60] Шивэнь Ян, 1991 год.

[61] Синьлян Бай [白新良], "Комментарий к литературной тюрьме династии Цяньлун" [乾隆朝文字狱述评], *Журнал Дворцового музея* [故宫博物院院刊], № 3, 1991.

Советский Союз оставался прочным до тех пор, пока его экономика приносила доход, достаточный для выполнения некоторых обязательств государства по обеспечению благосостояния населения, но распался, когда экономика потерпела крах.[63]

В первые годы после своего создания обедневшая КНР пережила значительные внутренние потрясения, такие как Культурная революция. Стабильность возросла после того, как рыночные реформы способствовали экономическому росту, начиная с конца 1970-х годов. Однако китайское государство не достигло уровня консолидированного правления и политической безопасности, которыми пользуются богатые западные индустриальные государства. В 1970-х и 1980-х годах правление КПК столкнулось с серьезными проблемами, включая междоусобицы в элите и крупномасштабные протесты, такие как те, что закончились бойней на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.[64]

В неосредневековую эпоху легитимность государства сталкивается с растущим числом угроз. Поскольку государства не смогли обеспечить удовлетворительный уровень управления, конкурирующие группы становятся все более привлекательными. Более того, появление альтернативно управляемых пространств и пористых границ позволило внешним игрокам использовать ослабление внутренней среды безопасности, усиливая политический экстремизм и насилие.[65] Рост интернета и социальных сетей также способствовал распространению социальных волнений и росту транснациональных и субнациональных групп. Это стало очевидным во время восстаний "арабской весны" в Ливии, Тунисе и Египте в 2010 году, когда низовые движения использовали эти технологии для координации действий и, в конечном итоге, свержения режимов.[66] В странах либеральной демократии экстремистские движения росли по мере ослабления поддержки центристских политических партий. В последние годы экстремистские и террористические группы привлекали правоохранительные и военные органы США.

---

[62] Adam Tooze, *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*, Penguin Books, 2008.

[63] Крис Миллер, *Борьба за спасение советской экономики*, University of North Caroline Press, 2016.

[64] Спенс, 1996.

[65] "Гражданские волнения во всем мире удвоились за последнее десятилетие", веб-страница, Видение человечества, 2020.

[66] Кристос Франгониколопулос, "Объяснение роли и влияния социальных медиа в "арабской весне", "*Academia's Global Media Journey*, Vol. 8, No. 1, 2012.

тарного персонала.[67] Преступность в целом снизилась с максимума 1990-х годов; по данным ФБР, с 1993 по 2019 год количество насильственных преступлений снизилось на 47%. Однако мнение о том, что преступность ухудшается, сохраняется.[68] В США расходы на охрану правопорядка в штатах и на местах выросли на 26 процентов на душу населения с 2000 по 2017 год.[69]

В Китае также усилились внутренние вызовы правлению КПК. Китайские ученые, в частности, сосредоточились на различных проблемах легитимности правительства, включая диверсификацию ценностей и взглядов, недостаточное количество общественных услуг, отсутствие экономической справедливости и социального равенства, а также коррупцию.[70] В качестве примера из литературы ученый Цин Хэ из Центральной партийной школы сетует на неспособность правительства проводить политику, которая действительно удовлетворяла бы общественные потребности.[71] Чунь Лу, также из Центральной партийной школы, отметил сложность "зарядить общество энергией" и в то же время "избежать социального хаоса".[72] Ученый из Центральной партийной школы Сяом-ин Цзя также предупредил, что недостаточное участие общественности в управлении представляет опасность для легитимности государства.[73] Среди обозначенных проблем,

---

[67] Сет Г. Джонс, Катрина Докси, Грейс Хванг и Джаред Томпсон, "Военные, полиция и рост терроризма в США", Центр стратегических и международных исследований, 12 апреля 2021 года.

[68] Джон Грамлих, "Что данные говорят (и не говорят) о преступности в США", Pew Research, 20 ноября 2020 года.

[69] Эмили Бюлер и Кевин Скотт, "Расходы штатов и местных органов власти на защиту полиции в США, 2000-2017", статистическая справка, Министерство юстиции США, июль 2020 года.

[70] Сан Сюэчэн [桑学成], "Вызовы, стоящие перед правительством КПК, и его реконструкция в период социальных изменений" [社会转型期中国共产党执政合法性面临的挑战及其重构], *Цзянсуские социальные науки* [江苏社会科学], 2008; Чжэн Шучунь [郑曙村], "Трансформация легитимности правительства КПК и выбор пути" [中国共产党执政合法性的转型及其路径选择], *История литературы и философия* [文史哲)], 2005.

[71] He Qing [何芹], "Governance Performance and Legitimacy of the Ruling Party" [政绩与执政党的合法性], *Frontier* [前沿], Vol. 8, 2004.

[72] Лу Чунь [陆春], "Исследование легитимности долгосрочного правления КПК" [中国共产党长期执政的合法性研究], Партийная школа ЦК КПК [中共中央党校], 2013.

[73] Сяомин Цзя [贾小明], *Исследование легитимности правления КПК* [共产党执政合法性研究], Партийная школа ЦК КПК [中共中央党校], 2003.

По мнению некоторых экспертов, организованная преступность и коррупция стали особенно заметны. Профессор Боксин Ву из Народного университета общественной безопасности Китая (высшее учебное заведение профессионального образования для полиции Китая) в интервью 2014 года заявил, что преступные организации насчитывают "миллион человек". Он заявил, что эти организации стали более изощренными, "более структурированными в организации" и "более продвинутыми в преступлениях, связанных с коррупцией и политическими сговорами".[74] Доцент Айцзюнь Тан из Партийной школы при ЦК КПК утверждает, что социальное разделение и социальные конфликты стали серьезной проблемой для легитимности и что "идеологическое строительство" жизненно важно для "обеспечения социального консенсуса для посредничества в конфликтах "[75].

В то же время государственные чиновники и ученые начали подчеркивать роль иностранного влияния в решении проблем легитимности государства.[76] Некоторые ученые, связанные с центральным правительством, выступают за более активные меры по "защите от проникновения западных идеологий и ценностей".[77] Доцент Чжан Чжидань из Партийной школы при ЦК КПК утверждает, что социальное разделение и социальные конфликты стали основными проблемами легитимности, и что построение идеологии жизненно важно для "обеспечения социального консенсуса для смягчения конфликтов". Он также предупредил об опасности проникновения западных идеологий и ценностей, которые могут усугубить социальное разделение.[78]

Ослабление легитимности государства совпало с ростом внутренних вызовов правлению правительства. По мере роста беспорядков и политического

---

[74] "Профессор Университета общественной безопасности: На материке (Китай) насчитывается не менее миллиона членов организаций, связанных с бандами" [公安大学教授：内地涉黑组织成员不下百万人], Sohu News, 5 апреля 2014 г.

[75] Tang Aijun [唐爱军], "On the Self-Adaptability of CCP Ideology" [论中国共产党意识形态的自我调适], *Marxism & Reality* [马克思主义与现实], Vol. 3, 2017.

[76] Чжан Нин [张宁], "О правящей легитимности Коммунистической партии Китая с точки зрения сравнительного исследования китайской и западной партийной

политики" [中西政党政治比较视阈下的中国共产党执政合法性研究], *Journal of Socialist Theory Guide* [理论导刊], Vol. 6, 2021.

[77] Тан Айджун, 2017.

[78] Чжан Чжидань [张志丹], "Об инновациях идеологии мейнстрима" [我国主流意识形态创新研究], *Современный мир и социализм* [当代世界与社会主义], 2020.

По мере усиления насилия государства вынуждены выделять больше ресурсов на правоохранительную деятельность для обеспечения общественного порядка. Однако усиление полицейской деятельности также породило проблемы, включая обвинения в злоупотреблениях в США, коррупции и жестоких репрессиях в Китае. Рост беспорядков в семье и политического насилия напоминает менее стабильную ситуацию во многих доиндустриальных обществах.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Внутренние вызовы легитимности национального государства, вероятно, обострят конкуренцию между Китаем и США и могут нести дополнительные риски в случае войны. Меры, принятые для укрепления легитимности государства и противодействия разъедающему влиянию конкурирующих государств, усугубили восприятие угрозы. Например, усилия Китая по укреплению своей идеологической защиты и нарратива вызвали критику Запада за репрессии и антизападную направленность.[79] Аналогичным образом, Китай осудил усилия правительства США по ограничению потенциально подрывного влияния китайских институтов и враждебных действий СМИ.[80] Ослабление легитимности государства сделало вопрос иностранного влияния более актуальным, повысив общественное недовольство по поводу замедления экономического роста, финансовых затрат на содержание стареющего населения, сужающихся возможностей для восходящей мобильности и других вопросов внутреннего управления.[81] Изменение характера международных отношений, которое расширило возможности для государств влиять на субнациональных акторов и группы в других странах, о чем говорилось в главе 4, только усугубило проблему.

Эти же тенденции могут, как ни парадоксально, сдерживать динамику конкуренции. Чтобы укрепить легитимность, у обоих государств может не остаться иного выбора, кроме как увеличить расходы на решение внутренних проблем, включая правоохранительную деятельность и

[79] Вики Сючжун Сюй, "Китайская молодежь попала в ловушку культа национализма", *For- eign Policy*, 1 октября 2019 года.

[80] "Китай осуждает присвоение США статуса Института Конфуция", Синьхуа, 14 августа 2020 года.

[81] Джудит Банистер, Дэвид Э. Блум и Ларри Розенберг, "Старение населения и эко- номический рост в Китае", Масахико Аоки и Цзиньлянь Ву, редакторы, *Экономика Китая*, Springer, 2012; Hongsheng Chen, Xingping Wang, Guo Chen, and Zhigang Li, "Upward Social Mobility in China: Имеют ли значение города и районы?". *Habitat* International, Vol. 82, 2018.

Расходы на социальное обеспечение.[82] Озабоченность ростом уровня преступности является одной из причин того, что с 2011 года бюджет на внутреннюю безопасность в Китае превысил оборонный бюджет.[83] В китайских военных документах, таких как *"Наука военной стратегии"*, также отмечается, что постоянной обязанностью НОАК остается "поддержание стабильности", что включает такие задачи, как "борьба с крупными массовыми инцидентами" и "подавление беспорядков "[84].

В случае конфликта уязвимость обоих государств перед внутренними вызовами государственной легитимности может побудить любую из сторон к проведению операций по разжиганию беспорядков в стране соперника. Гибридная война, включающая информационные операции, кибер-операции, пропаганду и политическую агитацию, может занять важное место в таких усилиях.[85] Угроза, которую соперник представляет для государственной легитимности, может, в свою очередь, обострить националистические настроения и повысить риск эскалации до опасного уровня из-за острого восприятия опасности и ощущения невозможности сосуществования с соперником, который угрожает существованию государства.[86]

Организация сил безопасности: Сотрудничество между военными и правоохранительными органами

Основной обязанностью государства является обеспечение безопасности своего населения. Угрозы могут возникать как изнутри, так и извне. Соответственно, силы безопасности государства должны быть готовы к противодействию внутренним и внешним силам безопасности. Такие силы могут быть организованы для противодействия одному виду угроз или их комбинации.

---

[82] Ючао Чжу, ""Легитимность исполнения" и стратегия политической адаптации Китая".
Журнал китайской политической науки, том 16, № 2, 2011.

[83] Бакли, 2011.

[84] Сяо Тяньлян, 2020.

[85] Christopher S. Chivvis, "Understanding Russian 'Hybrid Warfare': И что можно с этим сделать", показания, представленные в Комитете по вооруженным силам Палаты представителей 22 марта 2017 года, RAND Corporation, CT-468, 2017.

[86] John D. Ciorciari and Jessica Chen Weiss, "Nationalist Protests, Government Responses, and the Risk of Escalation in Interstate Disputes," *Security Studies*, Vol. 25, No. 3, 2016.

В доиндустриальных обществах не было различий между военными и полицейскими силами. Выделенных, централизованно организованных полицейских сил не существовало, по крайней мере, в современном виде. Для обеспечения соблюдения закона доиндустриальные общества полагались на военные силы, которые справлялись с внутренними и внешними опасностями. Правители иногда нанимали стражников для охраны храмов, парков, рынков и контроля над толпами. Эти силы не были централизованными и стандартизированными в смысле современных полицейских сил и обычно играли ограниченную роль в обеспечении общественного порядка.[87] Повсеместные внутренние беспорядки и ограниченность ресурсов заставляли правителей использовать военные силы для обеспечения внутреннего порядка, когда они не вели кампании против иностранных врагов.[88]

Отличительной чертой периода современного государства было четкое разграничение вооруженных сил, предназначенных для борьбы с международными и внешними угрозами. Современные полицейские силы, состоящие из унифицированных, централизованно организованных и государственных подразделений, призванных обеспечивать соблюдение закона, возникли в конце 1700-х годов.[89] В частности, стандартизация уголовного права и судов сыграла важную роль в появлении государственных полицейских сил.[90] Примерно в это же время возникли постоянные национальные вооруженные силы, предназначенные для борьбы с внешними угрозами. Вооруженные силы индустриального национального государства специализировались на борьбе с иностранными врагами, обычно с обычными вооруженными силами противников. Национальные армии состояли из граждан-солдат, которые носили форму, были вооружены и оснащены государством.[91] Хотя были эпизоды, когда национальные государства использовали вооруженные силы для подавления внутренних восстаний, как, например, британская операция в Ирландии, они были относительно редки.[92]

---

[87] Дуглас В. Аллен и Йорам Барзель, "Эволюция уголовного права и полиции в досовременную эпоху", *Журнал права, экономики и организации*, том 27, № 3, 2011.

[88] Тимоти Эдмундс, "Для чего нужны вооруженные силы? Меняющийся характер

военных ролей в Европе", *Международные отношения*, том 82, № 6, 2006.

[89] Ричард Дж. Террилл, *Мировые системы уголовного правосудия: A Comparative Survey*, Routledge Press, 2015.

[90] Аллен и Барзель, 2011.

[91] McNeil, 1982.

[92] Эндрю Сандерс, *Смутные времена: Война Британии в Северной Ирландии*, Издательство Эдинбургского университета, 2012.

В неосредневековую эпоху военные в развитых странах продолжают соблюдать законы, ограничивающие их участие в обеспечении внутренней безопасности. Однако военные многих развивающихся стран уже давно ведут войну против негосударственных субъектов, включая наркокартели, повстанцев и сепаратистские движения.[93] В США полицейские силы расширили свое присутствие за рубежом и часто сотрудничают с военными. Внутренние правоохранительные организации, такие как Управление по борьбе с наркотиками и ФБР, занимаются деятельностью за рубежом и внутри страны. Например, чтобы остановить торговлю наркотиками и другими видами незаконного оборота, такие правоохранительные органы, как Управление по борьбе с наркотиками и Береговая охрана США, расширили сотрудничество с правоохранительными органами других стран.[94]
Американские правоохранительные органы также сотрудничают с американскими военными для противодействия преступной деятельности за рубежом.[95] Правоохранительные органы также отслеживают финансовые потоки по всему миру.[96]

Внешне ориентированные оборонные ведомства усилили наблюдение внутри страны в связи с ростом угроз. Этому наблюдению способствовало появление таких новых технологий, как интеллектуальные устройства в домах, большие данные, Интернет и смартфоны. Правительство США усилило внутреннее наблюдение в ответ на такие события, как теракты 11 сентября 2001 года и последующая война с терроризмом.[97] Американские военные иногда участвуют в мероприятиях по контролю границ, таких как операция "Патриот", но это происходит относительно редко. Современная система пожаротушения с воздуха, используемая военными, также все чаще применяется в последнее время.

---

[93] Джон Салливан, "Криминальное повстанчество в Америке", *Журнал малых войн*, 13 февраля 2010 года.

[94] Лорен Монсен, "Правоохранительные органы США работают с коллегами по всему миру", Государственный департамент США, Share America, 15 июля 2021 года.

[95] Эван Мансинг и Кристофер Дж. Лэмб, *Совместная межведомственная*

оперативная группа-Юг: Самый известный, но наименее понятный межведомственный успех, Издательство Национального университета обороны, 2011.

[96] Steven M. D'Antuono, "Combating Money Laundering and Other Forms of Illicit Finance: Regulator and Law Enforcement Perspectives on Reform," выступление перед Комитетом Сената по банковскому делу, жилищному строительству и городским делам, 29 ноября 2018 года.

[97] Patrick Toomey, "The NSA Continues to Violate Americans' Internet Privacy Rights," American Civil Liberties Union, August 22, 2018.

За два десятилетия было проведено не менее 18 крупных развертываний, начиная с 2000 года, по сравнению с пятью в период с 1980 по 1999 год.[98]

Как политические вооруженные силы, НОАК с самого начала рассматривала внутреннюю безопасность как одну из главных обязанностей. На протяжении всей своей истории НОАК периодически вмешивалась во внутреннюю политику для наведения порядка, как это было во время Культурной революции в 1960-х годах. Однако после бойни на площади Тяньаньмэнь в 1989 году власти попытались отстранить военных от функций обеспечения внутренней безопасности. Впоследствии Пекин приказал НОАК сосредоточиться на внешних угрозах и создал военизированную Народную вооруженную полицию (НВП) для усиления местных правоохранительных органов в целях обеспечения внутренней безопасности. Главной обязанностью РАР остается обеспечение власти КПК. НВП также регулярно оказывает помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий и гуманитарную помощь в Китае.[99] В то же время китайские правоохранительные органы играют более значительную роль за рубежом. Китайские силы береговой охраны тесно сотрудничают с НОАК и морскими ополченцами, защищая суверенитет Китая в спорных водах, иногда в противовес соперничающим военно-морским силам, патрулирующим те же районы.[100]

Однако в последние годы ситуация вновь изменилась. Китайские лидеры проводят политику, которая все больше стирает границы между правоохранительной и военной деятельностью. Придя к власти, Си Цзиньпин создал Комиссию национальной безопасности, которой поручено координировать всю деятельность по обеспечению безопасности внутри страны и за рубежом. Он также сформулировал "целостную концепцию безопасности", которая стирает границы между традиционными военными и правоохранительными органами и расширяет сферу политики безопасности на экономику, культуру, политику и другие области.[101] В 2017-2018 годах РАР получила контроль над китайской береговой охраной и теперь подчиняется военному командованию.[102] РАР также расширила свою деятельность за рубежом. В последние годы,

[98] Национальный межведомственный пожарный центр, "История военной поддержки", без даты.

[99] Ding Dou, "PLA's Disaster Relief Works: Обзор и реформа", *Политика Восточной Азии*, том 2, № 3, июль-сентябрь 2010.

[100] Ральф Дженнингс, "Береговая охрана Китая может стрелять по иностранным судам, усложняя безопасность в Южном море", VOA News, 19 февраля 2021 года.

[101] Си Цзиньпин, 2020 год.

[102] Генри Бойд, "Народная вооруженная полиция Китая: Реорганизованная и переориентированная", Международный институт стратегических исследований, 21 июня 2019 года.

ПАП разработала развертываемые контртеррористические подразделения, которые проходят обучение в странах-участницах за рубежом и размещают вооруженную охрану в других странах.[103] Как и многие другие особенности современных государств, четко разграниченные обязанности современной полиции и вооруженных сил отчасти отражают обширные ресурсы, созданные индустриальной экономикой, и внутреннее единство государств. Когда экономика замедляется, государства слабеют, а угрозы множатся. В странах, где неосредневековые тенденции продвинулись дальше всего, граница между внутренними и внешними силами безопасности размыта настолько, что напоминает доиндустриальные общества. Однако даже в самых богатых и консолидированных странах правительства сталкиваются с растущими стимулами к перераспределению скудных военных и правоохранительных ресурсов для борьбы с разнообразными множество опасностей.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Изменение характера сил безопасности отражает эволюцию угроз и вызовов безопасности, с которыми сталкиваются современные государства. Есть несколько ключевых последствий для конкуренции и потенциального конфликта между США и Китаем. В условиях конкуренции можно ожидать, что правоохранительные органы будут играть большую роль в противодействии соперничающему государству, поскольку риск эскалации при участии правоохранительных органов ниже, чем при участии военных сил.[104] Например, китайская тактика "серой зоны" с участием кораблей китайской береговой охраны оказалась сложной для США.[105] Военные силы и средства могут помочь отечественным правоохранительным органам вести наблюдение, чтобы отслеживать и противостоять усилиям соперничающего государства.

[103] Yang Haolin [杨昊霖] and Li Li [李莉], "Points Taken from Reviewing Armed Police Overseas Antiterrorist Operations" [对武警部队境外反恐行动的几点思考], *Legal*

System and Society [法制与社会], Vol. 32, 2016; Liu Lianlian [刘莲莲], "The Significance and Path of Enhancing the International Legitimacy of China's Overseas Interests Protection Mechanisms" [论国家海外利益保护机制的国际合法性意义与路径], *Pacific Journal* [太平洋学报], Vol. 6, 2018.

[104] Александр Лотт, "Применение силы низкой интенсивности (гибридная война) через призму правоприменения и вооруженного нападения", Александр Лотт, *Гибридные угрозы и морское право*, Brill Nijhoff, 2022.

[105] Stephen F. Burgess, "Rising Bipolarity in the South China Sea: Американское возвращение в Азию и экспансия Китая", *Современная политика безопасности*, том 37, № 1, 2016.

[106] Космические, информационные и кибер-операции не имеют границ и поэтому требуют тесной координации между правоохранительными и военными органами для защиты интересов США и отслеживания военной деятельности Китая в этих областях.

В условиях конфликта размытая грань между военными и полицией предполагает необходимость более тесной координации. Вооруженные силы США могут помочь государствам-партнерам поддерживать закон и порядок перед лицом угроз со стороны негосударственных субъектов, включая тех, кого потенциально поддерживает Китай.[107] Глобальные области, такие как киберпространство и информационная сфера, также повышают вероятность того, что правоохранительные и военные силы должны будут более тесно координировать свои действия для защиты родины от атак противника. Повсеместное распространение государственного развала и негосударственных угроз может повысить важность констабу-лярных обязанностей для вооруженных сил США, даже когда они участвуют в боевых операциях против сил, поддерживаемых Китаем.

Заключение

Растущая значимость негосударственных угроз и изменение характера организованного насилия имеют важные последствия для соперничества и потенциального конфликта между США и Китаем (Таблица 5.2). Во всем мире внутригосударственные конфликты, вероятно, будут более распространены, чем межгосударственные войны. Стихийные бедствия, пандемии и другие негосударственные угрозы также могут стать более значимыми. Соединенные Штаты и Китай могут найти возможности для сотрудничества в борьбе с некоторыми из этих угроз. Однако рост напряженности может подстегнуть обе стороны занять противоположные позиции по одним и тем же вопросам. Многие из этих опасностей наиболее остро ощущаются в развивающихся странах, расположенных вдоль маршрутов БРИ, что говорит о том, что обе страны могут найти возможности для противостояния или сотрудничества в этих областях. В ближайшие годы и США, и Китай могут столкнуться с растущим давлением, связанным с эффективным распределением военных и правоохранительных ресурсов для противодействия

разнообразным угрозам.

---

[106] David G. Bolgiano, "Military Support of Domestic Law Enforcement Operations: Работа в рамках Posse Comitatus", *Бюллетень правоприменительной практики ФБР*, том 70, № 12, декабрь 2001 г., стр. 16.

[107] Ричард Л. Миллетт, *В поисках стабильности: Развитие США констеблей в Латинской Америке и на Филиппинах*, Центр объединенных вооружений армии, 2010.

ТАБЛИЦА 5.2

Последствия неосредневековых аспектов безопасности для американо-китайского соперничества

Аспекты	Средневековая эпоха	Импликации для соперничества США и Китая	Импликации для конфликта США и Китая
Организованное насилие	• Преимущественно внутригосударственные - Внутренний конфликт в третьих лицах может обострять конкуренцию за влияние • Потребности в помощи для борьбы с внутренними угрозами в странах-партнерах могут привести к напряжению военных ресурсов покровителя	• Возрастает вероятность возникновения опосредованных конфликтов в нестабильных странах вдоль маршрутов БРИ • Необходимость решать проблемы безопасности, возникающие в странах, охваченных конфликтами, может ослабить соперничество между США и Китаем	
Негосударственные угрозы - Экстенсивные угрозы, включая пандемии, стихийные бедствия и насильственные негосударственные субъекты	• Вооруженные силы США и Китая могут столкнуться с необходимостью борьбы с пандемиями, стихийными бедствиями и угрозами, исходящими от негосударственных субъектов, когда они будут противостоять друг другу • Существует потенциальная конкуренция за военные ресурсы	• Возможно, придется перенаправить военные ресурсы на борьбу с актуальными негосударственными угрозами • Негосударственные угрозы могут быть использованы в военных целях	
Политическая безопасность - Тенденция к развитию небезопасно	• Возможно, потребуется перераспределить военные ресурсы в пользу более насущных потребностей для укрепления легитимности государства	• Политическая легитимность может стать ключевым вопросом в конфликте, повышая ставки и риски • Расширяются возможности для проведения операций, угрожающих политической безопасности противника	
Организация сил безопасности	• Военные и полиция: как внутренние, так и внешние обязанности	• Американским и китайским военным, возможно, придется планировать большее количество констеблей и привлекать полицейские силы к зарубежным операциям	• Потребуется координация в кибер- и информационных операциях

• Может потребов	аться более тесная координация между	военными и полицейскими силами противостоять военным усилиям	противника и справляться с разнообразными угрозами

В случае войны эти же тенденции могут увеличить вероятность возникновения опосредованных конфликтов, особенно в нестабильных странах, расположенных вдоль маршрутов БРИ. Борьба с негосударственными угрозами может оказаться дорогостоящей для стран, что повышает вероятность того, что противники могут вмешаться каким-либо образом, чтобы еще больше усугубить бремя, связанное со смягчением таких опасностей. Незащищенность неосредневековых государств может сделать информационные и кибер-операции более привлекательными среди других методов, направленных на политическую уязвимость соперника. А в условиях войны правоохранительные и военные силы, вероятно, будут еще более тесно сотрудничать для противодействия как внутренним, так и внешним угрозам.

ГЛАВА 6

Военное дело: Неформализация военных действий

В этой главе мы рассмотрим события, связанные с военным делом в эпоху неосредневековья. Мы выделим *неформализацию войны* как общую тенденцию, но более подробно рассмотрим четыре взаимосвязанных аспекта: (1) боевые действия, (2) управление войной, (3) комбатанты и (4) некомбатанты. Мы рассмотрим, как они менялись в доиндустриальной Европе, доиндустриальном Китае, индустриальном национальном государстве и неосредневековой эпохе. Мы будем утверждать, что неосредневековое поле боя напоминает аспекты доиндустриальной войны - преобладание внутригосударственных конфликтов, преобладание осадной войны и эклектичные вооруженные силы, состоящие из профессионалов, наемников и партнерских негосударственных вооруженных формирований (Таблица 6.1). Далее мы рассмотрим, что эти тенденции могут означать для соперничества между США и Китаем.

Боевые операции: Иррегулярные войны и осады

То, как воюют военные, зависит от многих факторов, включая состав войск, географию, технологии и даже ставки, из-за которых они воюют. Например, можно ожидать, что войны за национальное выживание будут вестись иначе, чем войны за отдаленные границы. А сражения между массивными обычными армиями будут разворачиваться иначе, чем те, в которых на одной или другой стороне участвуют нерегулярные силы. Боевые действия могут происходить в виде сражений, в которых массивные части войск сражаются на открытой местности; в виде осад; или в других формах.

Война в средневековой Европе, как правило, характеризовалась гораздо меньшими боевыми формами, часто включала нерегулярные операции и часто принимала форму

ТАБЛИЦА 6.1

Военное дело: Аспекты между эпохами

Аспект	Преиндустриальная Неосредневековье	Европа	Преиндустриальный	Китай	Индустриальное национальное государство	
Боевые действия	- Иррегулярная война • Преобладают осады	• Иррегулярная война • Преобладают осады		• В основном преобладают натравливаемые условные бои	• Иррегулярная война • Преобладают осады	
Военная администрация	- Ограниченная администрация • Опора на контракты	• Ограниченное управление • Опора на контракты		• Высокоцентрали зованное государственное управление	• Ограниченное управление • Опора на контракты	
Бойцы	- Королевские вооруженные силы, дополненные неофициальными коалициями наемников • Силы под благородным предводительст вом, нерегулярные войска	• Имперские вооруженные силы, пополняемые наемниками, неханьскими племенами, армиями клиентов, некоторыми призывниками		• Национальные вооруженные силы • Формальные союзы, часто институционализиров анные (например, НАТО, Варшавский договор)	• Профессиональные военные, дополненные наемниками, ополченцами, военизированными и другими вооруженными формированиями	
Некомбатанты обеспечивают	- Гражданские лица пассивно поддерживают или являются мишенью (религиозные войны, бандитизм) • Ограниченная воинская повинность	• Гражданское население оказывает пассивную поддержку или является объектом нападения (набеги, бандитизм) • Ограниченная воинская повинность		• Гражданское население не является основной целью • Главная роль - призыв в армию • Политическая и/или экономическая мобилизация	• Гражданское население оказывает пассивную поддержку • Целевые (этнические чистки, террор) • Ограниченная воинская повинность	

осады. Армии насчитывали тысячи или десятки тысяч человек. В битве при Азенкуре, считающейся одним из крупнейших средневековых сражений, участвовало около 20 000 бойцов. Ограничения, связанные с медленными транспортными технологиями, также сыграли свою роль. Для передвижения, пополнения запасов и связи армии полагались на лошадей и парусные суда. Солдаты сражались и убивали друг друга с помощью ручного оружия ближнего и дальнего боя, такого как мечи, луки и, позднее, огнестрельное оружие. Эти технологии ограничивали количество повреждений и жертв, которые можно было нанести. Нерегулярные военные действия были обычным явлением. Поскольку постоянных средневековых армий практически не существовало, все боевые силы состояли из временно набранных бойцов. Правителям часто не хватало средств для ведения войн, и они часто полагались на могущественных дворян и других субъектов, которые вводили сборные войска под их властью.[1] Эти силы часто занимались набегами, грабежами и мародерством.[2] В средневековой войне также широко использовалось убийство как средство быстрого завершения войны путем устранения вражеского лидера.[3] Несмотря на то, что сражения происходили, средневековая война чаще всего принимала форму осад. Осады позволяли армиям контролировать доступ к городам, поселкам и другим жизненно важным территориям, ослабляя оборону противника и лишая его доступа к подкреплениям.[4] Осады давали возможность покорить врага, минимизируя собственные потери.

Доиндустриальный Китай имел некоторые из этих особенностей, но в большем масштабе. Военные действия династий Мин и Цин характеризовались наличием больших армий, но им не хватало стандартизации и уровня централизованного управления, характерного для современных промышленных вооруженных сил. Вместо этого императорское правительство Китая часто полагалось на сочетание относительно небольшой профессиональной императорской гвардии и крупных риторических гарнизонов (например, элиты Восьми знамен и Пан-зеленой коалиции династии Цин), дополненных наемниками и сборщиками податей.

[1] Tilly, 1990.

[2] Джон Франс, "Средневековая иррегулярная война, ок. 1000-1300", в Джон Франс, Келли Деврис, и Клиффорд Дж. Роджерс, ред., *Средневековая военная история*, Cambridge University Press, 2017.

[3] Withington, 2020.

[4] Дэвид Николл, *Средневековые войны: Военные действия в западном христианстве*, Caxton Press, 2004.

использовались местными чиновниками и союзниками.[5] Китайские войска также отличались технологиями, схожими с западными средневековыми аналогами. Хотя сражения происходили, войны часто сопровождались осадами.[6]

Войны индустриального национального государства отличались эпическим масштабом, размахом и уровнем разрушений. Ключевые особенности включают использование промышленных технологий, стандартизированного, массово производимого оружия и оборудования, а также конспирацию. Начиная с середины 1800-х годов, эти конфликты также характеризовались быстрой переброской войск и телеграфной или беспроводной связью. Осады, как, например, в Виксбурге во время Гражданской войны в США или в Ленинграде во время Второй мировой войны, случались, но нечасто. Военные действия от наполеоновских до мировых войн, как правило, характеризовались эпическими битвами с участием крупных боевых соединений призванных на военную службу граждан-солдат. В сражениях наполеоновских войн и гражданской войны в США часто участвовали сотни тысяч солдат в одном сражении. Масштабы военных действий достигли пика во время мировых войн, в которых иногда в сражениях участвовали миллионы солдат, как это было в битве на Сомме в 1916 году и в Сталинградской битве в 1942 году. Во время холодной войны не было прямых боевых действий между американскими и советскими обычными вооруженными силами, но сотни тысяч солдат оставались развернутыми в течение многих лет в Европе и за ее пределами.[7]

В неосредневековую эпоху военные действия в целом вернулись к доиндустриальным нормам. Конечно, современные оружейные технологии сохранились, но военные уменьшились в размерах по сравнению с гигантскими формированиями 20-го века. По мере сокращения численности вооруженных сил и ослабления государственной легитимности, военные снова стали более осторожными в плане потерь. Осады вновь стали заметной чертой современной войны, как это видно на примере войн в Боснии, Сирии, Чечне, Ираке и других странах.[8] Иллюстрацией этой тенденции является недавняя война между Россией и Украиной, в ходе которой командиры осаждали многочисленные...

[5] Цюй Линь Дун, *Всеобщая история Китая*, изд. на английском языке, Китайская корпорация переводов и изданий, 2013.

[6] Фредерик В. Мот и Денис Твитчетт, *Кембриджская история Китая*: Том 7, *Династия Мин, 1368-1644*, Cambridge University Press, 1988.

[7] Kaldor, 2012 p. 2.

[8] Энтони Кинг, "Будет ли межгосударственная война происходить в городах?". *Journal of Strategic Stud- ies*, Vol. 45, No. 1, 2022.

военные действия также перешли к гибридным и нерегулярным формам, в которых относительно небольшие по размерам профессиональные военные силы противостоят противникам либо через марионеточные силы, либо в координации с боевиками, ополченцами и другими нерегулярными силами.[10]

Китайские эксперты часто подчеркивают технологические аспекты обычной войны, обращая внимание на такие тенденции, как рост технологий, связанных с искусственным интеллектом.[11] В то же время, китайские ученые в целом скептически относятся к вероятности крупномасштабной обычной войны с участием НОАК. В статье 2006 года академики НОАК Чу Цзунтянь и Ван Нуаньчэн прогнозируют дальнейшее снижение масштабов крупных обычных войн. Они также считают, что городские и нерегулярные войны станут более предпочтительными.[12] Действительно, интерес к гибридным и нерегулярным войнам вырос среди научного сообщества НОАК в последние годы. Китайские аналитики хвалят российские гибридные войны за новаторскую интеграцию методов нерегулярной войны.[13] В одной из недавних публикаций профессор Цзядун Чжан из Центра американских исследований Фуданьского университета предложил идею *мультиграничной войны*. Он описал такую войну как происходящую на нескольких фронтах "без единых полей сражений или линий фронта и без единых результатов".[14] Он рассматривает ее как войну, в которой сосуществуют победы и поражения в различных областях; война

---

[9] Кристин Люнгквист, "Война против городов Украины", Чикагский совет по связям с общественностью, 21 марта 2022 года; Роберт М. Довер, "Война в Украине: Путин переписывает правила осадной войны этой зимой", *The Conversation*, 3 ноября 2022 года.

[10] Ма Цзяньгуан [马建光] и Юаньбин Ли [李元斌], "Гибридная война: новое острое оружие для международной конкуренции" [混合战争：国际竞争的新利器], *Military Digest* [军事文摘], Vol. 17, 2020.

[11] Лин Бин [林斌], "Как будут выглядеть войны будущего?" [未来的战争是什么样的], *Con- milit* [现代军事], Vol. 3, 1998.

[12] Chu Juntian [初军田], Nuanchen Wang [王暖臣], and Yingwei Guan [管英伟], "Some Reflections about the Future Land Battlefield Movement" [对未来陆战场变化的思考], *Journal of Academy of Armored Force Engineering* [装甲兵工程学院学报], Vol. 2, 2006.

[13] Duan Junze [段君泽], "Russian 'Hybrid Warfare' Application and Its Influence" [俄式"混合战争"实践及其影响], *Modern International Relations* [现代国际关系], Vol. 3, 2017.

[14] Zhang Jiadong [张家栋], "Multi-Border War: The Possible Form of Future War" [多边疆战争：未来战争的可能形态], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], 2021.

война, в которой участвуют самые разные субъекты, включая политиков, технических специалистов и профессионалов бизнеса; война, ведущаяся практически любыми средствами. Такая война сотрет границу между миром и войной". Аналогичным образом, в 2021 году Ван Сянсуй, эксперт по нерегулярным боевым действиям ВВС НОАК, обсудил концепцию гибридной войны как форму войны, в которой "материальное уничтожение никогда не является целью", а вместо этого преследуется извлечение политической выгоды[15].

Два компонента гибридной войны привлекли особое внимание китайских экспертов: информационные операции и прокси. Некоторые эксперты утверждают, что информационные операции потенциально могут выиграть войну без применения кинетической силы.[16] Однако эта идея остается спорной. Некоторые военные специалисты отвергают возможность победы в войне исключительно за счет информационной сферы.[17] В последние годы также возросло изучение войны по доверенности, причем офицеры НОАК отмечают потенциально низкую стоимость и высокую стратегическую ценность таких методов.[18] В китайских военно-стратегических текстах подчеркивается важность информационного, космического и киберпространства в будущих войнах.[19] В анализе Китайской академии общественных наук предполагается, что угрозы в киберпространстве "значительно возрастут "[20].

Несмотря на постоянство и внедрение новых технологий вооружений, меньший масштаб операций, сочетание различных вооруженных субъектов, преобладание осад и возвращение к операциям гибридного типа напоминает модели, обычно наблюдаемые в доиндустриальных войнах.

---

[15] Ван Сянсуй [王湘穗], "Анализ будущих гибридных войн" [未来混合战争形式解析], *Military Digest* [军事文摘], Vol. 13, 2021.

[16] Huang Shuofeng [黄硕风], "Future Wars-Infowars" [未来战争--信息战], *Future and Development* [未来与发展], Vol. 4, 1996.

[17] Zhu Xiaoning [朱小宁], "Future Wars Still Focus on Technology-Argument Against Infowar Supremacy" [未来战争中战术仍然重于技术-兼驳 "信息制胜" 论], *Conmilit* [现代军事], Vol. 8, 1998.

[18] Ма Жуншэн [马荣升], "An Exploration of Proxy Wars" [代理人战争探析], *China Military Science* [中国军事科学], Vol. 1, 2017.

[19] Сяо Тяньлян, 2020.

[20] Hong Yuan [洪源], "The New Form of Future Wars and Its Influencing Factors" [未来战争的新形态及其影响因素分析], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], Vol. 10, 2021.

Последствия для американо-китайской конкуренции и конфликтов

Эти тенденции имеют важные последствия для американо-китайской конкуренции в мирное время и для любого потенциального конфликта, который может возникнуть в результате эскалации напряженности. Для соперничества в мирное время снижение значимости крупномасштабного

Обычная война и растущее значение гибридной войны, в том числе в информационной, кибернетической и космической сферах, говорит о том, что в некоторых случаях мирное время может напоминать косвенную или нерегулярную форму конфликта.[21] Различие между миром и войной может стать размытым и трудноразличимым, особенно в информационной и кибернетической сферах. Неконвенциональная борьба может наиболее остро проявиться в государствах-партнерах и их антагонистах. Соединенные Штаты и Китай уже противостоят друг другу в российско-украинской войне и, в меньшей степени, в Сирии, Эфиопии и других странах. Если соперничество станет более антагонистичным, места для непрямого конфликта могут распространиться и на другие регионы.

В случае войны могут преобладать непрямые и малоинтенсивные методы. Крупные сражения могут не состояться или происходить крайне редко. Вместо этого более привлекательными могут стать осады. Например, Китай может попытаться осуществить блокаду Тайваня и других уязвимых противников. Обе стороны могут также вести борьбу через марионеточные конфликты в разоренных войной странах-партнерах или косвенными методами в киберпространстве и информационной сфере. Усиливающийся беспорядок и распространение нестабильных государств в странах БРИ могут предоставить широкие возможности для непрямой конфронтации. В непрямую борьбу между Китаем и США могут быть вовлечены агрессивные негосударственные субъекты, такие как политические повстанцы, преступные группировки и радикально настроенные военные. Они будут отличаться от непрямых конфликтов времен холодной войны тем, что, возможно, будут более масштабными и в них будут задействованы различные виды средств, такие как беспилотники или кибернетические подразделения.

[21] Кэри Миттельмарк, "Играя в шахматы с драконом: Китайско-американская конкуренция в эпоху нерегулярных войн", *Малые войны и повстанческие движения*, том 32, № 2, 2021.

Военная администрация: От мобилизации к войне по контракту

Война традиционно напрягает ресурсы государства из-за огромного спроса на рабочую силу и деньги. Физические разрушения в результате боевых действий и нарушение экономической жизни обычно усугубляют стоимость войны. Политическое давление, направленное на обеспечение дополнительных доходов для поддержания боевых действий, в некоторых случаях приводило к серьезным инновациям в государственном строительстве. Однако стремление получить доходы для финансирования войн не лишено риска. Усилия государства по сбору дополнительных налогов и призыву новобранцев в некоторых случаях приводили к социальному и политическому насилию и даже революции.[22]

До начала современного периода большинство государств вели войны в гораздо более ограниченных масштабах. Слабый административный потенциал доиндустриальных государств и необходимость сельскохозяйственной жизни накладывали жесткие ограничения на способность государств мобилизовать людей и ресурсы для войны. Слишком высокие налоги могли привести к голодной смерти крестьянства и тем самым подорвать налоговую базу страны. Соответственно, войны часто то разгорались, то затихали с течением времени, поскольку правители истощали свои казны в ходе войны и затем искали передышку для пополнения казны. В качестве крайнего примера можно привести средневековые французское и английское королевства, которые провели ряд кампаний с чередованием периодов войны и отдыха, которые впоследствии были названы Столетней войной.[23] Призыв в армию имел место, но обычно это был эпизодический, локализованный и несколько бессистемный процесс. Более того, в средневековых левизиях многие призывники сами приобретали оружие и снаряжение. Власти не обеспечивали особой подготовки.[24] Правители средневековой Европы часто использовали квалифицированных наемников. Наемники не только были потенциально более эффективны на поле боя, но и стоили гораздо дешевле, чем постоянные военные, поскольку их можно было распустить, когда в них не было необходимости.[25] Правители также создавали коалиции.

[22] Теда Скочпол, *Государства и социальные революции*, Кембридж Юниверсити Пресс, 1979.

[23] Клиффорд Бэкман, *Миры средневековой Европы*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2003.

[24] Бернард Бахрах и Дэвид Бахрах, *Военные действия в средневековой Европе ок. 400-1453*, Taylor and Francis Group, 2021.

[25] МакФейт, 2017.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

добровольных вооруженных бойцов, таких как ополченцы и другие сочувствующие вооруженные группы.

Доиндустриальный Китай полагался на имперскую бюрократию для управления военными силами. При династии Мин императорское правительство создало на границах колонии крестьян-солдат, которые могли сами себя содержать и тем самым снизить расходы государства на содержание таких войск.[26] В эпоху Цин правительственная бюрократия управляла мобильными знаменными и гарнизонными войсками. Однако гражданская экономика не принимала никакого участия в военных действиях, помимо обычных налоговых сборов. По словам одного историка, "многие люди в стране почти не ощущали" последствий военных кампаний. Например, крестьяне обычно не платили никаких дополнительных налогов для финансирования кампаний.[27] Вооруженные силы как династии Мин, так и династии Цин часто нанимали мерсе-нариев для усиления имперских войск во время кампаний.[28]

Определяющей чертой войны великих держав в эпоху индустриальных национальных государств была способность правительства мобилизовать все государственные ресурсы для поддержки войны на длительный период, часто продолжавшийся много лет. Способность государства управлять таким масштабным мероприятием отчасти была обусловлена ростом крупной государственной бюрократии, способной управлять и координировать такое количество экономических, военных и политических задач.[29] Эти государственные бюрократии систематически призывали рабочую силу страны для службы в вооруженных силах или на заводах. Государства-нации также мобилизовали народные настроения через средства массовой информации, которые призывали народ к духу самопожертвования для поддержки военных целей страны. Государства также контролировали конверсию или наращивание промышленности для создания военной экономики, чтобы максимизировать ресурсы, доступные боевым силам.

Неосредневековые государства отступили от всеобъемлющих методов тотальной войны в сторону более ограниченного государственного управления, реминис...

[26] Эдвард Дрейер, "Тунтяньское земледелие династии Мин", *Исследования Мин*, том 1987, № 1, 1987.

[27] Дай Инькун, "Цинские военные институты и их влияние на правительство, экономику и общество, 1640-1800", *Журнал истории Китая*, том 1, 2017.

[28] Кристин Молль-Мурата и Ульрих Теобальд, "Военная занятость в Китае династии Цин: Сравнительное исследование военного труда 1500-2000 гг.", в книге Эрик-Ян Цурхер, ред. "*Борьба за жизнь"*, Амстердам Юниверсити Пресс, 2014.

[29] Тилли, 1990.

процентов доиндустриальных обществ. Административный охват современных государств сократился, поскольку обязанности были делегированы участникам рынка, а услуги были сокращены. Многие страны отказались от практики широкомасштабной воинской повинности, частично из-за политической оппозиции, частично из-за ограниченности ресурсов, которую накладывает замедление темпов роста, а также из-за изменения характера войны, которая теперь требует меньшего количества войск.[30] Современные военные, как и в Средние века, склонны вести свои войны с помощью контрактов. Профессиональные волонтеры выполняют условия контрактов в обмен на зарплату и льготы. Вооруженные силы США и Китая также расширили использование гражданских подрядчиков для пополнения добровольных военных сил. Аналогичным образом, вооружение и оснащение современных вооруженных сил уже не осуществляется исключительно национальной оборонной промышленностью. Вместо этого оборонные предприятия производят необходимые товары в основном по контрактам. В Китае НОАК расширила использование открытых государственных торгов на поставку оборонной продукции для повышения прозрачности, снижения коррупции и повышения эффективности.[31]

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Изменение в государственном управлении военными действиями несет в себе важные импли- кации для конкуренции в мирное время и потенциальной войны с участием США и Китая. В мирное время государство, скорее всего, будет полагаться на контракты и материальные стимулы для найма профессионального, специализированного и технического персонала, необходимого для выполнения задач, связанных с исследованиями, разработками и конкуренцией. Операции и мероприятия по поддержке активных кампаний, возможно, придется организовывать с точки зрения взаимодополняющих команд подрядчиков и военных или государственных специалистов[32].

Те же тенденции говорят о том, что эскалация напряженности между США и Китаем до уровня конфликта может привести к тому, что военные действия будут, в лучшем случае, неполными по своей

способности...

---

[30] Стивен Биддл, *Военная мощь: объяснение победы и поражения в современной битве*, Издательство Принстонского университета, 2004.

[31] "Китай говорит, что расходы на военные закупки снизились по сравнению с предыдущими годами", Рейтер, 9 апреля 2015 года.

[32] Дебора Д. Авант, "Заключение контрактов на услуги в военных операциях США", *Политические науки и политика*, том 40, № 3, 2007.

возможность доступа и мобилизации ресурсов страны.[33] Противоборствующие государства могут счесть более эффективным и политически целесообразным полагаться на контракты для управления материально-техническим обеспечением и поддержкой военных действий. Обе стороны могут иметь сильные стимулы избегать крупномасштабной войны из-за финансовых трудностей, связанных с заменой квалифицированных войск и военной техники.[34] Вместо этого конфликт может в значительной степени опираться на асимметричные методы, марионеточные конфликты, осадные бои и противостояние в кибернетической и информационной сферах.[35] Настоящие боевые действия, если они произойдут, могут принять форму эпизодических столкновений с участием скромных по численности сил, за которыми последуют длительные периоды восстановления.

Боевики: Неформальные коалиции и процветающий рынок наемников

На протяжении всей истории человечества правители и государства использовали различные виды войск для борьбы за них. Солдаты могут быть непосредственно наняты, обучены и оснащены правительством. Но солдаты также могут быть наняты в качестве наемников. Военная сила также может быть получена из внешних по отношению к государству источников. Союзники и партнеры также могут предоставить вооруженные силы. Бойцы могут быть оснащены стандартной униформой и оружием, а могут иметь более пестрое обмундирование и снаряжение.

Воины в средневековой Европе состояли из небольшого числа высококвалифицированных военных элит, известных как рыцари. К ним добавлялись бойцы более низкого статуса - крестьяне по призыву, которые часто были более легко экипированы и, как правило, не имели такой обширной подготовки и опыта, как рыцари. Некоторые рыцари сражались на стороне короля, но другие служили влиятельным дворянам и магнатам, у которых могли быть сложные отношения с

[33] Mark F. Cancian, Adam Saxton, Lee Ann Bryan, and Owen Helman, "Industrial

Mobilization-Assessing Surge Capabilities, Wartime Risk, and System Brittleness," *Naval Engineers Journal*, Vol. 132, No. 2, 2020.

[34] Уди Лебель, ""Случайная паника": Модели призыва в армию, разрыв между гражданскими и военными и их последствия для легитимности военных потерь", *Демократия и безопасность*, том 6, № 2, 2010.

[35] Патрик Портер, "Обзорный очерк: Теневые войны: асимметричная война в прошлом и будущем", *Диалог о безопасности*, том 37, № 4, 2006.

верховный правитель страны. Эти воины не носили стандартную униформу и не пользовались стандартным снаряжением. Правители также часто нанимали наемников для усиления своих рыцарей и их приближенных. Наемники были гораздо доступнее, чем большая постоянная армия, поскольку их можно было распустить, когда в них отпадала необходимость. Действительно, в средневековой Европе процветал рынок наемников.[36] Армии также сражались вместе с партнерскими вооруженными группами из других земель. Средневековые военные коалиции могли включать войска, предоставленные союзными королевствами или фьефами, религиозными орденами, отдельными добровольцами, повстанческими группами, бандитами и другими негосударственными субъектами. Это военное сотрудничество не было институционализировано и могло быть разовым и прерывистым. Коалиции могли быть громоздкими и изменчивыми. Например, в Столетней войне противоборствующие французские группировки сражались за право наследования, к ним с обеих сторон присоединялись повстанческие группы, противоборствующие папские государства, различные республики и королевства[37].

В Китае армия императора состояла из относительно скромных по размерам императорских войск, пополнявшихся за счет призыва в пограничных районах. Наемники часто нанимались для пополнения императорских армий династий Мин и Цин.[38] Китайские императорские военные силы также включали партнеров по коалиции из дружественных племен и королевств. Вооруженные негосударственные группы могли присоединиться к любой из сторон, как это произошло во время Боксерского восстания. Иногда император вступал в союз с западными государствами. Во время Боксерского восстания ослабленное китайское правительство не решалось подавить повстанцев и наняло западных наемников, а затем поддержало антиимпериалистических демонстрантов в неудачной попытке сместить империалистов.[39]

В эпоху индустриальных национальных государств вооруженные силы состояли в основном из граждан, призванных на военную службу, набранных, обученных и оснащенных государством. Эти вооруженные силы могли быть значительными, в некоторых случаях достигая миллионов человек, как это произошло в Первой и Второй мировых войнах. Эти силы отличались высокой

[36] Хант Янин, *Наемники в средневековой и ренессансной Европе*, МакФарланд Пресс, 2013.

[37] Бэкман, 2003.

[38] Chuntao Xia [夏春涛], "A Probe into the British Mercenaries in the Taiping Rebels" [太平军中的英国雇佣兵问题初探], *Modern History Research* [近代史研究], No. 5, 1994; Moll-Murata and Theobald, 2014.

[39] Дэвид А. Графф и Робин Хайам, *Военная история Китая*, Университет Кентуки Пресс, 2011.

степень стандартизации их обмундирования, снаряжения и операций. Контрактники составляли незначительную часть общей численности войск, и их работа обычно ограничивалась технической и вспомогательной работой. Международное сотрудничество, как правило, принимало форму институционализированных союзов, таких как НАТО, Варшавский договор и союзы, сформированные в ходе мировых войн. Членами этих альянсов были почти исключительно национальные государства и их военные формирования. В некоторых случаях эти институционализированные союзы включали регулярные встречи, тренировки и учения, и/или боевые действия.[40]

В эпоху неосредневековья после 2000 года военные силы развивались в направлении, схожем с доиндустриальным прошлым. В национальных армиях по-прежнему существуют гражданские армии, но это почти исключительно профессиональные добровольцы, получающие за свою службу зарплату и льготы. Напоминая о распространенности меценатов в средневековье, современная война в значительной степени зависит от наемников и подрядчиков, готовых воевать и выполнять другие военные обязанности за плату.[41] Например, в российско-украинской войне широко использовались наемники.[42] Отчасти возрастающая роль подрядчиков объясняется высокотехническим характером современной войны, которая включает цифровые технологии, космические и киберпространственные средства. Другой причиной является чувствительность общества к потерям среди военнослужащих и более низкая стоимость подрядчиков и наемников по сравнению с национальными вооруженными силами аналогичного размера.[43] В войнах в Ираке и Афганистане подрядчики составляли около половины личного состава сил, возглавляемых США.[44]

Коалиции также изменились. В войнах после 2000 года военные коалиции становятся все более специальными, неформальными коалициями желающих, которые

---

[40] Ричард Инглиш, *Современная война: очень краткое введение*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2013.

[41] Шон Макфейт, *Прочный беспорядок: Возвращение частных армий и возникновение неомедиевизма*, диссертация, Лондонская школа экономики и

политических наук, август 2011 года.

[42] Робин Райт, "Изменят ли иностранные добровольцы и наемники ход войны в Украине?". *New Yorker*, 5 апреля 2022 года.

[43] Hongwei Wang [王宏伟], "The Rise and Prospect of Private Military Companies" [私人军事公司的兴起原因及发展前景], *International Forum* [国际论坛], No. 3, 2005.

[44] Кэти Гилсинан, "Военная машина работает на контрактах", *The Atlantic*, 17 января 2020 года.

включают различные военные и нерегулярные силы.[45] В Ираке и Афганистане, в российско-украинской войне и сирийском конфликте профессиональные военные воевали вместе с союзниками, набранными из ополченцев, наемников, добровольцев и племенных групп.[46] Китайские вооруженные силы в основном перешли к профессиональным добровольцам, хотя они все еще призывают некоторых военнослужащих, чтобы восполнить недостаток в наборе. НОАК также расширила использование контрактников.[47] В таких странах, как Пакистан, Китай широко использует местные наемные войска для пополнения своих ограниченных сил безопасности.[48]

На современном поле боя к профессиональным военным присоединяются разнообразные виды войск, многие из которых сражаются по конкретным причинам, которые могут не полностью совпадать с целями их союзников. Сложность состава боевых сил повторяет разнообразный и эклектичный набор участников средневековых войн. Управление такими коалициями сегодня может оказаться столь же сложным, как и тогда.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Состав вооруженных сил в эпоху неосредневековья после 2000 года имеет важные последствия для американо-китайской конкуренции в мирное время и для любого потенциального конфликта. В мирное время подрядчики, вероятно, будут продолжать играть важную роль во всех аспектах военной конкуренции. Подрядчики могут помочь в управлении операциями в информационной, космической и кибернетической сферах для защиты интересов и противодействия усилиям противника. Подрядчики также могут помочь оказать ценную помощь в обеспечении безопасности государствам-партнерам в рамках более широкой конкуренции за влияние.

---

[45] Джон Карлсруд и Йф Рейкерс, "Коалиции ad hoc и институциональная эксплуатация в международной безопасности: Towards a Typology," *Third World Quarterly*, Vol. 41, No. 9, 2020.

[46] Сет Г. Джонс и Артуро Муньос, *Местная война в Афганистане: создание*

местных сил обороны, RAND Corporation, MG-1002-MCIA, 2010.

[47] Алессандро Ардуино, *Частная армия Китая: Защита нового Шелкового пути*, Springer, 2017.

[48] Сара Чжэн, "Китай требует гарантий безопасности для пакистанских проектов "Пояс и дорога" после террористических атак", *South China Morning Post*, 28 марта 2019 года.

Коалиции в поддержку одной или другой стороны могут быть более хрупкими и ограниченными из-за разнообразия интересов и характера глобальной экономики. Чтобы завоевать поддержку и сохранить партнерские отношения, обеим сторонам, возможно, придется предоставлять больше товаров и явных выгод.

В военное время можно ожидать, что вооруженные силы противоборствующих сторон будут состоять в основном из профессиональных военных, сочувствующих военных партнеров, наемников и других вооруженных групп. Из-за политической чувствительности и общей низкой готовности населения служить в вооруженных силах, призыв в армию может быть рискованным способом восстановления сил, истощенных в результате боевых действий.[49] Привлечение наемников или сил партнеров по коалиции из-за рубежа может стать более привлекательным с политической точки зрения. Но эти эклектичные коалиции, вероятно, создадут свои собственные проблемы в плане поддержания союзов и сохранения единой коалиции.

Некомбатанты: От активного возвращения к пассивным сторонникам

Роль некомбатантов в войне значительно варьировалась на протяжении всей истории человечества. Гражданские лица могут быть сторонними наблюдателями, могут оказывать пассивную поддержку или активно поддерживать военные действия, записываясь в вооруженные силы, работая на предприятиях, непосредственно связанных с войной, или оказывая другие услуги. Вражеские вооруженные силы могут быть или не быть объектом грабежа, изнасилования или зверств в отношении гражданского населения.

В доиндустриальных войнах не было различия между комбатантами и некомбатантами. Поскольку крестьянское население феодальной Европы не имело возможности участвовать в политической жизни, многие из них не оказывали значимой политической поддержки войнам, которые вели их владыки. Короли и правители не предпринимали никаких усилий для мобилизации населения, которое они не рассматривали как активных помощников.

Значение населения заключалось в его пассивной поддержке. Правители получали наибольшую выгоду, когда население оставалось пассивным и обеспечивало себя налогами и случайной рабочей силой. Однако, поскольку поддержка была кон-

---

[49] Пану Поутваара и Андреас Вагенер, "Политическая экономия призыва", в Кристофер Дж. Койн и Рэйчел Л. Мазерс, ред. *Справочник по политической экономи- ке войны*, Edward Elgar Publishing, 2011.

В условиях, когда все зависит от обеспечения безопасности, трудности, налагаемые на население, могли подорвать эту поддержку. Крестьяне, страдавшие от голода, хищничества и других трудностей, не могли платить налоги, что подрывало способность правителя поддерживать войну. Поэтому в средневековых войнах армии часто вымазывали дегтем поля и деревни крестьян, служивших соперничающему правителю. Навязывание экономических трудностей могло заставить лидера подать прошение о мире, чтобы восстановить стабильность и поправить финансы.[50]

Действительно, во многих отношениях в доиндустриальных государствах не существовало понятия национальной воли к борьбе, потому что нации не мыслились как таковые. Более того, воля к войне в основном принадлежала королю или правителю и его элите. Поэтому наступающие армии часто стремились к победе, убивая вражеского правителя путем убийства или непосредственно атакуя его на поле боя.[51] Некомбатанты чаще становились сторонними наблюдателями или жертвами боевых действий. Мародерские армии могли совершать набеги с целью захвата награбленного или причинения тягот населению страны. Средневековые военные часто становились жертвами гражданских лиц в войнах за этническую, религиозную и иную идентичность. В Тридцатилетней войне широкомасштабные массовые убийства враждующего гражданского населения оказались слишком распространенным явлением[52].

В доиндустриальном Китае также отсутствовало четкое различие между комбатантами и некомбатантами, характерное для современного периода. Во многих войнах периодов Мин и Цин и предшествовавших им династий участвовали кочевые племена на периферии. И здесь у невоюющего населения не было значимых способов участия в войне, поэтому оно в основном воспринимало войну как пассивную поддержку или жертву. Были отдельные исключения, когда правительство привлекало отдельные группы населения более институционализированным образом, например, система военных домохозяйств династии Мин, которая создавала колонии солдат - крестьян для комплектования пограничных армий.[53] В целом, правительство не требовало от населения практически ничего в плане участия в войне. Пока население оставалось довольным, оно могло платить налоги, а император мог выглядеть так, будто пользуется мандатом небес. Как -

[50] Морис Кин, *Законы войны в позднем средневековье*, Routledge, 1965.

[51] Withington, 2020.

[52] Withington, 2020.

[53] Дэвид Робинсон, "Почему военные институты имеют значение для истории Мин", *Журнал китайской истории*, том 1, № 2, 2017.

когда-либо, трудности, которые приносят голод и война, могут спровоцировать простой народ на восстание или голод. Распространение беспорядков и восстаний представляло серьезную политическую угрозу легитимности императора. Китай династий Мин и Цин пережил одни из самых ужасных кровопролитий в истории человечества. Например, масштабные восстания, такие как восстание тайпинов и мятеж под предводительством Чжан Сяньчжуна, унесли жизни десятков миллионов людей[54].

В эпоху современных индустриальных государств участники боевых действий, как правило, рассматривали войну в основном как дело противоборствующих вооруженных сил. Но гражданское население играло необычайно активную роль в войне. Политическая интеграция предоставила правительству прямой способ вовлечения общественности. Население могло активно поддерживать военные действия через выборы в демократических странах, через массовые митинги в авторитарных государствах, а также через призыв в вооруженные силы или труд на связанных с войной производствах. Для обеспечения активной поддержки официальные лица проводили массовую пропаганду. Современная пропаганда также была направлена на подрыв воли противника к войне путем убеждения людей в справедливости своего дела и несправедливости или бесполезности дела противника[55].

Это имело важные последствия для войны индустриальной эпохи. Победа обычно представлялась в терминах полного поражения вооруженных сил противника. Поскольку активная поддержка гражданского населения подкрепляла способность и волю армии противника к борьбе, война иногда становилась мишенью для промышленного потенциала и морального духа населения. Соответственно, гражданское население страдало во всех войнах великих держав, иногда подвергаясь ужасающей резне.[56] Однако, как это ни парадоксально, объектом военных нападений становилось не само гражданское население, а его активная поддержка войны. Власти направляли лишения на гражданское население, чтобы сломить его способность и желание бороться, как это сделал Текумсех Шерман во время марша по Югу во время Гражданской войны в США или когда воздушные силы союзников проводили масштабные бомбардировки Германии и Японии во время Второй мировой войны. Однако во всех этих случаях убийство мирных жителей не рассматривалось как

основная цель, а скорее как непреднамеренные или *побочные* потери. Основными

---

[54] Уильям Т. Роу, "Насилие в Китае эпохи Мин-Цин: Обзор", *Преступность, история и общества*, том 18, № 2, 2014.

[55] Майкл В. Хьюли, "Пропаганда в современном мире", *Международный журнал политики, культуры и общества*, том 9, № 4, 1996.

[56] Калдор, 2012.

целью оставалось уничтожение вооруженных сил противника. В соответствии с этой логикой, наложение тягот на гражданское население обычно прекращалось после решительного поражения армии противника и безоговорочной капитуляции правительства.

Конечно, случаи массового насилия имели место и в эпоху национальных государств. Геноцид нацистской Германии против еврейского народа, жестокая резня гражданского населения на Восточном фронте и геноцид армян в Османской империи - яркие и ужасающие примеры. Но возмущение, которое вызвали эти случаи, лишь подчеркнуло редкость их совершения, по крайней мере, по сравнению с доиндустриальными обществами.

В эпоху неосредневековья роль населения регрессировала от роли национального государства до чего-то более близкого к доиндустриальным периодам. Такие ученые, как Мэри Калдор, отмечают возникновение "новых" войн, которые напоминают войны средневековой Европы. В таких конфликтах вооруженные группы часто ставят своей главной целью убийство гражданского населения противника. Цель массового убийства часто связана с вопросами этнической и религиозной идентичности. Боснийские войны стали архетипом нового типа конфликтов, которые часто включали в себя акты этнической чистки, направленные на уничтожение меньшинств[57].

Изменилась и роль населения. От людей больше не ждут активной поддержки, как это было во время мобилизации во время великих войн. Молчаливо признавая пределы своих полномочий, власти больше не требуют от людей самопожертвования. Вместо этого они просят людей продолжать свою обычную работу и привычки потребления. Например, во время Второй войны в Персидском заливе президент Джордж Буш-младший призвал население продолжать делать покупки, чтобы поддерживать рост экономики.[58] Серьезные сбои в работе, в виде экономического спада или недовольства, вызванного ходом войны, угрожают способности правительства поддерживать хрупкую народную поддержку. Поскольку понятие национальной воли к борьбе теряет свою актуальность, центр тяжести войны может сместиться обратно к воле национального лидера. Правители могут развязывать конфликты до тех пор, пока народ пассивно поддерживает их. Однако эта поддержка всегда непрочна и может оказаться уязвимой. Если она обернется против

[57] Калдор, 2012.

[58] Эмили Стюарт, "Как 9/11 убедил американцев покупать, покупать, покупать", *Vox*, 9 сентября 2021 года.

по какой-либо причине лидер может столкнуться с сильным стимулом свернуть или прекратить боевые действия.

Последствия для конкуренции и конфликтов между США и Китаем

Изменение роли населения в современной войне имеет важные последствия для американо-китайской конкуренции и любого потенциального конфликта. В мирное время общественная поддержка любого конкурентного начинания, скорее всего, будет более условной, чем в современную индустриальную эпоху. Люди с низким уровнем доверия к правительству могут оказывать поддержку тем начинаниям, которые налагают легкое экономическое бремя и предлагают очевидные выгоды для общества. Исключения могут возникнуть, когда родина страны подвергается вторжению, как это произошло в Украине, или когда население сталкивается с доказательствами зверств врага против своих соотечественников.[59] В целом, однако, общественная поддержка войны за пределами национальных границ может испариться, если правительство потребует дорогостоящих жертв, таких как призыв в армию, высокие налоги или действия, подстегивающие инфляцию. Ключевым компонентом успеха будет поддержание общего уровня поддержки правительства со стороны населения путем тщательного управления экономикой и внутренней безопасностью.

В странах-партнерах внутригосударственные и межгосударственные войны, связанные со зверствами среди гражданского населения, могут открыть возможности для сотрудничества между американскими и китайскими военными, а также для конфронтации. Ужасы таких зверств могут усилить давление на американских или китайских покровителей с целью получения военной поддержки, что приведет к еще большему напряжению военных бюджетов. Внутригосударственные и межгосударственные конфликты также могут открыть возможности для косвенных или прокси-конфликтов. Война в Сирии является примером того, как тяжелые кризисы усилили политическое давление на США и антагонистов, таких как Россия, с целью вмешательства, часто в противоположной друг другу манере.

В войне переход от национальной воли к воле правителя к воле к

войне имеет глубокие последствия для планирования обороны. Военные операции могут иметь более широкий спектр возможностей для того, чтобы одержать верх над противником путем навязывания издержек посредством горизонтальной эскалации или других мер, которые подрывают общий уровень поддержки правителя населением. Более того, те же самые уязвимые места

[59] Питер Либерман, "Око за око: Общественная поддержка войны против злодеев". *Международная организация*, том 60, № 3, 2006.

будут противостоять Соединенным Штатам. Лица, принимающие решения, должны исходить из того, что даже в крупной войне с великой державой поддержка населения может быть нестабильной и сомнительной.

Чувствительность к потенциальной потере общественной поддержки может ограничить способность правительства расширять масштабы военных действий или рисковать миссиями, которые влекут за собой большие потери или финансовые затраты. Соответственно, "победа" в таких условиях может стать более ограниченной. Если полная победа маловероятна, целью операции может стать получение незначительных уступок в ближайших проблемах. Озабоченность хрупким характером общественной поддержки может также побудить военных полагаться на наемников, беспилотные системы и партнеров по коалиции для ведения более активных боевых действий.

Потенциальное недовольство населения также делает внутреннюю политическую ситуацию вечной уязвимостью. Противник может попытаться использовать этот потенциал с помощью кибер- и информационных операций, что может сделать эту область критически важной для обороны страны. Хрупкость общественной поддержки также может быть направлена на меры, которые наносят удар по экономике посредством санкций и нарушения торговли и инвестиций. Более того, нарушение торговли и инвестиций может повлиять на население по всему миру, подрывая поддержку населения в дружественных странах.

Заключение

Изменение характера военных действий имеет важные последствия для американо-китайской конкуренции и любого конфликта, который может возникнуть (Таблица 6.2). Граница между конкуренцией в мирное время и враждебными столкновениями может размыться, поскольку обе стороны прибегают к гибридной тактике для достижения целей таким образом, чтобы минимизировать риск эскалации. Военные могут прийти к выводу, что использование профессиональных солдат и наемников является политически и экономически более устойчивым способом ведения операций.

Политикам и планировщикам при разработке военных планов также придется подумать о том, как обеспечить стабильную экономику и минимизировать внутреннюю уязвимость к внешним потрясениям.

ТАБЛИЦА **6.2**

Последствия неосредневековых аспектов военного дела для американо-китайского соперничества

Аспекты	Неосредневековая эпоха	Возможности для американо-китайской конкуренции	Возможности для американо-китайского конфликта
Боевые действия	• Преобладают иррегулярные войны и осады	• Кампания в мирное время будет в некоторой степени напоминать конфликт • Конкуренты могут быть втянуты во внутригосударственные войны в государствах-партнерах	• Конфликт может оказаться спорадическим • Более вероятна война низкой интенсивности • Осады могут стать более заметными • Дальний удар и автоматизация являются предпочтительными методами борьбы
Военная администрация	• Администрация ограничена • Администрация полагается на контракты	• Заключение контрактов может стать основным средством управления военными и конкурентными усилиями в мирное время	• Частичная мобилизация и большая зависимость от наемников могут стать основными способами ведения войны требовать от покровителей военной помощи
Боевики это	- Профессиональные военные - дополненные подрядчиками, ополченцами, военизированными и другими вооруженными группами	• Имеются возможности для набора персонала по всему миру • Создание коалиции важно, но сложно поддерживать ее на должном уровне	
Некомбатанты	- Гражданские лица оказывают пассивную поддержку • Гражданское население может стать мишенью (этнические чистки, террор) • Призыв в армию ограничен	• Гражданская поддержка инициатив в области конкуренции является условной • Партнеры, сталкивающиеся со злодеяниями среди гражданского населения, могут	

- Коалиции могут быть более хрупкими и ограниченными из-за разнообразия участников
- Нестабильная общественная поддержка может привести к тому, что государства будут больше полагаться на наемников и автоматику

- Конкуренты могут противостоять друг другу во внутригосударственных войнах
- Хрупкая общественная поддержка в войне может стать мишенью для информационных операций

- Навязывание затрат посредством экономического и финансового принуждения может стать регулярной частью войны

ГЛАВА 7

Назад в прошлое? Будущее соперничества между США и Китаем

Действительно ли мир движется к чему-то напоминающему неосредневековье? Подтверждают ли текущие события суждение о том, что будущее, скорее всего, будет определяться ослаблением государств, фрагментацией общества, несбалансированной экономикой, всепроникающими угрозами и неформализацией войны? Одним из событий, которое может показаться опровергающим этот тезис, является вторжение России в Украину в 2022 году. Война включает в себя обычные боевые действия между двумя национальными вооруженными силами с координированными операциями между пехотой, танками, артиллерией и авиацией, что внешне напоминает тип современной войны, который, как утверждается в данном докладе, устарел. Действительно, российские власти в своих призывах к народной поддержке часто ссылаются на классические сражения Второй мировой войны между Советским Союзом и Германией в тех же регионах.[1]

Однако при ближайшем рассмотрении можно найти достаточно подтверждений тому, что современная война между национальными государствами прошла, и сейчас происходит переход в эпоху неосредневековья. Несмотря на продолжающуюся войну, вооруженные конфликты в мире в подавляющем большинстве случаев остаются внутригосударственными и интернационализированными внутригосударственными войнами.[2] В самом конфликте многие военные беды России объясняются ошибочной попыткой вести современную войну в неосредневековую эпоху. Военно-политическая ситуация в России демонстрирует

многие из описанных ранее слабостей и ограничений. Государство, отягощенное снижением легитимности

---

[1] Марк Тревельян, "Путин использует победу над Гитлером, чтобы подстегнуть российскую армию в Украине", Рейтер, 9 мая 2022 года.

[2] Юлия Палик, Анна Мари Обермайер и Сири Аас Рустад, *Тенденции конфликтов: A Global Overview, 1946-2021*, Peace Research Institute, 2022.

с трудом удалось провести даже частичную мобилизацию.[3] Сдерживаемая ограниченными ресурсами, Москва была вынуждена воевать с относительно скромными по размерам профессиональными военными, дополненными наемниками и нерегулярными силами, включая ополченцев, предоставленных криминальными полевыми командирами.[4] Отказавшись от классических маневренных сражений индустриальной эпохи, российские войска в значительной степени полагались на осады. Обе стороны стремились спровоцировать недовольство в соперничающем государстве, навязывая издержки в экономической, кибернетической и информационной сферах. Считая украинского лидера центром притяжения сопротивления, российские войска предпринимали многочисленные попытки убийства президента Владимира Зеленского.[5] Вооруженные силы обеих стран страдают от криминального хищничества, а коррупция особенно ослабила российские вооруженные силы.[6] Сочетание этих неосредневековых и современных черт характеризует российско-украинский конфликт как одну из серии войн, включая беспокойные вторжения США в Ирак и Афганистан, которые знаменуют переход от индустриальной эпохи к неосредневековой войне.

Болезненный опыт России в Украине подчеркивает ключевой вывод данного отчета: Лица, принимающие решения в США, и специалисты по планированию должны опасаться прибегать к стратегиям и методам, взятым из войн индустриальной эпохи, с которыми временные вооруженные силы имеют поверхностное сходство. Действительно, возможно, одна из самых больших опасностей, с которыми сталкиваются американские вооруженные силы, заключается в том, чтобы впасть в искушение предписывать решения эпохи индустриальных национальных государств для решения неосредневековых проблем. Этому искушению трудно противостоять, поскольку западные военные доказали свое превосходство на современном поле боя над другими обычными вооруженными силами. Сосредоточение внимания на вызовах, связанных с обычными вооруженными силами, заманчиво потому, что это одновременно подтверждает важность таких сил и формулирует проблемы в терминах, для которых существующие вооруженные силы были изначально разработаны.

Но этому искушению следует противостоять. Вместо этого следует разработать стратегии и планы обороны, опираясь на некоторые из

наиболее значимых тенденций, которые

---

[3] Эндрю Рот, "Кремль пытается успокоить ярость россиян из-за хаотичной мобилизации".
The Guardian, 1 октября 2022 года.

[4] Клара Феррейра Маркес, "Домашний военачальник Путина удваивается в Украине", *Вашингтон Пост*, 4 апреля 2022 года.

[5] Билл Босток, "Президент Украины пережил по меньшей мере 3 попытки покушения со стороны поддерживаемых Россией агентов за последнюю неделю, говорится в докладе", *Business Insider*, 4 мая 2022 года.

[6] Benowitz, 2022.

определяют эпоху неосредневековья следующим образом: ослабление государств, фрагментация обществ, несбалансированная экономика, повсеместное распространение угроз и неформализация войны.

В политической сфере ослабление государств - это тенденция, которая затрагивает все страны, включая США и Китай. Ухудшение государственной легитимности и снижение потенциала управления создают новые проблемы, о которых едва ли приходилось задумываться утешительным национальным государствам 20-го века. Однако это не новая проблема. Доиндустриальные общества и страны развивающегося мира уже давно борются с проблемами, связанными с недостаточным государственным потенциалом. Соединенные Штаты, имеющие более прочную основу легитимности, могут иметь преимущество перед Китаем и многими другими странами мира. Однако потрясения в американской политике последнего времени показывают, что это преимущество лучше рассматривать как степень, а не абсолют. Вопрос о том, как смягчить внутренние уязвимости и действовать в рамках этих ограничений, должен быть одним из основных в американо-китайской конкуренции и потенциальном конфликте. Углубляющаяся фрагментация обществ усугубляет политическую проблему. Опять же, эти особенности были характерны для доиндустриальных обществ и наиболее остро проявляются в развивающемся мире. По мере того, как национальное государство теряет свою привлекательность из-за снижения возможностей управления, индивиды, скорее всего, будут при- ориентироваться на альтернативные источники идентичности, ценностей и лояльности. Субнациональные сообщества могут действовать более автономно и координировать свои действия с внешними акторами. Устойчивое социальное неравенство также может подорвать способность государства вызывать патриотический энтузиазм. У государств мало привлекательных перспектив противостоять этим тенденциям. Усиление репрессий, как это сделал Китай, может ограничить возможности внешних сторон по вербовке сторонников. Однако репрессии не только жестоки, но и повышают риск маскировки коренных причин недовольства. Это может увеличить скрытую долгосрочную опасность взрывного восстания. Репрессии могут также оттолкнуть капитал и квалифицированную рабочую силу и подавить инновации. С другой стороны, неспособность обратить вспять фрагментацию чревата распадом страны на противоборствующие

группы, имеющие мало общего друг с другом. Разделенное и фрагментированное общество может повысить риск политических насилие.

Замедление и дисбаланс экономического роста, вызванные деиндус- триализацией развитых экономик, представляют собой еще одну ключевую проблему. Как и низкие темпы роста доиндустриальных экономик, низкие темпы роста производительности в национальных государствах ограничивают доступность ресурсов для оборонных целей.

Позы, усугубляющие ослабленный государственный потенциал и социальное неравенство, а также уязвимость экономического сектора в условиях конфликта. По мере исчезновения законных возможностей для продвижения по службе, притягательность незаконных доходов, скорее всего, будет расти. Более того, ослабление потенциала государства снижает его способность контролировать преступность. Незаконная экономика, похоже, готова процветать и может стать еще одним осложняющим фактором в международной политике.

Еще одним важным фактором является всеохватность угроз. Консолидированные национальные государства в основном беспокоились о вызовах, создаваемых вооруженными силами противников; государства в эпоху неосредневековья сталкиваются с гораздо более разнообразным и трудноразрешимым спектром опасностей. Усугубляя угрозы, создаваемые все более нестабильной и непредсказуемой международной обстановкой, государства сталкиваются с усиливающейся внутренней незащищенностью и растущим спросом на помощь со стороны стран-партнеров. Почти непреодолимый набор требований к военным происходит в период замедления и дисбаланса экономического роста и увеличения спроса на внутренние расходы на социальное обеспечение.

Военные действия, похоже, отходят от эпических войн и масштабных постановочных сражений, которые были характерны для индустриальной эпохи. Вместо этого боевые действия, скорее всего, будут напоминать неформализованные характеристики, характерные для доиндустриального общества. Иррегулярные силы и операции, включая наемников, повстанцев, военных и другие вооруженные группы, могут начать доминировать. Профессиональные военные останутся ключевыми действующими лицами, но их роль уменьшится. В результате правила и нормы ведения боевых действий могут кардинально измениться. Профессиональным военным придется все чаще сталкиваться с грабежами и нападениями на гражданское население со стороны нерегулярных противников. Значение постановочных сражений, скорее всего, снизится. Вместо этого осады и война на расстоянии, вероятно, станут более привлекательными для военных, стремящихся одержать победу над своими врагами, минимизируя риски прямого боя. Спрос на помощь со стороны государств-партнеров, ведущих внутригосударственную войну, может

увеличить постоянную нагрузку на скудные военные ресурсы.

Сила каждого из этих факторов усугубляется тем, что они взаимодействуют друг с другом и усиливают друг друга. Ослабление государства способствует фрагментации общества и неравномерному экономическому росту, а также снижает способность смягчать или предотвращать негосударственные угрозы. Государство становится неспособным обеспечить ресурсами крупные профессиональные силы и вынуждено больше полагаться на нерегулярные силы для обеспечения безопасности. Фрагментация общества препятствует усилиям государства по согласованному управлению и усугубляет несправедливый рост, поскольку гражданские распри между враждующими группами снижают экономическую активность. Опасности

Негосударственные угрозы также расширяются, если общество не может координировать свои действия для решения проблем как единое целое. Медленный и неравномерный рост усугубляет социальную и политическую фрагментацию и побуждает преступников охотиться на гражданское население в поисках быстрой наживы. Наконец, негосударственные угрозы и приватизированная война угрожают дестабилизировать общество и еще больше подорвать способность государств к управлению.

Необходимость новой парадигмы

Аналитики уже давно пытаются понять смысл странных и непривычных изменений в соперничестве между США и Китаем, которые не соответствуют нормам, установленным в индустриальную эпоху. Сравнение с холодной войной остается одной из общих точек отсчета в современном анализе и науке о конкуренции великих держав. Отголоски американо-советской борьбы 20 века можно увидеть в комментариях и политических рекомендациях, которыми пестрит литература об отношениях США и Китая в 21 веке.[7] Холодная война, вероятно, привлекает аналитиков по нескольким причинам. Во-первых, Союз Советских Социалистических Республик был последним великодержавным конкурентом Соединенных Штатов. Поскольку холодная война закончилась чуть более 30 лет назад, многие политические институты, экономические механизмы, современное оружие и технологии, существовавшие тогда, сохраняются и сегодня. Во-вторых, между Советским Союзом и Китаем есть общие черты. Например, в Советском Союзе и Китае правит коммунистическая партия, что позволяет предположить, что поведение Мос- кова может дать подсказки о потенциальном поведении Пекина. Конечно, практически все аналитики признают важные различия и предостерегают от простого копирования стратегий и концепций времен холодной войны. Но, учитывая очевидное отсутствие лучших альтернатив, холодная война остается для многих аналитиков образцом для подражания. Мощное влияние холодной войны на понимание нынешнего соперничества и то, почему во многих случаях оно может оказаться сомнительным, можно подчеркнуть, указав лишь на некоторые из резко контрастирующих

черт двух противостояний (Таблица 7.1).

[7] В качестве небольшого числа примеров см. Hal Brands, *The Twilight Struggle: What the Cold War Teaches Us About Great-Power Rivalry Today*, Yale University Press, 2022; Yukon Huang, "The U.S.-China Trade War Has Become a Cold War," Carnegie Endowment for International Peace, September 16, 2021; Hung Tran, "Is the U.S.-China Strategic Competition a New Cold War?". Атлантический совет, 21 апреля 2021 года.

ТАБЛИЦА 7.1

Контрастные аспекты великодержавного соперничества между холодной войной и эпохой Средневековья

Размер	США - Советский Союз (1950-1990 гг.)	США-Китай (2000 год - настоящее время)
Идеологический	- Эпоха характеризовалась бинарным идеологическое соревнование между относительно сплоченными обществами	• Эпоха характеризуется расколотыми соревнованиями между группами идентичности и между фрагментированными обществами
Экономика	- Высокая производительность, быстрый рост, и управляемые расходы позволяют щедрые военные бюджеты	• Низкая производительность, медленный рост и чрезмерные расходы напрягают военные бюджеты
Политика безопасности	- Внутренний фронт в • Патриотичное, активно вовлеченное население может быть мобилизовано на национальные усилия • Работа на дому является преимуществом	• Внутренний фронт небезопасен • Разочарованное, незаинтересованное население вряд ли будет мобилизовано на национальные усилия • Внутренняя ситуация является уязвимым местом

Современная конкуренция широко понимается как борьба идей и влияния. Часто это формулируется в бинарных терминах: *демократический* или *авторитарный*.[8] Официальные лица США поддержали этот подход, проведя "саммит за демократию" в 2021 году.[9] Такая формулировка повторяет бинарную идеологическую борьбу времен холодной войны, в которой свободный мир под руководством США противопоставлялся коммунистическому блоку - капитализм против коммунизма, как это формулировали Советы.[10] Однако использование парадигмы, вдохновленной холодной войной, для формулировки соревнования является скорее ошибочным, чем полезным по многим причинам. Во-первых, она затушевывает главную проблему сегодняшнего дня: ослабление государственного потенциала и легитимности. Разрыв между Китаем и Соединенными Штатами и их соответствующими партнерами, вероятно, в большей степени связан с противоположными подходами к этой центральной проблеме. Более того, Соединенные Штаты расходятся во мнениях

относительно того, как реагировать на проблемы неадекватного государственного потенциала и легитимности. Правительство Китая имеет видимость более единого подхода, но только потому, что его правительство подавляет другие

---

[8] Мэтью Кройниг, "Заблуждение власти", *Foreign Policy*, 11 ноября 2020 года.

[9] Государственный департамент США, "Саммит за демократию", веб-страница, без даты.

[10] Гэддис, 2006.

голоса. Правительство Китая подчеркивает важность обеспечения социальной стабильности, идеологической согласованности и этнонациональных чувств как основы легитимности. Соревнование выглядит расколотым, различные послания противоречат друг другу в странах и по всему миру.

С экономической точки зрения, во время холодной войны экономика США находилась на пике своего могущества, производя более четверти мирового ВВП. Огромное богатство, которое создавала высокопроизводительная экономика, позволяло тратить огромные средства на военные бюджеты. Учитывая ограниченность связей с экономиками регионов, где доминировал Советский Союз, Соединенные Штаты также могли позволить себе стратегию сдерживания. Сегодня экономики США и Китая гораздо более взаимозависимы, и большинство наблюдателей отвергают понятие сдерживания. Тем не менее, стремление разделить две экономики часто было продиктовано осознанием того, что Вашингтон успешно использовал сдерживание против Советского Союза. Американское и китайское оборонное планирование также продолжает отдавать предпочтение огромным военным бюджетам, направленным на улучшение обычных боевых возможностей, многие из которых были разработаны для холодной войны. Нынешнее противостояние разворачивается в иных экономических условиях, которые подчеркивают ограниченность такого подхода, учитывая глобализацию производства и взаимную зависимость двух крупнейших экономик мира. Экономики растут слишком медленно, чтобы работать без доступа к глобальным рынкам, а расходы на оборону, похоже, останутся ограниченными в ближайшие годы.

Политический аспект соревнования также претерпел значительные изменения. Холодная война стала продолжением мобилизационных стратегий, которые хорошо служили обеим сторонам на протяжении 20-го века. Соответствующие правительства призывали своих людей в армию, контролировали массивную оборонную промышленность и вели широкую пропаганду для мобилизации политических настроений против соперника. В нынешнюю эпоху консервация государственного потенциала ослабила способность правительств добиваться лояльности своего населения. Население, скорее всего, будет оставаться в значительной степени отстраненным, оставляя внешнюю политику все более зависимой от элит. Тем не менее, вместо

того, чтобы изучать способы работы в условиях вечно хрупкой общественной поддержки, эксперты часто призывают к нереалистичным или расплывчатым мерам по "исправлению" американской политики, предположительно с идеей восстановления потенциала политической мобилизации.[11]

---

[11] Кэтрин М. Гел и Майкл Э. Портер, "Исправляя политику США", *Harvard Business Review*, июль-август 2020 года.

Опыт холодной войны и мировых войн продолжает оказывать сильное влияние на осмысление нынешнего соперничества США с Китаем. Эта близость естественна, учитывая поверхностное сходство в плане аналогичных технологий, вооруженных сил и других современных характеристик. Но такой взгляд почти наверняка ошибочен и, вероятно, контрпродуктивен. Сходство, хотя и поверхностное, меньше, чем кажется. Во многих отношениях холодная война представляла собой заключительную главу в истории современных индустриальных национальных государств. Поскольку этот опыт вряд ли будет повторен в обозримом будущем, уроки, которые он преподносит, скорее всего, будут сомнительно полезными. Действительно, один из выводов нашего исследования заключается в том, что *любые политические рекомендации, основанные главным образом на опыте холодной войны или мировых войн, должны сразу же восприниматься скептически, поскольку они вытекают из исторической эпохи, которая все меньше имеет отношение к нашей собственной*. Лучшим подходом может быть интеграция уроков из нескольких периодов, с большим весом уроков, извлеченных из доиндустриальных обществ. Это не означает, что из изучения состязаний индустриальной эпохи нельзя извлечь ничего полезного, но, скорее всего, можно извлечь гораздо меньше релевантных уроков, чем часто ожидается. Релевантные уроки следует принимать только после тщательного изучения на предмет того, сохраняют ли они свою актуальность в неосредневековом мире. Неудачи России на Украине и болезненный уход Америки из Афганистана являются примерами того, что может произойти, когда устаревшее мышление доминирует в подходах к ведению войны. Чтобы избежать потенциально катастрофических ошибок и просчетов, необходима новая парадигма.

К новой парадигме соперничества великих держав: Неомедиевизм

Неосредневековая парадигма потребуется для того, чтобы направлять американских специалистов по оборонному планированию и лиц, принимающих решения, в ответ на радикально меняющуюся картину угроз и помочь им более эффективно справиться с вызовом со

стороны Китая. Выяснение того, как модели неосредневекового регресса взаимодействуют с современными и развивающимися технологиями и постиндустриальным развитием общества, станет центральной задачей будущих исследований. Общие тенденции затухания и регресса вполне могут быть необратимыми, но на них также будут влиять уникальные особенности современной жизни. Многие аспекты нынешней ситуации не имеют прецедентов в истории человечества.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

истории, включая повсеместное распространение цифровых технологий, наличие ядерного оружия, скорость и возможности современного транспорта, старение населения и надвигающуюся угрозу изменения климата. Неосредневековый мир неизбежно будет включать в себя смесь этих уникальных влияний, технологий и событий. Выяснение того, как силы предсовременности, умеренности и постсовременности взаимодействуют, определяя перспективы мира и процветания, станет все более важной задачей для аналитиков в ближайшие годы. Разработка новой парадигмы не гарантирует успеха. Но работа в рамках неосредневековой парадигмы повышает вероятность того, что стратегии и планы будут разрабатываться с учетом реалистичных и точных суждений о среде безопасности.

Дополнительное тщательное изучение динамики государственной деконсолидации и военных действий в развивающемся мире может дать ценные выводы. Развивающиеся страны в наибольшей степени испытали на себе неосредневековые тенденции, описанные в данном отчете. По сравнению с прошлыми годами, развивающиеся страны, которые раньше изучали развитый мир в поисках уроков, теперь могут оказаться объектом изучения развитых стран, стремящихся понять логику и смысл неожиданных событий и лучше предвидеть будущие тенденции. Хотя создание неосредневековой парадигмы безопасности выходит за рамки данного отчета, мы предлагаем некоторые общие выводы, которые могут послужить основой для ее будущего развития.

Первое и самое главное - эпоха неосредневековья останется. Описанные тенденции являются структурными, и возврат к условиям индустриального национального государства невозможен. Это связано с тем, что фундаментальная движущая сила - снижение силы индустриального национального государства - вряд ли может быть обращена вспять. Неосредневековая эпоха, скорее всего, продлится в течение столетия или дольше. Наиболее вероятной долгосрочной тенденцией является дальнейшее дробление и реконфигурация национальных государств в новые формы. Некоторые возможности, вытекающие из исторического прецедента, включают ослабленные центральные государства, которые делят власть с субнациональными

акторами. Но возможны и многие другие варианты. Чем раньше американские руководители и планировщики признают и примут реальность неосредневековой эпохи, тем быстрее будут разработаны соответствующие и эффективные стратегии и планы. В нынешней борьбе стратегическое преимущество может получить то государство, которое наиболее эффективно приспособится и адаптируется к новой реальности.

Во-вторых, реальность ослабления государств, вероятно, станет определяющей чертой соперничества между США и Китаем. Национальные государства переживают спад в политическом

легитимность и способность к управлению. От этой слабости страдают как США и Китай, так и практически все страны мира. По мере замедления экономического роста ослабление современных государств, скорее всего, будет со временем усугубляться, и усилия, направленные на то, чтобы полностью обратить эти тенденции вспять, вряд ли дадут результат. Однако это не означает, что укрепление государственного потенциала бесполезно - это далеко не так. Поиск путей повышения государственного потенциала и восстановления государственной легитимности станет центральной задачей в этом соревновании. Но даже в лучшем случае и США, и Китай будут более слабыми и менее сплоченными государствами, чем они были в прошлом веке. Любое оборонное планирование должно начинаться с осознания этой уязвимости и ограничений, которые она накладывает. Снижение потенциала и легитимности государства ограничивает возможности наращивания военной мощи и ведения конфликта, создает новые уязвимости, которые необходимо учитывать при подготовке к обороне, и открывает возможности для наступательных операций против соперничающих держав.

В-третьих, противодействие внутренним и транснациональным угрозам должно иметь такой же или более высокий приоритет, чем сдерживание обычных военных атак. По сравнению с современной индустриальной эпохой, государства как более защищены от внешних угроз, так и более уязвимы для внутренних угроз. Государства более защищены в том смысле, что ослабленные соперники обычно не имеют национальной воли и ресурсной базы, чтобы подчинить себе другие страны. Таким образом, большинство стран по-прежнему сталкиваются с меньшей угрозой вторжения и завоевания. Однако постоянная неустойчивая общественная поддержка правительства будет оставлять внутреннюю ситуацию постоянно уязвимой. Основная угроза для государств будет исходить из внутренних, а не внешних источников, включая пандемии, терроризм, преступность и политическое насилие. Поскольку неспособность обеспечить внутреннюю безопасность напрямую затрагивает легитимность государства, борьба с такими угрозами станет неотложной задачей. Возможно, потребуется соответствующее распределение ресурсов.

В-четвертых, крупная конвенциональная война между США и Китаем маловероятна из-за их политической, экономической и общественной слабости. Несмотря на возможность усиления

напряженности, те же тенденции делают маловероятными перспективы тотальной войны между США и Китаем. Постоянная хрупкость общественной поддержки, неспособность провести мобилизацию общества, а также превышающие риски и трудности поддержания войны высокого уровня сделали войну по образцу Второй мировой войны практически невозможной. Политические и экономические требования для крупной конвенциональной войны просто превышают то, что может позволить себе большинство неосредневековых государств. Это дает сильное основание для отказа от

стимул к ведению крупной обычной войны между великими державами. Более того, участие в войне высокого уровня повышает риск быстрого истощения скудных военных ресурсов, которые будет трудно восполнить, особенно с учетом конкурирующих требований по укреплению легитимности государства путем улучшения внутренней безопасности и управления.

В-пятых, цель и логика военных действий могут измениться соответствующим образом. Поскольку стремление к полной победе над "горячими точками", такими как Тайвань, неосуществимо, вместо этого конфликт может быть направлен на позиционное усиление за счет внутренних уязвимостей соперника. Ослабление государства открывает новые уязвимости, на которые может нацелиться соперник. Оказание государственной поддержки субнациональным акторам и сочувствующим группам, находящимся в государстве соперника, является одним из способов использования ослабленной легитимности соперничающих государств. Но другие методы также обещают потенциально высокую отдачу в плане влияния на принятие решений противником при низких затратах - сочетание, которому неосредневековым соперникам будет трудно противостоять. Оспаривание легитимности соперника может укрепить собственную легитимность. Государство с более сильным чувством политической легитимности может, соответственно, получить преимущество в привлечении иностранных талантов, капитала и технологий, которые сегодня играют большую роль в экономическом успехе, чем завоевание земель. Однако нападение на родину страны также обостряет восприятие угрозы и враждебности, особенно учитывая чувствительность, с которой государства относятся к собственному пошатнувшемуся чувству легитимности. Более того, некоторые государства-участники могут испытывать острый кризис из-за тех же тенденций ослабления государств, фрагментации обществ и всепроникающих угроз. Возможности и стимулы для марионеточных и нерегулярных операций, вероятно, будут расти как в мирное время, так и в случае военных действий. Война между великими державами, если она вообще будет иметь место, скорее всего, будет состоять в основном из хронического состояния низкоинтенсивного нерегулярного или прокси-конфликта или операций типа "siegelike".

В-шестых, обе армии, скорее всего, будут испытывать почти

непреодолимые требования к вечно ограниченным возможностям. Неосредневековая эпоха - это эпоха нехватки ресурсов из-за недостаточного предложения и чрезмерного спроса. Спрос на ресурсы намного превышает то, что может обеспечить несбалансированная, медленно растущая экономика неосредневековья. Учитывая слабость государственной легитимности, необходимость борьбы с внутренними и транснациональными угрозами хрупкой социальной стабильности будет оставаться острой. К этому добавляется еще и дороговизна и сложность замены дорогостоящего военного оборудования. Эти ограничения создают сильные стимулы для лидеров проявлять осмотрительность в использовании военной техники.

ресурсы. Сохранение военных ресурсов позволит использовать более скудные ресурсы для других неотложных нужд. Замена утраченных высококлассных платформ повлечет за собой большие альтернативные издержки по сравнению с внутренними потребностями развития государства, что может нанести прямой ущерб его политической легитимности. Стратегическое искусство будет направлено на экономию ресурсов и избежание ненужных столкновений, в которых расходуются дорогостоящие и труднозаменяемые военные возможности.

В-седьмых, переход от индустриальной к неосредневековой эпохе может таить в себе больше опасностей, чем потенциальный переход власти между Китаем и США, из-за распространения опасностей, вечной слабости государств и нехватки ресурсов для их устранения. Недавнее прошлое не всегда является надежным проводником в будущее, и это вдвойне верно при переходе в новую эпоху. Хотя возможности "перехода власти" между Китаем и США привлекают большое внимание, мы сомневаемся, что такой переход когда-либо произойдет, учитывая слабость соперников и распространение международного беспорядка. По крайней мере, изучение переходов власти должно быть дополнено более глубоким пониманием того, почему или как такие переходы могли или не могли произойти в развивающемся мире и в доиндустриальных обществах. Более того, не менее или даже более опасный риск заключается в том, что переход от современной к неоиндустриальной эпохе может сопровождаться конфликтами и политическими потрясениями. Исторические прецеденты таких переходов, такие как переход средневековой Европы к современности и переход древнего мира в средневековую эпоху, дают мало оснований для оптимизма. Эти периоды характеризовались значительным насилием, беспорядками и политическими потрясениями. Далеко не очевидно, что наш собственный переход в эпоху неосредневековья будет упорядоченным и свободным от насилия. По крайней мере, необходимо избежать распространенной ошибки - попытки вести последнюю войну, сосредоточившись на вопросах возможностей обычных сражений в стиле холодной войны, игнорируя при этом потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при переходе к неосредневековой эпохе.

В-восьмых, теории и идеи о международной политике и военных

действиях, полученные в основном в современную индустриальную эпоху, будут менее актуальны. Наиболее популярные теории и идеи относительно соперничества между США и Китаем, такие как теории реализма и перехода власти, в значительной степени опираются на данные о войнах и политике с 1800 по 2000 год. Например, теория "наступательного реализма" Миршаймера приобрела популярность благодаря его предсказанию надвигающейся войны, но его анализ основан почти исключительно на данных о европейском

истории от эпохи Наполеона до холодной войны.[12] Подобным образом, теория Хэла Брэнда и Майкла Бекли о вероятном увеличении числа войн из-за "упадка" национальной мощи основана главным образом на исследованиях войн за последние 150 лет.[13] Даже такие понятия, как национальная воля к войне, несут в себе предвзятость, возникшую в индустриальных национальных государствах, которая может не относиться к структуре неосредневековых обществ. Эти теории не являются по своей сути ошибочными и вполне могут быть верными. Однако они и все другие теории, основанные на современном опыте, должны пройти более строгую проверку, включающую рассмотрение исторического опыта за пределами последних 200 лет. В более широком смысле,
Американским специалистам по планированию и принятию решений потребуются новые теории, идеи и парадигмы, которыми они будут руководствоваться в неосредневековую эпоху.

В-девятых, все более слабая поддержка правительства со стороны населения, вероятно, усилит зависимость армии от наемников, беспилотных систем и партнеров по коалиции при проведении боевых операций. Постоянная демобилизация населения, упадок национального духа и глубина фрагментации общества означают, что внешняя политика и вопросы ведения войны вновь возвращаются в сферу компетенции высших правителей и поддерживающих их элит. Соответственно, может измениться и характер войны. Например, без необходимости мобилизации общественного мнения у лидеров может появиться больше свободы в развязывании и прекращении конфликта. Однако в то же время у лидеров может быть мало возможностей для эскалации конфликта дальше низкого уровня из-за вечной хрупкости общественного мнения. Общественность может согласиться на войну до тех пор, пока затраты будут приемлемыми и пока война не окажется слишком разрушительной. Действительно, успех в войне может зависеть от способности правителя достичь своих целей с приемлемой ценой для этого общего уровня пассивной поддержки населения. Соответствующая политика может включать масштабирование операций до скромных уровней, поддержание низких налогов, использование боеприпасов и беспилотных систем для минимизации политически значимых потерь. Напротив, в планах наступательной войны могут быть попытки создать трудности для населения противника путем нанесения ущерба экономике или

провоцирования общественных беспорядков с помощью кибернетических, информационных или других средств. Провоцирование общественного недовольства может способствовать достижению цели войны - оказать давление на соперничающее правительство, чтобы заставить его заключить временное перемирие и вернуться к переговорам по какому-либо ближайшему вопросу.

---

[12] Джон Миршаймер, *Трагедия великодержавной политики*, W. W. Norton, 2001.

[13] Хэл Брэндс и Майкл Бекли, "China Is a Declining Power-and That's the Prob- lem", *Foreign Policy*, September 24, 2021.

В-десятых, и наконец, экстремизм, коррупция и преступность, вероятно, станут более острыми в обществах и все более разрушительными для военной дисциплины. Фрагментация общества приведет к росту социального беспорядка, но социальные недуги будут проявляться по-разному, в зависимости от природы общества и силы его институтов. В США сочетание значительной индивидуальной свободы, социальной фрагментации, укоренившегося неравенства и уменьшающихся перспектив социальной мобильности, вероятно, увеличит риск политического экстремизма. Однако относительно сильные институты делают коррупцию и сговор правительства с преступниками менее заметными. В Китае, напротив, жесткие идеологические репрессии, большая этническая однородность и широкое государственное наблюдение снижают риск политического экстремизма за пределами регионов, где доминируют угнетенные меньшинства, таких как Тибет и Синьцзян. Однако слабые институты повышают вероятность роста коррупции и сговора между преступниками и государственными чиновниками в Китае. Беспорядок, поразивший общество, отразится и на вооруженных силах. Растущая зависимость от контрактов на выполнение военных работ открывает широкие возможности для коррупции. Экстремисты и преступники могут попытаться проникнуть в вооруженные силы, чтобы получить доступ к их оружию и оборудованию. Для обеспечения дисциплины может потребоваться больше ресурсов, а такие уязвимости могут ухудшить эффективность военных действий.

Адаптация к неосредневековому миру: Чье преимущество?

Эта неосредневековая эпоха не является ни гипотетической, ни маячащей в далеком будущем. Во многих отношениях она уже наступила. Тенденции, которые мы прослеживаем в этом отчете, покажутся знакомыми любому наблюдателю современной сцены. Но эти тенденции, которым едва исполнилось два десятилетия, только начинаются. Долгосрочная траектория указывает на их неизбежное углубление с течением времени. Хотя попытки противостоять этим тенденциям и обратить их вспять могут быть заманчивыми, такой

подход, скорее всего, окажется тщетным. Поиск путей приспособления к этим тенденциям, а в отдельных случаях их задержки или смягчения, будет иметь важное значение для достижения национального успеха.

Неосредневековый период, вероятно, продлится до конца века, а возможно, и дольше. Средневековая история длилась более 1000 лет, в конце концов,

простирается от падения Рима в 400-х годах нашей эры до конца 1400-х годов.[14] Доиндустриальная история Китая, имеющая много общих черт с эпохой неосредневековья, длилась еще дольше, более 3000 лет.[15] Что может последовать за эпохой неосредневековья, сказать невозможно, но совокупный опыт предыдущих человеческих цивилизаций свидетельствует против идеи возвращения к современным условиям. Более вероятно, что все, что последует за эпохой неосредневековья, будет иметь значительную преемственность с эпохой средневековья. По-другому можно сказать, что будущее вполне может заключаться в возвращении к нормам, которые преобладали практически во всех человеческих цивилизациях за пределами аномального современного индустриального периода.

Великие державы, которые наиболее эффективно освоят и приспособятся к неосредневековой реальности, могут получить важное преимущество перед соперниками, которые продолжают истощать все более скудные сокровища в тщетных попытках воссоздать прошлое. Какая страна лучше всего подходит для этого? Парадоксально, но более ограниченный опыт Китая в области современности может оказаться ценным преимуществом. Китай имеет богатый опыт работы за пределами современной индустриальной эпохи. Хотя КПК изначально выступала против доиндустриальной истории и традиций Китая, в последние годы Пекин изменил свою позицию.[16] С практической точки зрения, эта чувствительность к долгой истории Китая может позволить Пекину понять неосредневековые тенденции более интуитивно, чем западные страны, чья основная точка отсчета лежит в недавнем прошлом, в котором они преобладали. Чувствительность Китая к истории, выходящей за рамки последних двух столетий, может объяснить многие решения, которые в противном случае озадачивали наблюдателей. Например, поворот Китая к репрессиям и централизации власти может отражать острое осознание опасности ослабления государственной легитимности и сопутствующих опасностей внутреннего распада. Аналогичным образом, широкая антикоррупционная кампания Си может быть вызвана опасениями, что неконтролируемая элита может подорвать веру населения и способствовать ослаблению и распаду страны. Аналогичным образом, сосредоточенность военных на обеспечении внутреннего порядка и противостоянии широкому спектру государственных и негосударственных угроз может быть

вызвана опасениями, что неприкасаемые элиты могут подорвать веру населения и способствовать ослаблению и распаду страны.

---

[14] Норман Кантор, *Цивилизация Средневековья: Полностью пересмотренное и расширенное издание средневековой истории*, Harper Perennial, 1994.

[15] Джон К. Фэйрбэнк, *Китай: Новая история*, 2-е изд., Беллкнап Пресс, 2006.

[16] "Во время 39-й коллективной учебной сессии Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: Углублять изучение китайской цивилизации, истории" [把中国文明历史研究引向深入 增强历史自觉坚定文化自信], Синьхуа, 28 мая 2022.

опасность предполагает осознание опасности нетрадиционных источников и того, как они могут угрожать легитимности правительства.

Однако у Китая могут быть свои собственные "слепые пятна", когда речь идет об этом периоде исторического перехода. Опыт национального государства принес ему столь значительные выгоды, что правящая партия может сопротивляться отказу от идеала. Способность национального государства завоевывать лояльность народа, его склонность к сильным патриотическим чувствам и обеспечение налогов для финансирования государственной деятельности намного превосходит возможности имперских китайских правительств. Более того, идентичность КПК как "марксистской" партии неизбежно укореняет большую часть ее идентичности в современной индустриальной эпохе. Неудивительно, что китайские лидеры в целом стремились избирательно и политически определить традиционную культуру таким образом, чтобы она соответствовала идеологии КПК и современной политике.[17]

Адаптация может оказаться чрезвычайно трудной для Соединенных Штатов. Отчасти это объясняется тем, что прежний способ ведения дел так хорошо послужил стране. Благодаря своим радикальным инновациям в качестве либеральной демократии, в современной промышленности и в качестве технологического новатора, Америка внесла огромный вклад в эпоху индустриальных национальных государств. Более того, почти вся история Соединенных Штатов Америки разворачивалась в современную индустриальную эпоху. Американские аналитики и лица, принимающие решения, вероятно, столкнутся с сильными стимулами отвергать точки зрения, выходящие за рамки опыта национального государства.

Несмотря на эти проблемы, есть достаточно оснований полагать, что Соединенные Штаты смогут эффективно адаптироваться. Самым важным из них является врожденный динамизм и инновационность страны. Одной из причин успеха Америки как национального государства является ее готовность и способность постоянно экспериментировать и адаптироваться к историческим изменениям. Эта способность к адаптации может пригодиться и при переходе к неосредневековой эпохе. Если Соединенные Штаты хотят сохранить свое положение ведущего государства в будущем, поиск путей к

лидерству в качестве неосредневековой великой державы станет важнейшим шагом в этом направлении.

---

[17] "Придерживаться и совершенствовать социалистическую систему с китайской спецификой, Модернизация системы государственного управления и возможностей управления" [坚持和完善中国特色社会主义制度推进国家治理体系和治理能力现代化], *"В поисках истины"* [求是], 1 января 2020 года.

Глоссарий

	ослабление общее ослабление или ухудшение соответствующих аспектов современной жизни
Инициатива БРИБелт и Путь	
	КПККитайская коммунистическая партия
подрядчикКак	используется в данном отчете, это коммерческая организация, нанятая для обеспечения безопасности и оказания сопутствующих услуг. Наемники являются подмножеством подрядчиков.
	COVID-19 коронавирусная болезнь 2019
ФБРФедеральное	бюро расследований
фрагментация обществ	Размывание национального духа и повышение значимости конкурирующих групповых идентичностей, таких как разнообразные суб- и транснациональные сообщества, которые ставят во главу угла лояльность к чему-то другому, нежели национальное государство
	ВВП - валовой внутренний продукт
	МПО Межправительственная организация
несбалансированные экономики	Разрозненные модели роста неосредневековых экономик, в которых быстрый рост сосредоточен в нескольких секторах, в то время как в остальных секторах он незначительный рост в лучшем случае, и связанные с этим проблемы укоренившегося неравенства, застойной социальной мобильности и большой нелегальной экономики
неформализация	
военных действий	Переход от войны, ведущейся исключительно национальными вооруженными силами, к разнородным силам, состоящим из профессиональных войск, подрядчиков (или наемников) и сочувствующих вооруженных групп, таких как ополчение, и возрождение старых методов

ведения боевых действий, таких как	внутригосударственные конфликты, осады и нерегулярные конфликты.
наемникКак	используется в данном отчете, коммерческая организация, нанятая для участия в боевых действиях или для непосредственной поддержки боевых операций.

Глоссарии

современная индустриальная эпоха — Примерно период с 1800 по 2000 год, характеризующийся подъемом индустриальных национальных государств

НАТО — Организация Североатлантического договора

Неосредневековая эпоха — Исторический период, начинающийся примерно в 2000 году характеризуется ослаблением государственного потенциала, фрагментация обществ, несбалансированная экономика, всепроникающие угрозы и неформализация военных действий

НеомедиевизмХарактеризуется сочетанием одних аспектов современной жизни и ослаблением или регрессом других

НПОНеправительственная организация

РАРНародная вооруженная полиция

Всепроникающие угрозы — Распространение опасностей из военных и невоенных источников, таких как стихийные бедствия, инфекционные заболевания и агрессивные негосударственные субъекты подчеркивая растущую значимость внутренних и транснациональных опасностей даже при сохранении возможности конфликта с вооруженными силами соперничающих государств

НОАК — Народно-освободительная армия

КНРКитайская Народная Республика

регрессОбщее изменение черт, ассоциирующихся с индустриальной современной эпохой, в сторону моделей, более характерных для доиндустриальных обществ

ООНОбъединенные Нации

ослабление государств — Ухудшение политической легитимности государств из-заснижения их способности поддерживать легитимность, обеспечивать

внутреннюю безопасность и предоставлять удовлетворительный для населения уровень товаров, услуг и возможностей.

Ссылки

"В банках выявлено 240 случаев коррупции", *China Daily*, 24 октября 2005 года.

Асемоглу, Дарон, "Автоматизация и новые задачи: Как технологии вытесняют и восстанавливают труд", *Журнал экономических перспектив*, том 33, № 2, весна 2019 года.

"Придерживаться и совершенствовать социалистическую систему с китайской спецификой, продвигать вперед модернизацию системы государственного управления и управления Возможности" [坚持和完善中国特色社会主义制度推进国家治理体系和治理能力现代化], *Seeking Truth* [求是], 1 января 2020 года.

Альфани, Гвидо, "Экономическое неравенство в доиндустриальные времена: Европа и за ее пределами", *Журнал экономической литературы*, том 59, № 1, 2021.

Альфани, Гвидо, и Кормак у Града, ред., *Голод в европейской истории*, Кембридж Юниверсити Пресс, 2017.

Аллен, Дуглас В. и Йорам Барзель, "Эволюция уголовного права и полиции в доиндустриальную эпоху", *Журнал права, экономики и организации*, том 27, № 3, 2011.

Эллисон, Грэм, "*Предназначенные для войны: могут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида?* Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Альмустафа, Майсаа, "Рефрейминг кризиса беженцев: Европейский кризис миграции или "кризис защиты"?". *Политика и пространство*, том 1, № 1, 2020.

Андерсон, Бенедикт, *Воображаемые сообщества: Размышления о происхождении и распространении национализма*, Verso Books, 2016.

Андерсон, Кристофер Дж., Анна Гетмански и Сиван Хирш-Хофлер, "Разделение бремени: Income, Inequality, and Willingness to Fight," *British Journal of Political Science*, Vol. 50, No. 1, July 2018.

Эпплби, Джон К., *Под кровавым флагом: Пираты эпохи Тюдоров*, The History Press, 2009.

Ардуино, Алессандро, *Частная армия Китая: Защита нового Шелкового пути*, Springer, 2017.

Асони, Андреа и Тино Санандаджи, *Война богатых, борьба бедных? Социально-экономическая репрезентативность в современной армии*, рабочий документ, Научно-исследовательский институт экономики промышленности, 2013.

Аукуин, Дон, "Как поп-культура расширяется, общая культура

сокращается", *Чикаго Трибьюн*, 1 февраля 2006 года.

Авант, Дебора Д., "Заключение контрактов на услуги в военных операциях США".
Политические науки и политика, том 40, № 3, 2007.

Ссылки

Акстманн, Роланд, "Государство государства: Модель современного государства и ее современная трансформация", *Международное обозрение политической науки*, том 25, № 3, 2004.

Аззопарди, Дамьен, Фозан Фарид, Миккель Хермансен, Патрик Ленейн и Дуглас Сазерленд, *Снижение трудовой мобильности в США: На основе новых административных данных*, Организация экономического сотрудничества и развития, 14 декабря 2020 года.

Бахрах, Бернард и Дэвид Бахрах, *Военные действия в средневековой Европе ок. 400 - 1453*, Taylor and Francis Group, 2021.

Бэкман, Клиффорд, *Миры средневековой Европы*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2003.

Бейн, Уильям, ред., *Средневековые основы международных отношений*, издательство Routledge, 2017.

Бейкер, Рейчел, Айеша С. Махмуд, Ян Ф. Миллер, Малавика Раджив, Фидисоа Расамбайнариво, Бенджамин Л. Райс, Саки Такахаши, Эндрю Дж. Татем, Кэролайн Э. Вагнер, Лин-Фа Ванг, и др, "Инфекционные заболевания в эпоху глобальных изменений", *Nature Reviews Microbiology*, Vol. 20, 2020.

Банистер, Джудит, Дэвид Э. Блум и Ларри Розенберг, "Старение населения и экономический рост в Китае", Масахико Аоки и Цзиньлянь Ву, под ред.

Баризиц, Стефан, *Центральная Азия и Шелковый путь: Экономический подъем и упадок на протяжении нескольких тысячелетий*, Springer, 2017.

Бейлис, Джон, Стив Смитсон и Патриция Оуэнс, *Глобализация мировой политики: Введение в международные отношения*, Oxford University Press, 2016.

Бошамп-Мустафага, Натан, "Операции в когнитивном домене: Новая целостная концепция безопасности НОАК для операций влияния", *China Brief*, 6 сентября 2019 года.

Бивер, Энтони, *Вторая мировая война*, Литтл, Браун и Ко, 2012.

Беновиц, Скотт, "Организованная преступность: Упущенный из виду угол зрения на текущий конфликт в Украине", Pavlovic Today, 4 апреля 2022 года.

Бернштейн, Ивер, *Бунты призывников в Нью-Йорке: Их значение для американского общества и политики в эпоху гражданской войны*, Oxford University Press, 1991.

Биддл, Стивен, *Военная мощь: объяснение победы и поражения в современной битве*, Издательство Принстонского университета, 2004.

Бинг Лю [刘斌], *Новая технологическая революция и международная политика* [新科技革命与国际政治], Партийная школа Центрального

комитета КПК [中共中央党校)], 2004.

Бисвас, Соутик, "Как британская торговля опиумом привела к обнищанию индийцев", Би-би-си, 5 сентября 2019 года.

Боббитт, Филипп, *Щит Ахиллеса: Война, мир и ход истории*, Knopff Publishing, 2002.

Боббитт, Филипп, *Террор и согласие: Войны за двадцать первый век*, Knopf Double Day Publishing, 2009.

Боикс, Карлес, *Демократия и перераспределение*, Кембридж Юниверсити Пресс, 2003.

Bolgiano, David G., "Military Support of Domestic Law Enforcement Operations: Работа в рамках Posse Comitatus", *Бюллетень правоприменительной практики ФБР*, том 70, № 12, декабрь 2001 года.

Босток, Билл, "Президент Украины пережил по меньшей мере 3 попытки покушения со стороны поддерживаемых Россией агентов за последнюю неделю, говорится в докладе", *Business Insider*, 4 мая 2022 года.

Бойд, Генри, "Народная вооруженная полиция Китая: Реорганизованная и переориентированная", Международный институт стратегических исследований, 21 июня 2019 года.

Брэдшер, Кит, Чанг Че и Эми Чанг Чиен, "Китай смягчает ограничения "нулевого ковида" в знак победы протестующих", *Нью-Йорк Таймс*, 7 декабря 2022 года.

Бранд, Рональд А., "Суверенитет: Государство, личность и международная правовая система в двадцать первом веке", *Обзор международного и сравнительного права Гастингса*, № 25, 2002.

Брандс, Хэл, *"Сумеречная борьба: What the Cold War Teaches Us About Great-Power Rivalry Today*, Yale University Press, 2022.

Брандс, Хэл и Майкл Бекли, "Китай - падающая держава, и в этом проблема", *Foreign Policy*, 24 сентября 2021 года.

Брандс, Хэл и Зак Купер, "Соперничество между США и Китаем - это битва за ценности".
Foreign Affairs, 16 марта 2021 года.

Браун, Майкл Э., ред., *Выигрывают ли демократии свои войны?* Издательство Принстонского университета, 2011.

Браун, Уоррен К., *Насилие в средневековой Европе*, Routledge, 2011.

Бакли, Крис, "Расходы на внутреннюю безопасность Китая превышают бюджет армии", Рейтер, 4 марта 2011 г.

Бакли, Крис, "Китай ужесточает ограничения для юных онлайн-игроков и запрещает игры в школьные вечера", *Нью-Йорк Таймс*, 1 октября 2021 года.

Бюлер, Эмили и Кевин Скотт, "Расходы штатов и местных органов власти на защиту полиции в США, 2000-2017 годы", статистическая

справка, Министерство юстиции США, июль 2020 года.

Булл, Хедли, *Анархическое общество: Исследование порядка в мировой политике*, 3-е изд., Издательство Колумбийского университета, 2002.

Бункер, Роберт, "Переход к войне четвертой эпохи", *Бюллетень морской пехоты*, том 78, № 9, 1994.

Берджесс, Стивен Ф., "Восходящая биполярность в Южно-Китайском море: Американский ребаланс в Азию и экспансия Китая", *Современная политика безопасности*, том 37, № 1, 2016.

Баттон, Кеннет Джон и Генри Вега, "Влияние воздушного транспорта на перемещение рабочей силы", *Геожурнал*, том 71, вып. 1, 2008.

Кабальеро-Антони, Мели, *Переговоры по управлению нетрадиционной безопасностью в Юго-Восточной Азии и за ее пределами*, Издательство Колумбийского университета, 2018.

Цай Фан, Ду Ян и Ван Мэйян, *Миграция и трудовая мобильность в Китае*, Отчет о развитии человеческого потенциала ООН, 2009.

Кансиан, Марк Ф., Адам Сакстон, Ли Энн Брайан и Оуэн Хелман, "Промышленная мобилизация - оценка возможностей, рисков в военное время и хрупкости системы", *журнал инженеров ВМС*, том 132, № 2, 2020.

Кантор, Норман, *Цивилизация Средневековья: Полностью пересмотренное и расширенное издание средневековой истории*, Harper Perennial, 1994.

Кастильо, Хуан Антонио Кирос, ред., *Социальное неравенство в раннесредневековой Европе*, Brepols, 2020.

Каслс, Фрэнсис Г., "Что случилось с коммунистическим государством всеобщего благосостояния?".
Исследования сравнительного коммунизма, том 19, № 3, осень/зима 1986 года.

Седерман, Ларс-Эрик, Т. Камбер Уоррен и Дидье Сорнетт, "Испытание Клаузевица: Национализм, массовая мобилизация и тяжесть войны", *Международная организация*, том 65, № 4, осень 2011.

Центральное народное правительство Китайской Народной Республики [中华人民共和国中央人民政府], "Высококачественное совместное строительство в рамках инициативы "Пояс и путь" достигло выдающихся результатов" [高质量共建 "一带一路 "成绩斐然], 25 января 2022. По состоянию на 4 августа 2022 года:
http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:WNlBS8pmPR4J:www.gov.cn/xinwen/2022-01/25/content_5670280.htm+&cd=4&hl=en&ct=cln˚k&gl=us&client=safari

Чейф, Уильям, *Незаконченное путешествие: Америка после Второй мировой войны*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2006.

"Председатель Центрального военного комитета Си Цзиньпин подписывает приказ, объявляющий основные положения о военных операциях армии в невоенный период (пробный вариант)"

[中共军委主席习近平签署命令, 发布《军队非战争军事行动纲要(试行)》], *People's Daily* [人民日报], 14 июня 2022 года. По состоянию на 5 августа 2022 года: http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0614/c64094-32445496.html

Charles River Editors, *Medieval Europe's Mercenaries: История наемных солдат по всей Европе и Византийской империи в средние века*, 2020.

Чейз, Майкл С., Джеффри Энгстром, Тай Минг Чунг, Кристен А. Ганнесс, Скотт Уоррен Гарольд, Сьюзан Пуска и Сэмюэл К. Берковиц, *Незавершенная военная трансформация Китая: Оценка слабых сторон Народно-освободительной армии (НОАК)*, RAND Corporation, RR-893-USCC, 2015. По состоянию на 17 марта 2023 года: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR893.html

Чэнь, Хуншэн, Синьпин Ван, Го Чэнь и Жиган Ли, "Восходящая социальная мобильность в Китае: Имеют ли значение города и районы?". *Habitat International*, Vol. 82, 2018.

Чэнь Чжиюн (陈志勇), "Прочно ухватить власть идеологического дискурса в эпоху всех СМИ" [牢牢掌握全媒体时代意识形态话语权], Синьхуа, 27 ноября 2019 года.

"Китай ограничивает поп-культуру, чтобы "контролировать" молодежь", агентство Франс Пресс, 29 сентября 2021 года.

"Китай требует быстрых действий против убийц своих граждан в Пакистане", "Голос Америки", 27 апреля 2022 года.

"Китайский фокус: Китай опровергает обвинения западных стран в нарушении прав человека", Синьхуа, 23 июня 2021 года.

"Китаю необходимо "упорядоченное развитие" капитала - People's Daily", Рейтер, 8 февраля 2022 года. По состоянию на 5 апреля 2023 года: https://www.reuters.com/markets/europe/.
china-needs-orderly-development-capital-peoples-daily-2022-02-08/

"Китай никогда не позволит нанести ущерб суверенитету, безопасности и интересам развития: Си", Синьхуа, 23 октября 2020 года.

"Китай предлагает больше помощи пострадавшим от тайфуна на Филиппинах", Синьхуа, 22 декабря 2021 года.

"Китайская партия заявляет, что почти 5 миллионов человек были обвинены в коррупции", Ассошиэйтед Пресс, 17 октября 2022 года.

"Китай говорит, что расходы на военные закупки снизились по сравнению с предыдущими годами", Рейтер, 9 апреля 2015 года.

"Китай осуждает присвоение США статуса Института Конфуция", Синьхуа, 14 августа 2020 года.

"Китай призывает США отказаться от менталитета холодной войны", Синьхуа, 21 июля 2020 года.

"Долг Китая поднимется до рекордного уровня в 2022 году, говорит правительственный советник", Bloomberg News, 5 июля 2022 года.

"Гигантский потребительский рынок Китая будет развиваться ускоренными темпами в 2022 году", *People's Daily*, 22 февраля 2022 года.

"Китайские катера патрулируют реку Меконг", *People's Daily*, 20 декабря 2016 г.

Чинг, Стив, Ченг Сяо, Шуй Ки Ван и Тонгсан Ванг, "Экономические преимущества глобализации: Влияние вступления в ВТО на рост Китая", *Тихоокеанский экономический обзор*, 5 августа 2011 года.

Чиввис, Кристофер С., "Понимание российской "гибридной войны": And What Can Be Done About It", показания, представленные в Комитете по вооруженным силам Палаты представителей 22 марта 2017 года, RAND Corporation, CT-468, 2017. По состоянию на 6 февраля 2023 года: https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html

Кристенсен, Томас Дж., "Укрепление стабильности или создание монстра? Подъем Китая и политика США в отношении Восточной Азии", *Международная безопасность*, том 31, № 1, 2006.

Chu Juntian [初军田], Nuanchen Wang [王暖臣], and Yingwei Guan [管英伟], "Some Reflections about the Future Land Battlefield Movement" [对未来陆战场变化的思考], *Journal of Academy of Armored Force Engineering* [装甲兵工程学院学报), Vol. 2, 2006.

Chuanyin Lu [鲁传颖], *Theoretical and Practical Studies on Cyberspace Global Governance and Multi-Stakeholder* [网络空间全球治理与多利益攸关方的理论与实践探索], диссертация, Восточно-китайский нормальный университет [华东师范大学-博士论文], 2016.

Чунтао Ся [夏春涛], "A Probe into the British Mercenaries in the Taiping Rebels" [太平军中的英国雇佣兵问题初探], *Modern History Research* [近代史研究], No. 5, 1994.

Chwieroth, Jeffrey M., and Timothy J. Sinclair, "How You Stand Depends on How We See: Международная мобильность капитала как социальный факт", *Обзор международной политической экономии*, том 20, № 3, 2013.

Чорчиари, Джон Д. и Джессика Чен Вайс, "Националистические протесты, реакция правительства и риск эскалации в межгосударственных спорах", *Исследования по безопасности*, том 25, № 3, 2016.

"Гражданские волнения во всем мире удвоились за последнее десятилетие", веб-страница, Vision of Humanity, 2020.

Клэнси, Лора, Розалин Грей и Бао Ву, "Значительная часть населения многих стран пессимистично настроена в отношении будущего следующего поколения", Pew Research Center, 11 августа 2022 года.

Клунан, Энн Э. и Гарольд А. Тринкунас, *Неуправляемые пространства*, Издательство Стэнфордского университета, 2010.

Кочиани, Риккардо, "Новый "закон о военной службе" Китая направлен на решение трудностей с призывом", Джейнс, 26 августа 2021 года.

Коэн, Джером, "Болезненная история коммунистического Китая в области прав человека", Совет по международным отношениям, 26 сентября 2019 года.

Коэн, Рафаэль С., "Ложный выбор между Китаем и Россией", *The Hill*, 21 февраля 2022 года.

Кок-Гамильтон, Памела и Джеффри Харди, "Незаконная торговля ставит под угрозу окружающую среду, закон и ЦУР", Всемирный экономический форум, 18 июля 2019 года.

Колас, Алехандро, *Наемники, бандиты, пираты и империи: Частное насилие в исторической перспективе*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2010.

Комиссия по борьбе с незаконным оборотом синтетических опиоидов, *Заключительный отчет*, февраль 2022 года.

Бюджетное управление Конгресса, *Распределение доходов домохозяйств, 2018 год*, август 2021 года. По состоянию на 11 июля 2022 года: https://www.cbo.gov/system/files/2021-08/57061-Distribution-Household-Income.pdf

Купер, К[арлс], Дж[аймс] Стейнберг и М[ихаил] Ширс, *Эволюция европейской экономики: Последствия для трансатлантических отношений*, RAND Corporation, N-3432-FF, 1992. По состоянию на 3 февраля 2023 года: https://www.rand.org/pubs/notes/N3432.html

Корделли, Кьярра и Джонатан Леви, "Этика глобальной мобильности капитала".
American Political Science Review, Vol. 116, No. 2, May 2022.

"Корреляты войны", домашняя страница, 2022. По состоянию на 6 февраля 2022 года: https://correlatesofwar.org/

Кроули, Майкл, "США штрафуют китайские компании за содействие экспорту иранской нефти", *Нью-Йорк Таймс*, 29 сентября 2022 года.

Cuihong Cai [蔡翠红], "Sino-U.S. Relations in Cyberspace: Competition, Conflict, and Cooperation" [网络空间的中美关系:竞争、冲突与合作], *American Studies Quarterly* [美国研究], Vol. 3, 2012.

Каттино, Г. П., *Английская средневековая дипломатия*, Indiana University Press, 1985.

Дабла-Норрис, Эра, Калпана Кочхар, Нуджин Супхапхипхат, Франтишек Рикка и Эвридики Цунта, *Причины и последствия неравенства доходов: Глобальная перспектива*, Международный валютный фонд, июнь 2015 года.

Далькамп, Юрген, Йорг Диль и Роман Лехбергер, "Скользкий голландский склон от наркотерпимости к наркотеррору", *Der Spiegel*, 20 октября 2021 года.

Дай Инькун, "Цинские военные институты и их влияние на правительство, экономику и общество, 1640-1800", *Журнал истории Китая*, том 1, 2017.

Д'Антуоно, Стивен М., "Борьба с отмыванием денег и другими формами незаконного финансирования: Взгляды регуляторов и правоохранительных органов на реформу".
выступление в Комитете Сената по банковскому делу, жилищному строительству и городским делам, 29 ноября 2018 года.

Дасгупта, Рана, "Гибель национального государства", *The Guardian*, 5 апреля 2018 года.

Дачжэн Ма [马大正], "Имперская пограничная политика и управление Древнего Китая [中国古代的边疆政策与边疆治理], *Исследования западных регионов* [西与研究], Том 4, 2002.

Де Бур, Джон и Луиза Босетти, "Взаимосвязь преступности и конфликтов: Состояние доказательств", Университет ООН, июль 2015 года.

Денг, Кент, "Экономическая история досовременного Китая (с 221 г. до н.э. до ок. 1800 г. н.э.)", веб-страница, Ассоциация экономической истории, без даты.

Десилвер, Дрю, "Для большинства американских работников реальная заработная плата почти не изменилась за десятилетия", Pew Research, 7 августа 2018 года.

ДеЯнг, Карен и Лиз Слай, "Наши глобальные институты терпят неудачу перед лицом пандемии", *Вашингтон Пост*, 15 апреля 2020 года.

"Повысился ли уровень жизни во время промышленной революции?". *The Economist*, 13 сентября 2013 года.

Диланян, Кен, "Американские университеты являются легкой мишенью для китайских шпионов".
Чиновники разведки США", NBC News, 2 февраля 2020 года.

Диланян, Кен, "Facebook говорит, что удалил китайские аккаунты, которые пытались вмешаться в промежуточные выборы в США", NBC News, 27 сентября 2022 года.

Дин Доу, "Работы НОАК по оказанию помощи при стихийных бедствиях: Обзор и реформа", *Политика Восточной Азии*, том 2, №3, июль-сентябрь 2010.

Дин Юньлян [丁云亮], "Строительство способности к национальному дискурсу в эпоху социальных медиа" [社交媒体时代国家话语能力的建构逻辑], *Айсисян*, 25 ноября 2020 г. По состоянию на 4 июля 2022 года: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:NIyKAe1SRZ0J:https://www.aisixiang.com/data/123659.html+&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=us&client=safari

ДиСальво, Дэвид, "Смерть от отчаяния из-за наркотиков, алкоголя и самоубийств достигла нового максимума, предупреждает новый отчет", *Forbes*, 14 июня 2019 года.

Dobbins, James, Howard J. Shatz, and Ali Wyne, *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue: Different Challenges, Different Responses*, RAND Corporation, PE-310-A, 2019. По состоянию на 31 января 2023 года: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html

Доббс, Ричард, Свен Смит, Яана Ремес, Джеймс Маньика, Чарльз Роксбург и Алехандра Рестрепо, *Мир городов: Составление карты экономической мощи городов*, Институт Кинси, март 2011 года.

Донг Джунг Ким, "Экономическое сдерживание как стратегия соперничества великих держав", *Международные отношения*, том 95, № 6, 2019.

Дуглас, Джейсон, "Китайский сектор услуг демонстрирует самый резкий спад с начала пандемии", *Wall Street Journal*, 6 апреля 2022 года.

Дутат, Росс, *Декадентское общество: как мы стали жертвами собственного успеха*, Саймон и Шустер, 2020.

Довер, Роберт М., "Война в Украине: Путин переписывает правила осадной войны этой зимой", *The Conversation*, 3 ноября 2022 года.

Дрю, Кевин, "На фоне беспорядков Америка неузнаваема для своих союзников", *U.S. News and World Report*, 28 августа 2020 года.

Дрейер, Эдвард, "Тунтяньское земледелие династии Мин", *Исследования Мин*, том 1987, № 1, 1987.

Дуа, Джатин, "Угнанные: Пиратство и экономика защиты в западной части Индийского океана", *Сравнительные исследования общества и истории*, том 61, № 3, 28 июня 2019 года.

Дуань Цзюньцзе [段君泽], "Применение Россией "гибридной войны" и ее Влияние" [俄式 "混合战争" 实践及其影响], *Современные международные отношения*
[现代国际关系], 2017.

Дюпюи, Карен и Сири Аас Рустад, "Тенденции в вооруженных конфликтах, 1946-2017", Институт исследования проблем мира в Осло, 2018.

"Во время 39-й коллективной учебной сессии Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: Углублять изучение китайской цивилизации, истории"
[把中国文明历史研究引向深入 增强历史自觉坚定文化自信], Синьхуа, 28 мая 2022 года.

Истон, Марк, "Дилемма мигрантов в Великобритании - все дело в Brexit", BBC, 22 ноября 2021 года.

Эдмундс, Тимоти, "Для чего нужны вооруженные силы? Меняющийся характер военных ролей в Европе", *Международные отношения*, том 82, № 6, 2006.

Эдвардс, Себастьян, *Мобильность капитала и экономическая эффективность: Отличаются ли развивающиеся экономики?* рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, январь 2001 года.

Эдвардс, Стюарт, *Парижская коммуна 1871 года*, Eyre and Spottiswoode,

1971.

Экши, Мухаррем, "Сирийский кризис как прокси-война и возвращение реалистической великодержавной политики", *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*, 2017.

Инглиш, Ричард, *Современная война: очень краткое введение*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 2013.

Агентство по охране окружающей среды, "Будущее изменения климата", веб-страница, без даты.

Эпштейн, Стивен, *Техника в западноевропейских городах*, Routledge, 2004.

Эшерик, Джозеф В., и Мэри Б. Рэнкин, ред., *Китайские местные элиты и модели господства*, Издательство Калифорнийского университета, 2018.

Эстевадеордал, Антони, Брайан Франц и Алан М. Тейлор, "Взлет и падение мировой торговли, 1870-1939", *Ежеквартальный журнал экономики*, том 118, № 2, 2003.

"Гражданская война в Эфиопии" [埃塞俄比亚 "内战外打"], Синьхуа, 23 декабря 2021 года. Фахим, Карим, Зейнеп Каратас и Робин Диксон, "Русские мужчины, бегущие от мобилизации и оставившие все позади", *Washington Post*,
28 сентября 2022 года.

Фэйрбэнк, Джон К., *Китай: Новая история*, 2-е изд., Беллкнап

Пресс, 2006. ФБР - *см.* Федеральное бюро расследований.

Федеральное бюро расследований, "Стремление Китая к экономическому и политическому господству угрожает безопасности Америки", пресс-релиз, 1 февраля 2022 года. По состоянию на 3 февраля 2023 года: https://www.fbi.gov/news/stories/
директор-рей-адрес-угрозы, нависшие над нами со стороны китая-020122

Фелбаб-Браун, Ванда, "Правила и нормы в неуправляемых пространствах: Незаконная экономика, преступники и воюющие стороны", в книге "*Неуправляемые пространства: Альтернативы государственной власти в эпоху смягчения суверенитета*, Издательство Стэнфордского университета, 2010.

Фенг, Эмили, "Китай стирает тысячи аккаунтов в социальных сетях за вульгарность, негатив и многое другое", NPR, 3 марта 2022 года.

Фэнли Дэн [邓礼峰], "Подавление бандитов в начале правления П.Р.Ц. (часть 1)" [建国之初的大剿匪 (上)], *Outlook* [瞭望], № 29, 1999a.

Фэнли Дэн [邓礼峰], "Подавление бандитов в начале П.Р.Ц. (часть 2) [建国之初的大剿匪 (下)]," *Outlook* [瞭望], № 30, 1999b.

Фергюсон, Ниалл, *Великое вырождение: Как разлагаются институты и умирают экономики*, Penguin Books, 2014.

Фейен, Эрик, Джон Фрост, Леонардо Гамбакорта, Хариш Натараджан и Мэтью Саал, "Финтех и цифровая трансформация финансовых услуг: Последствия для структуры рынка и государственной политики", Банк международных расчетов, BIS Papers No. 117, июль 2021 года.

Филд, Мэтт, "Ведут ли США и Китай "техническую войну" за полупроводники и другие передовые технологии?". *Bulletin of the Atomic Scientists*, 21 октября 2022 года.

Флэниган, Шон Т., "Мотивы и последствия предоставления общественных работ организацией La Familia Michoacana/Knights Templar и другими мексиканскими наркокартелями", *Журнал стратегической безопасности*, том 7, № 3, осень 2014 г.

Фоа, Роберто Стефан и Яша Мунк, "Опасность деконсолидации: Демократический разрыв", *Журнал демократии*, том 27, № 3, июль 2016.

Форт, Тереза К., Джастин Р. Пирс и Питер К. Шотт, "Новые взгляды на снижение занятости в обрабатывающей промышленности США", *Журнал экономических перспектив*, том 32, № 2, весна 2018.

Франс, Джон, "Средневековые иррегулярные войны, ок. 1000-1300 гг.", в Джон Франс, Келли Деврис, и Клиффорд Дж. Роджерс, ред., *Средневековая военная история*, Cambridge University Press, 2017.

Франсуа, Марта Эллис, "Восстания в Европе позднего средневековья и раннего нового времени: Спиральная модель", Журнал междисциплинарной истории, том 5, № 1, 1974.

Франгониколопулос, Кристос, "Объяснение роли и влияния социальных медиа на "арабскую весну", "*Academia's Global Media Journey*, Vol. 8, No. 1, 2012.

Франтианни, Микеле, "Итальянские городские государства и финансовая эволюция", *Европейский обзор экономической истории*, том 10, № 3, 2006.

Фридберг, Сидни Дж., "Филиппинский тайфун демонстрирует стратегическое превосходство США над Китаем", Breaking Defense, 11 ноября 2013 г.

Фриланд, Христя, "Восход новой глобальной элиты", *The Atlantic*, январь/февраль 2011 года.

Фридрихс, Йорг, "Смысл новой медиевистики", *Европейский журнал международных отношений*, том 7, № 4, 2001.

Фу Ин, "Обсуждение изменений в международном порядке", *China-US Focus*, 31 июля 2018 года.

Фугельсо, Карл, *Исследования по медиевистике: Определение неомедиевализма(ов) II*, Boydell & Brewer, 2011.

Фукуяма, Фрэнсис, *Конец истории и последний человек*, Свободная пресса, 1992.

"Полный текст: Политика Китая в отношении Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в области безопасности", Синьхуа, 11 января 2017 года.

Гэддис, Джон, *Холодная война: новая история*, Penguin Books, 2006.

Галларотти, Джулио М., "Пределы международной организации:

Системный провал в управлении международными отношениями",
Международная организация, том 45, № 2, 1991.

Гарсия, Зенел и Филлип Герриро, "Провинциальные игроки в китайской инициативе "Пояс и путь", Политический форум Азиатско-Тихоокеанского политического общества, 9 мая 2022 года.

Гебре, Самуэль, "Китай выступает против угрозы США наложить санкции на Эфиопию", Блумберг, 23 сентября 2021 года.

Гел, Кэтрин М. и Майкл Е. Портер, "Исправление политики США", *Harvard Business Review*, июль-август 2020 года.

Гейзельбергер, Генрих, ред., *Великая регрессия*, издательство Wiley, 2017.

Гибсон, Кэмпбелл и Кей Юнг, *Историческая статистика переписи населения по расам, с 1790 по 1990 год, и по испаноязычному происхождению, с 1970 по 1990 год, для крупных городов и других городских населенных пунктов США*, рабочий документ, Бюро переписи населения США, февраль 2005 года.

Гилсинан, Кэти, "Военная машина работает на контрактах", *The Atlantic*, 17 января 2020 года.

Гишкори, Захид, "Экономический коридор: 12 000 человек охраняют китайских рабочих", *Express Tribune*, 30 марта 2015 г.

Гледич, Нильс Петтер, Стивен Пинкер, Брэдли А. Тайер, Джек С. Леви и Уильям Р. Томпсон, "Упадок войны", *International Studies Review*, Vol. 15, No. 3, September 2013.

Гленн, Патриция А., "Информационные технологии в глобальной экономике".
Вычислительная экономика, том 6, № 2, 1993.

Глобальная инициатива, *Глобальная незаконная экономика*, март 2021 года.

Гобель, Кристиан и Линетт Х. Онг, "Социальные волнения в Китае", Европейская сеть исследований и консультаций по Китаю, 2012.

Гёльцхаузер, Грег и Дэвид М. Кониски, "Состояние американского федерализма в 2019-2020 гг: Поляризованные и карательные межправительственные отношения", *Publius*, Vol. 50, No. 3, Summer 2020.

Голдин, Клаудия и Роберт А. Марго, *Великое сжатие: Структура заработной платы в США в середине века*, рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, август 1991 года.

Голдстоун, Джек, "Датировка великого расхождения", *Журнал глобальной истории*, том 16, № 2, 2021.

Гонсалес, Дженнифер, "Пираты, каперы и морское законодательство времен Гражданской войны", блог Библиотеки Конгресса, 28 мая 2020 года.

Гулд, Кэрол К., ред., *Культурная идентичность и национальное государство*, Rowman & Littlefield, 2001.

Графф, Дэвид А. и Робин Хайгам, *Военная история Китая*, Издательство

Университета Кентукки, 2011.

DeepL
Подпишитесь на DeepL Pro и переводите документы бо
Подробнее на www.DeepL.com/pro.

Грамлих, Джон, "Что говорят (и не говорят) данные о преступности в США", Pew Research, 20 ноября 2020 года.

Гринхилл, Келли М., "Миграция как оружие в теории и на практике". *Военное обозрение*, том 96, № 6, 2016.

Гробе, Анна Малрин, "Прокси-война или нет, США и союзники по НАТО проявляют изобретательность в помощи Украине", *Christian Science Monitor*, 18 июля 2022 года.

Гуан Ся, "Китай как "государство-цивилизация": Историческая и сравнительная интерпретация", *Procedia Social and Behavioral Sciences*, Vol. 140, August 2014.

Хэнли, Уэйн, *Генезис наполеоновской пропаганды 1796-1799*, Издательство Колумбийского университета, 2005.

Хансон, Фергус, Эмилия Керри и Трейси Битти, "Принудительная дипломатия китайской коммунистической партии", Австралийский институт стратегической политики, август 2020 года.

Харте, Джулия, "Военнослужащие США были осуждены за преступления в Ираке и Афганистане на сумму 50 миллионов долларов", Public Integrity, 5 мая 2015 года.

Хэ, Алекс Цзинвэй, "Благосостояние - наше: Миграция из села в город и шовинизм внутреннего благосостояния в городском Китае", *Журнал современного Китая*, том 31, № 134, 2022.

He Maochun [何茂春], Bin Tian [田斌], "Basic Evaluation of China's National Security and the Threats" [当前中国国家安全的基本评估与威胁因素], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], Vol. 11, 2014.

Хэ Цин [何芹], "Эффективность управления и легитимность правящей партии" [政绩与执政党的合法性], *Frontier* [前沿], Vol. 8, 2004.

Хит, Тимоти Р., "Китайские операции влияния нацелены на СМИ диаспор", War on the Rocks, 1 марта 2018 года. По состоянию на 11 июля 2022 года: https://warontherocks.com/2018/03/. beijings-influence-operations-target-chinese-diaspora/

Хаймбергер, Филипп, "Влияет ли экономическая глобализация на неравенство доходов? Мета-анализ", *Мировая экономика*, ноябрь 2020.

Хеллейнер, Эрик, *Государства и возрождение глобальных финансов*, Издательство Корнельского университета, 1994.

Хелмус, Тодд К., Ханна Джейн Бирн и Кинг Мэллори, *Противодействие насильственному экстремизму в вооруженных силах США*, RAND Corporation, RR-A1226-1, 2021. По состоянию на 30 марта 2023 года: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1226-1.html

Хэн Цзян [蒋姮], "Оценка и управление геополитическими рисками,

связанными с "Один пояс - один путь"" ["一带一路" 地缘政治风险的评估与管理], *Intertrade* [国际贸易], том 8, 2015.

Хипгрейв, Дэвид, "Контроль инфекционных заболеваний в Китае от Мао до наших дней", *Журнал глобального здравоохранения*, том 1, № 2, 2011.

Хиршман, Чарльз и Элизабет Могфорд, "Иммиграция и американская промышленная революция с 1880 по 1920 год", *Исследования в области социальных наук*, том 38,
No. 4, 2009.

Холмс, Джордж, *Оксфордская история средневековой Европы*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 1988.

Холсти, Калеви, *Мир и война: вооруженные конфликты и международный порядок, 1648- 1989*, Кембридж Юниверсити Пресс, 1991.

Hong Yuan [洪源], "The New Form of Future Wars and Its Influencing Factors" [未来战争的新形态及其影响因素分析], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], Vol. 10, 2021.

Hongwei Wang [王宏伟], "The Rise and Prospect of Private Military Companies" [私人军事公司的兴起原因及发展前景], *International Forum* [国际论坛], No. 3, 2005.

Хоппит, Джулиан, "Нация, государство и первая промышленная революция".
Журнал британских исследований, том 50, № 2, 2011.

Хорн, Джефф, Леонард Н. Розенбанд и Мерритт Роу Смит, *Переосмысление промышленной революции*, MIT Press, 2010.

Хоровиц, Джулиана, Рут Игельник и Ракеш Кочхар, "Тенденции в неравенстве доходов и богатства", Pew Research Center, 9 января 2020 года.

Ху Цзиньтао, "Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 18-м съезде партии", 14 ноября 2012 года. По состоянию на 31 марта 2023 года: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zt_120777/18cpcnc1/201211/t20121127_4917578.htm

Хуан Шуофэн [黄硕风], "Future Wars-Infowars" [未来战争-信息战],

Будущее и развитие [未来与发展], том 4, 1996.

Хуанг, Юкон, "Торговая война между США и Китаем превратилась в холодную войну", Фонд Карнеги за международный мир, 16 сентября 2021 года.

Хьюз, Герайнт Алун, "Сирия и опасности прокси-войны", *Малые войны и повстанцы*, том 25, № 3, 2014.

Хьюли, Майкл В., "Пропаганда в современном мире", *Международный журнал политики, культуры и общества*, том 9, № 4, 1996.

Хантингтон, Сэмюэл, *Третья волна: Демократическая революция в конце 20-го века*, Издательство Университета Оклахомы, 1991.

Илг, Рэнди и Стивен Э. Хауген, "Заработок и тенденции занятости в 1990-х годах", *Ежемесячный обзор труда*, март 2000 года.

Инглехарт, Рональд, *Модернизация и постмодернизация: Культурные, экономические и политические изменения в 43 обществах*, Princeton University Press, 1997.

Институт экономики и мира, *Реестр экологических угроз 2020: Понимание экологических угроз, устойчивость и мир*, 2020.

Институт экономики и мира, *Реестр экологических угроз 2021: Понимание экологических угроз, устойчивость и мир*, 2021.

Служба по борьбе с коммерческой преступностью Международной торговой палаты, "Карта пиратства и вооруженного разбоя ММБ 2022", 2023. По состоянию на 5 апреля 2023 года: https://www.icc-ccs.org/index.php/piracy-reporting-centre/live-piracy-map/ piracy-map-2022

Международный валютный фонд, "Глобализация: Угроза или возможность?". Январь 2002 года.

Ислам, Гази и Макабе Келихер, "Leading Through Ritual: Ceremony and Emperorship in Early Modern China", *Leadership*, Vol. 14, No. 4, 2018.

Джейкобс, Джеймс Б., "Взлет и падение организованной преступности в Соединенных Штатах".
Преступление и правосудие, том 49, 2020.

Янин, Хант, *Наемники в средневековой и ренессансной Европе*, Макфарланд Пресс, 2013.

Дженнингс, Ральф, "Береговая охрана Китая может стрелять по иностранным судам, осложняя безопасность в Южном море", VOA News, 19 февраля 2021 года.

Джонс, Сет Г., Катрина Докси, Грейс Хванг и Джаред Томпсон, "Военные, полиция и рост терроризма в США", Центр стратегических и международных исследований, 12 апреля 2021 года.

Джонс, Сет Г. и Артуро Муньос, *Локальная война в Афганистане: создание местных сил обороны*, RAND Corporation, MG-1002-MCIA, 2010. По состоянию на 6 февраля 2023 года:
https://www.rand.org/pubs/monographs/MG1002.html

Калдор, Мэри, *Новые войны и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*, Издательство Стэнфордского университета, 2012.

Камель, Лоренцо, ред., *Хрупкость власти: Границы, негосударственные акторы и власть*, IAI Press, 2017.

Каплан, Роберт, *Возвращение мира Марко Поло: Война, стратегия и американские интересы в 21 веке*, Random House Publishing, 2018.

Карлсруд, Джон и Йф Рейкерс, "Коалиции ad hoc и институциональная эксплуатация в международной безопасности: К типологии", *Third World Quarterly*, Vol. 41, No. 9, 2020.

Китен, Джейми и Аамер Мадхани, "США настаивают на "ответственной конкуренции" в переговорах с Китаем", Ассошиэйтед Пресс, 6 октября 2021 года. По состоянию на 28 февраля 2023 года: https://abc17news.com/news/ap-national-news/2021/10/06/us-presses-for-responsible-competition-in-talks-with-china/

Киган, Джон, *Первая мировая война*, Random House, 2019.

Кин, Морис, *Законы войны в позднем средневековье*, Routledge, 1965.

Хеель, Ребекка, "Битва разгорается из-за планов расходов Пентагона", *The Hill*, 21 марта 2021 года.

Хоури, Рами Г., "Ранние предупреждающие знаки в арабском мире, которые мы игнорировали - и все еще игнорируем", в книге Лоренцо Камель, ред: *Границы, негосударственные акторы и власть*, IAI Press, 2017.

Кинг, Энтони, "Будет ли межгосударственная война происходить в городах?". *Journal of Strategic Studies*, Vol. 45, No. 1, 2022.

Клейн, Алекс и Николас Крафтс, "Moving Around: The Changing Geography of U.S. Manufacturing During the 20th Century", Vox EU, December 12, 2017.

Клейн, Дэвид, "Отчет: В Крыму и на Донбассе господствует организованная преступность", Проект по борьбе с организованной преступностью и отчетности, 15 июля 2022 года.

Кринер, Дуглас Л. и Фрэнсис Х. Шен, "Невидимое неравенство: Две Америки военной жертвенности", *Юридическое обозрение Мемфисского университета*, том 46, 2016.

Кройниг, Мэтью, "Заблуждение власти", *Foreign Policy*, 11 ноября 2020 года.

Крулак, Чарльз К. и Алекс Фридман, "США и Китай не обречены на войну", Project Syndicate, 17 августа 2021 года.

Ку, Джулиан Г. и Джон Ю, "Глобализация и суверенитет", том 31, *Berkeley Journal of International Law*, 2013.

Кубе, Кортни, и Молли Бойгон, "Каждое подразделение вооруженных сил пытается достичь своих целей по набору на 2022 год, говорят чиновники", NBC News, 27 июня 2022 года.

Куо, Лили, ""Защищайте честь Китая": Пекин выпускает новое руководство по морали для граждан", *The Guardian*, 29 октября 2019 года.

Куо, Лили, Эрин Каннингем, Ясмин Абуталеб, Рейчел Паннетт и Аннабель Тимсит, "Нэнси Пелоси покидает Тайвань, заканчивая спорный визит, который разозлил Китай", *Вашингтон Пост*, 3 августа 2022 г.

Куптш, Кристиан и Энг Фонг Панг, *Конкуренция за глобальные таланты*, Международная организация труда, 2006.

Лейк, Дэвид А., "Экономическая открытость и конкуренция великих держав: Уроки для Китая и США", *Китайский журнал международной политики*, том 11, № 3, 2018.

Лари, Диана, *Китайское государство на границах*, Издательство Университета Британской Колумбии, 2008.

Лаш, Кристофер, *Восстание элит и предательство демократии*, W. W. Norton, 1996.

Лоуренс, Роберт З., "Китай, как и США, сталкивается с проблемами в достижении инклюзивного роста через производство", аналитическая записка, Институт международной экономики Петерсона, август 2019 года.

Лебель, Уди, ""Случайная паника": Модели призыва в армию, разрыв между гражданскими и военными и их последствия для легитимности военных потерь", *Демократия и безопасность*, том 6, № 2, 2010.

Ли, Аманда, "Долг Китая: насколько он велик и кому он принадлежит?". *South China Morning Post*, 19 мая 2020 года.

Ли, Рональд и Эндрю Мейсон, "Стоимость старения", *Финансы и развитие*, Международный валютный фонд, том 54, № 1, март 2017.

Легарда, Хелена и Мейя Ноувенс, "Стражи Пояса и пути: Интернационализация китайских частных охранных компаний", Институт Меркатора по изучению Китая. Берлин, 16 августа 2018 года.

Лэй, Цзе и Чак Кван Чан, *Революция социального обеспечения в Китае: Заключение контрактов на социальные услуги*, Routledge, 2018.

Лемэй, Майкл, *Гражданские права и гражданские свободы в Америке*, издательство "ABC CLIO", 2020 г.

Лендон, Брэд, "Вот что происходит, когда вы уходите из китайской армии", CNN, 16 декабря 2019 года.

Лерх, Матиас, "Международная миграция и рост городов на Глобальном Юге: Анализ данных IPUMS по семи странам, 1992-2013 годы", *Обзор народонаселения и развития*, том 46, № 3, 2020.

Леви, Марион Дж., мл., "Контрастные факторы в модернизации Китая и Японии", *Экономическое развитие и культурные изменения*, том 2, № 3, 1954.

Льюис, Джеймс Эндрю, *Экономическое воздействие киберпреступности*, Центр стратегических и международных исследований, 21 февраля 2018 года.

Ли Цяои, "600 млн. человек с ежемесячным доходом в 140 долларов беспокоят верхушку", *Global Times*, 29 мая 2020 года.

Ли И, *Структура и эволюция китайской социальной стратификации*, University Press of America, 2005.

Либерман, Питер, "Око за око: Общественная поддержка войны против злодеев", *Международная организация*, том 60, № 3, 2006.

Либерман, Виктор, "Династия Цин и ее соседи: Ранний современный Китай в мировой истории", История *социальных наук*, том 32, № 2, 2008.

Линь Бин [林斌], "Как будут выглядеть войны будущего?" [未来的战争是什么样的], *Конмилит* [现代军事], том 3, 1998.

Лин-Гринберг, Эрик, "Нетрадиционные дилеммы безопасности: Могут ли военные операции, отличные от войны, усилить конкуренцию в области безопасности в Азии?". *Asian Security*, Vol. 14, No. 3, 2018.

Липсет, Сеймур Мартин, *Политический человек: Социальные основы политики*, Doubleday and Company, 1960.

Liu Lianlian [刘莲莲], "The Significance and Path of Enhancing the International Legitimacy of China's Overseas Interests Protection Mechanisms" [论国家海外利益保护机制的国际合法性意义与路径], *Pacific Journal* [太平洋学报], Vol. 6, 2018.

Лю Чжибин [刘志兵] и Цзинцзин Чжан [张菁菁], "Откровения народной армии в выполнении обязанностей, связанных с пандемией КОВИД" [人民军队执行新冠肺炎疫情防控任务的启示], *Партийный лекторий* [党课参考], том 10, 2020.

Люнгквист, Кристин, "Война против городов Украины", Чикагский совет по общественным делам, 21 марта 2022 года.

Лотт, Александр, "Применение силы низкой интенсивности (гибридная война) через призму правоприменения и вооруженного нападения", Александр Лотт, *Гибридные угрозы и морское право*, Brill Nijhoff, 2022.

Лу Чунь [陆春], "Исследование легитимности долгосрочного правления КПК" [中国共产党长期执政的合法性研究], Партийная школа ЦК КПК [中共中央党校], 2013.

Лу Синь и Ян Шэн, "Встреча Янг-Салливан демонстрирует позитивные сигналы, основные расхождения", Синьхуа, 7 октября 2021 года.

Любман, Стэнли, "Документ № 9: Партия атакует западные демократические идеалы", *Wall Street Journal*, 27 августа 2013 года.

Лун, Томас и Ханна Фишер, "Институты Конфуция в США: Избранные вопросы", Исследовательская служба Конгресса, IF11180, 20 мая 2022 года.

Лайалл, Джейсон, *Разделенные армии: неравенство и боевые действия в современной войне*, Издательство Принстонского университета, 2020.

Линч, Томас Ф., III, *Стратегическая оценка 2020: В новую эру соперничества великих держав*, Издательство Национального университета обороны, 4 ноября 2020 года.

Ма Цзяньгуан [马建光] и Юаньбин Ли [李元斌], "Гибридная война: новое острое оружие для международной конкуренции" [混合战争：国际竞争的新利器], *Military Digest* [军事文摘], Vol. 17, 2020.

Ма Цянь, "Комментарий Синьхуа: Сохранять конкуренцию между США и Китаем "конструктивной"," Синьхуа, 12 марта 2021 года.

Ма Жуншэн [马荣升], "Исследование прокси-войн" [代理人战争探析], *China Military Science* [中国军事科学], Vol. 1, 2017.

Маланима, Паолоа, "Ростки прошлого: Предсовременные и современные", *Журнал глобальной истории*, том 16, № 2, 2021.

Манн, Майкл, "Положила ли глобализация конец подъему и возвышению национального государства?". *Обзор международной политической экономии*, том 4, № 3, 1997.

Марглин, Стивен А. и Джульет Б. Шор, *Золотой век капитализма: Reinterpreting the Postwar Experience*, Oxford University Press, 1992.

Маркес, Клара Феррейра, "Домашний военачальник Путина удваивается в Украине".
Вашингтон Пост", 4 апреля 2022 года.

Мастро, Ориана Скайлар, "Военная конкуренция с Китаем: жестче, чем холодная война?" в Роберте Элдере и Николь Петерсон, редакторы, *США против Китая: Продвижение "конструктивной конкуренции" во избежание "деструктивной конкуренции"*, Программа стратегической многоуровневой оценки Министерства обороны, май 2021 года. По состоянию на 3 февраля 2023 года:
https://fsi.stanford.edu/publication/
военное-соревнование-китай-жестокая-холодная-война

Маззакко, Илария и Скотт Кеннеди, "Общественное мнение в Китае: Либеральное молчаливое большинство", Центр стратегических и международных исследований, 9 февраля 2022 года.

МакФейт, Шон, "*Прочный беспорядок: Возвращение частных армий и возникновение неомедиевизма*, диссертация, Лондонская школа экономики и политических наук, август 2011 года.

Макфейт, Шон, *Современный наемник: Частные армии и их значение для мирового порядка*, Oxford University Press, 2017.

МакНил, Уильям Х., "Индустриализация войны", *Обзор международных исследований*, том 8, № 3, 1982.

Миршаймер, Джон, *Трагедия великодержавной политики*, W. W. Norton, 2001.

Мехра, Таня и Джули Коулман, "Падение Афганистана: Удар по усилиям по борьбе с терроризмом и верховенству закона", Международный центр по борьбе с терроризмом, 23 августа 2021 года.

Менкхаус, Кен, "Управление без правительства в Сомали: Спойлеры, государственное строительство и политика преодоления", *Международная безопасность*, том 31, № 3, 2006/2007.

Мигдал, Джоэл, *Сильные общества и слабые государства*, Издательство Принстонского университета, 1989.

Миллер, Крис, *Борьба за спасение советской экономики*, University of North Caroline Press, 2016.

Миллер, Гарри, *Государство против дворянства в Китае времен ранней династии Цин, 1644-1699*, Palgrave Macmillan, 2013.

Миллетт, Ричард Л., *В поисках стабильности: Развитие США констеблей в Латинской Америке и на Филиппинах*, Центр объединенных вооружений армии, 2010.

Минг, Лью Фун, "Лучуань-Пингмяньские кампании (1436-1449) в свете официальной китайской историографии", *Oriens Extremus*, Vol. 39, No. 2, 1996.

Мингус, Мэтью, "Транснационализм и субнациональная парадипломатия: Перфорируют ли сети управления суверенитет?". *Международный журнал государственного управления*, том 29, № 8, 2006.

Мишра, Панкадж, *Из руин империи: The Intellectuals Who Remade Asia*, Farrar, Straus, and Giroux, 2012.

Миттельмарк, Кэри, "Играя в шахматы с драконом: Соперничество Китая и США в эпоху нерегулярных войн", "*Малые войны и повстанческие движения"*, том 32, № 2, 2021.

Мо Цзинси, "США обвиняют в технологическом терроризме", *China Daily*, 7 июля 2022 года.

Мокир, Джоэл, *Рычаг богатства: Технологическое творчество и экономический прогресс*, Оксфорд Юниверсити Пресс, 1992.

Молл-Мурата, Кристина и Ульрих Теобальд, "Военная занятость в Китае династии Цин: Сравнительное исследование военного труда 1500-2000 гг.", в книге Эрик-Ян Цурхер, ред. "*Борьба за жизнь"*, Амстердам Юниверсити Пресс, 2014.

Монсен, Лорен, "Правоохранительные органы США работают с коллегами по всему миру", Государственный департамент США, Share America, 15 июля 2021 года.

Мот, Фредерик В. и Денис Твитчетт, *Кембриджская история Китая*: Том 7, *Династия Мин, 1368-1644*, Cambridge University Press, 1988.

Малфорд, Джошуа П., "Негосударственные акторы в российско-украинской войне".
Connections, Vol. 15, No. 2, 2016.

Мунсинг, Эван и Кристофер Дж. Лэмб, *Совместная межведомственная оперативная группа-Юг: Самый известный, но наименее понятный межведомственный успех*, Издательство Национального университета обороны, 2011.

Национальная ассоциация производителей, "2021 United States

Manufacturing Facts," веб-страница, 2021.

Национальный совет по разведке, *Глобальные тенденции 2040*, 2022.

Национальный межведомственный пожарный центр, "История военной поддержки", веб-страница, без даты.

"Сотрудник по национальной безопасности центрального правительства говорит, что США замышляют "цветную революцию" в Гонконге", Синьхуа, 25 сентября 2021 года.

Нельсон, Джоэл, "Работа и пособия: Многочисленные проблемы занятости в сфере услуг", *Социальные проблемы*, том 41, № 2, 1994.

Неттл, Дж. П., и Роланд Робертсон, "Индустриализация, развитие или модернизация", *Британский журнал социологии*, том 17, № 3, сентябрь 1966 года.

Ни, Шон и Фам Хоанг Нам, "Высокий доход от коррупции в Китае эпохи Мин и Цин*", Журнал экономики развития*, том 81, № 2, 2018.

Ни, Винсент и Хелен Дэвидсон, "Подавление культуры: Немногие районы остаются нетронутыми, поскольку Си перестраивает общество", *The Guardian*, 10 сентября 2021 года.

Николас, Сиан и Том О'Мэлли, *Газеты, война и общество в XX веке*, Routledge, 2019.

Николс, Майкл, "США обвиняют Китай, Россию в содействии Ким Чен Ыну в Северной Корее", Рейтер, 5 октября 2022 года.

Никелл, Стивен, Стивен Реддинг и Джоанна Сваффилд, "Неравномерные темпы деиндустриализации в ОЭСР", *Мировая экономика*, том 31, № 9, сентябрь 2008.

Николл, Дэвид, "*Средневековая война" (Medieval Warfare Source Book): Военные действия в западном христианстве*, Кэкстон Пресс, 2004.

Найтингейл, Деметра Смит и Нэнси М. Пиндус, "Приватизация государственных социальных услуг", Институт Урбана, 15 октября 1997 года.

Най, Джозеф, "С Китаем аналогия "холодной войны" ленива и опасна", *Нью-Йорк Таймс*, 2 ноября 2021 года.

Огден, Сюзанна, "Суверенитет и международное право: Перспектива Китайской Народной Республики", *Журнал международного права и политики*, том 7, № 1, 1974.

Орденев, Сергей, "Демодернизация как гибридная форма модернизации традиционалистского общества в глобализированном мире", *Обзоры гуманитарных и социальных наук*, том 74, № 4, 2019.

Пейнтер, Джордж С., "Идея прогресса", *Американский журнал социологии*, том 28, № 3, 1922.

Палик, Джулия, Анна Мари Обермайер и Сири Аас Рустад, *Тенденции конфликтов: A Global Overview, 1946-2021*, Peace Research Institute, 2022.

Панг, Амелия, "Вызов Китая: пятно принудительного труда на обуви Nike", *Дискурс*, 5 января 2022 года.

Пакин, Стефан, "Парадипломатия", в книге Теодора Бальзака, Фредерика Шарильона и Фредерика Рамеля, под ред: *Введение в теорию и практику*, Palgrave Macmillan, 2020.

Парвин, Фил, "Демократия без участия: Новая политика для разобщенной эпохи", *Res Publica*, том 24, 2018.

"Мирное объединение с Тайванем маловероятно без давления: эксперты". *Global Times*, 5 декабря 2020 года.

Пэй, Минсинь, "В постели с мафией: сговор между правоохранительными органами и организованной преступностью", в книге Минсинь Пэй, "*Китайский капитализм, основанный на кумовстве"*, Harvard University Press, 2016.

Пэй, Минсинь, "Идеологическая индоктринация при Си Цзиньпине", *China Leadership Monitor*, 1 декабря 2019 года.

Пембертон, Джо-Энн, *Суверенитет: Интерпретации*, Palgrave

MacMillan, 2008. "Наказание за отказ от военной службы", *China Daily*, 10

августа 2016 г. Пэн Сяосинь [彭晓欣], Цзюнь Ван [王俊], и другие, "Обзор

практики и
Отражение профилактики и контроля COVID-19 в военных реабилитационных учреждениях" [军队疗养机构防控COVID-19的实践回顾与思考], *Военно-медицинский журнал Южного Китая* [华南国防医学杂志], том 8, 2021.

Перри, Элизабет, "Движение масс: Работа с эмоциями в китайской революции", *Мобилизация*, том 7, № 2, 2002.

Pew Research Center, "Общественное доверие к правительству: 1958-2022", веб-страница, 6 июня 2022 года. По состоянию на 11 апреля 2023 года: https://www.pewresearch.org/politics/2022/06/06/. public-trust-in-government-1958-2022/

Пикарелли, Джон Т., "Реагирование на транснациональную организованную преступность - поддержка исследований, совершенствование практики", *журнал Национального института юстиции*, 30 сентября 2011 года.

Пикетти, Томас, Ли Ян и Габриэль Цукман, "Неравенство доходов быстро растет в Китае и делает его более похожим на США", запись в блоге, Центр Фелана ЛШЭ, 2015 год.

Пикетти, Томас, Габриэль Цукман и Филип Новокмет, "От Советов к олигархам: неравенство и собственность в России, 1905-2016", Vox EU CEPR, 9 ноября 2017 года.

Пайнс, Юрий, *Вечная империя: Политическая культура древнего Китая и его имперское наследие*, Издательство Принстонского университета, 2012.

Портер, Патрик, "Обзорный очерк: Теневые войны: асимметричная война в прошлом и будущем", *Диалог о безопасности*, том 37, № 4, 2006.

Паутваара, Пану и Андреас Вагенер, "Политическая экономия призыва", Кристофер Дж. Койн и Рэйчел Л. Мазерс, ред. *Справочник по политической экономии войны*, Edward Elgar Publishing, 2011.

Проссер, Гиффорд и Уильям Роджер Луис, *Деколонизация и независимость Африки: Передача власти, 1960-1980*, Издательство Йельского университета, 1988.

"Профессор Университета общественной безопасности: На материке (Китай) насчитывается не менее миллиона членов организаций, связанных с бандами" [公安大学教授：内地涉黑组织成员不下百万人], Sohu News, 5 апреля 2014 г.

Путнам, Роберт, "*Боулинг в одиночку*", Touchstone Books, 2001.

Ци Бяо [齐彪], "Система, которая ставит интересы народа на первое место" [把人民利益摆在至高无上地位的制度], Синьхуа, 8 мая 2020 г.

Цяо Лонг и Джиджи Ли, "Китайская коммунистическая партия активизирует политическую индоктринацию школьников", Радио Свободная Азия, 4 февраля 2021 года.

Цюй Линь Дун, *Всеобщая история Китая*, изд. на английском языке, Китайская переводческая и издательская корпорация, 2013.

Куайн, Мария София, *Социальная революция в Италии*, Palgrave Macmillan, 2002.

Рабаса, Анхель, Кристофер М. Шнаубельт, Питер Чалк, Дуглас Фарах, Грегори Миджетт и Говард Шац, *Counternetwork: Countering the Expansion of Transnational Criminal Networks*, RAND Corporation, RR-1481-A, 2017. По состоянию на 2 февраля 2023 года: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1481.html

Рабкин, Яков, и Михаил Минаков, *Демодернизация: Будущее в прошлом*, Издательство Колумбийского университета, 2018.

Рабкин, Яков, и Михаил Минаков, редакторы, *Неомедиевизм: Будущее в прошлом*, Ibidem Press, 2018.

Раджах, Роланд и Алисса Ленг, *Пересмотр в сторону уменьшения подъема Китая*, Институт Лоуи, 14 марта 2022 года.

Рэмси, Роберт, *Языки Китая*, Издательство Принстонского университета, 1987.

Рамзи, Остин, "Притеснение Китаем мусульман в Синьцзяне, объяснение", *Нью-Йорк Таймс*, 20 января 2021 года.

Ривз, Ричард В., "Опасное разделение американского верхнего среднего класса", Институт Брукингса, 3 сентября 2015 года.

Rhodium Group и Торговая палата США, *Understanding U.S.- China*

Decoupling: Макротенденции и влияние на промышленность, 2020 год.

Райс, Сьюзан Е. и Стюарт Патрик, *Индекс слабости государства в развивающихся странах*, Институт Брукингса, 2008.

Робертс, Декстер Тифф, *Внутренние проблемы, которые угрожают будущему сверхдержавы Китая*, Атлантический совет, 20 декабря 2021 года.

Робинсон, Дэвид, "Почему военные институты имеют значение для истории Минга".
Журнал истории Китая, том 1, № 2, 2017 г.

Родрик, Дани, *Преждевременная деиндустриализация*, рабочий документ, Национальное бюро экономических исследований, февраль 2015 года.

Розенталь, Мари, "Фаучи: COVID-19 - худшая пандемия за последние 100 лет", *специальный выпуск "Инфекционные болезни"*, 21 октября 2020 г.

Рот, Эндрю, "Кремль пытается успокоить ярость россиян из-за хаотичной мобилизации", *The Guardian*, 1 октября 2022 года.

Рот, Кеннет, "Китайские события 2020 года", Хьюман Райтс Вотч, 2020. По состоянию на 8 июля 2022 года: https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/china-and-tibet

Роу, Уильям Т., "Насилие в Китае эпохи Мин-Цин: Обзор", *Преступность, история и общества*, том 18, № 2, 2014.

Роуторн, Роберт, и Рамана Рамасвами, *Деиндустриализация: Его причины и последствия*, Международный валютный фонд, сентябрь 1997 года.

Сандерс, Эндрю, "*Смутные времена: Война Британии в Северной Ирландии*, Издательство Эдинбургского университета, 2012.

Сан Сюэчэн [桑学成], "Вызовы, с которыми столкнулось правительство КПК, и его реконструкция в период социальных перемен" [社会转型期中国共产党执政合法性面临的挑战及其重构], *Цзянсу Социальные науки* [江苏社会科学], 2008.

Сарлин, Бенджи и Сахил Капур, "Почему Китай может стать последней двухпартийной проблемой в Вашингтоне", NBC News, 21 марта 2021 года.

Шайдель, Уолтер, *Великий уравнитель: Насилие и история неравенства*, Princeton University Press, 2018.

Шифф, Морис, "Социальный капитал, трудовая мобильность и благосостояние", *Рациональность и общество*, том 4, № 2, апрель 1992 года.

Сетон-Уотсон, Хью, *Нации и государства: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*, Westview Press, 1977.

Шивэнь Ян [杨世文], "Теории стихийных бедствий во времена династии Хань и конфуцианская теория императора и пути" [汉代灾异学说与儒家君道论], *Социальные науки в Китае* [中国社会科学], том 3, 1991.

Шу Чжан, "Китайско-советский альянс и холодная война в Азии, 1954-

1962 гг.", Мелвин П. Леффлер и Одд Арне Вестад, ред.

Сингер, Дэвид, *Оплата за войну, 1816-1965: Статистический справочник*, Wiley Press, 1972.

Скочпол, Теда, *Государства и социальные революции*, Кембридж Юниверсити Пресс, 1979.

Смит, Вудрафф, *Европейский империализм в девятнадцатом и двадцатом веках*, Burnham Press, 1982.

Song, Xi, Catherine G. Massey, Karen A. Rolf, and Yu Xie, "Long-Term Decline in Intergenerational Mobility in the United States Since the 1850s," *Proceedings of the National Academy of Sciences*, Vol. 117, No. 1, November 25, 2019.

Спенс, Джонатан, *Китайский сын Бога: Небесное царство тайпинов Хун Сюцюаня*, W. W. Norton, 1996.

Спенс, Джонатан, *Поиск современного Китая*, W. W. Norton, 2013.

Спиндлер, Уильям, "2015 год: Год кризиса беженцев в Европе", Верховный комиссар ООН по делам беженцев, 8 декабря 2015 года.

Информационное бюро Госсовета, "Национальная оборона Китая", 29 декабря 2006 года.

Информационное бюро Госсовета, *Полный текст: Национальная оборона Китая в новую эпоху*, 24 июля 2019 года.

Стюарт, Эмили, "Как 9/11 убедил американцев покупать, покупать, покупать", *Vox*, 9 сентября 2021 года.

Страус, Валери и Дэниел Саутери, "Сколько погибло? Новые данные указывают на гораздо более высокие цифры жертв эпохи Мао Цзэдуна", *Вашингтон Пост*, 17 июля 1994 года.

Суй, Юй, "Китай и США должны извлечь уроки из Второй мировой войны", веб-сайт China-US Focus, 8 июля 2015 года.

Салливан, Джон, "Криминальное повстанчество в Америке", *журнал "Малые войны"*, 13 февраля 2010 года.

Сампсон, Джонатан, *Столетняя война: испытание битвой*, Издательство Пенсильванского университета, 1999.

Свейн, Майкл, "Раздувание угрозы Китая чревато катастрофой для США", Институт Куинси, 15 июля 2022 года.

Свонсон, Ана, "Администрация Байдена ограничивает доступ Китая к технологиям", *Нью-Йорк Таймс*, 7 октября 2022 года.

Szayna, Thomas S., Stephen Watts, Angela O'Mahoney, Bryan Frederick, and Jennifer Kavanagh, *What Are the Trends in Armed Conflicts, and What Do They Mean for U.S. Defense Policy?* RAND Corporation, RR-1904-A, 2017. По состоянию на 6 февраля 2023 года: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1904.html.

Тэлботт, Строуб, "Глобализация и дипломатия: Перспектива практикующего специалиста".
Внешняя политика, 1997.

Тан, Йелинг, "Как ВТО изменила Китай: Смешанное наследие экономического взаимодействия", *Foreign Affairs*, март/апрель 2021.

Tang Aijun [唐爱军], "On the Self-Adaptability of CCP Ideology" [论中国共产党意识形态的自我调适], *Marxism & Reality* [马克思主义与现实], Vol. 3, 2017.

Тейлор, Пол, "После Великой рецессии - Великая регрессия", *Нью-Йорк Таймс*, 7 февраля 2011 года.

Террилл, Ричард Дж., *Мировые системы уголовного правосудия: A Comparative Survey*, Routledge Press, 2015.

Томпсон, Дерек, "Куда делись все рабочие? 60 лет экономических изменений в одном графике", *The Atlantic*, 26 января 2012 года.

Тилли, Чарльз, *Принуждение, капитал и европейские государства AD 990-1990*, Бэзил Блэквелл, 1990.

Тимминс, Бет, "Китайские СМИ жестко пресекают "эффеменистские" стили", BBC News, 2 сентября 2021 года.

Туми, Патрик, "АНБ продолжает нарушать права американцев на конфиденциальность в Интернете", Американский союз защиты гражданских свобод, 22 августа 2018 года.

Тузе, Адам, "*Плата за разрушение: The Making and Breaking of the Nazi Economy*, Penguin Books, 2008.

Тран, Хунг, "Является ли стратегическое соперничество между США и Китаем новой холодной войной?". Атлантический совет, 21 апреля 2021 года.

Тревельян, Марк, "Путин использует победу над Гитлером, чтобы подстегнуть российскую армию в Украине", Рейтер, 9 мая 2022 года.

"Тайфун Хайян: Китай отправляет группу помощи на Филиппины", Би-би-си, 20 ноября 2013 г.

"США арестовали 210 000 мигрантов на мексиканской границе в марте, превысив рекордные показатели", Рейтер, 18 апреля 2022 года.

"Контрразведка США предупреждает о том, что Китай усиливает операции влияния", Рейтер, 7 июля 2022 года.

Государственный департамент США, "Саммит за демократию", веб-страница, без даты. По состоянию на 2 сентября 2022 года:

https://www.state.gov/summit-for-democracy/

Министерство финансов США, веб-страница "What Is the National Debt?", без даты. По состоянию на 28 февраля 2023 года: https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/.

Управление по борьбе с наркотиками США, "Поток фентанила в США", брошюра, январь 2020 года.

Управление государственной отчетности США, *Стихийные бедствия: Экономические последствия ураганов Катрина, Сэнди, Харви и Ирма*, GAO-20-633R, 10 сентября 2020 года.

Ван Акен, Такер и Орион А. Льюис, "Политическая экономия несоблюдения в Китае: Случай промышленной энергетической политики", *Журнал современного Китая*, том 24, № 95, 2015.

Ван Кревельд, Мартин, *Трансформация войны*, Свободная пресса, 1991.

Ванхам, Питер, "Краткая история глобализации", Всемирный экономический форум, 17 января 2019 года.

Уэйкман, Фредерик, "Восстание и революция: Изучение народных движений в истории Китая", *Журнал азиатских исследований*, том 36, № 2, 1977.

Уолдрон, Артур, "Военачальник: Китайские представления двадцатого века о насилии, милитаризме и империализме", *Американское историческое обозрение*,
Том 96, № 4, 1991.

Уолкер, Кристин Корлет, Анжела Друкман и Тим Джексон, "Системы благосостояния без экономического роста: Обзор проблем и дальнейших шагов в этой области", *Экологическая экономика*, том 186, август 2021 года.

Уолт, Стивен, "Вчерашняя холодная война показывает, как победить Китай сегодня".
Foreign Policy, 29 июля 2019 года.

Уолтц, Кеннет, *Теория международной политики*, Waveland Press, 2010.

Ван, Эмбер, "Си Цзиньпин велит китайским писателям и художникам "соблюдать мораль и приличия"", *South China Morning Post*, 15 декабря 2021 года.

Ванг, Феng, Ячинг Цай и Уильям Ванг, "Китайская грамотность", в Дэвид Р. Олсон и Нэнси Торранс, ред, *Кембриджский справочник по грамотности*, Издательство Кембриджского университета, 2009.

Ван Цзиси [王缉思], "Антикитайский заговор: Новый "Вашингтонский консенсус" в глазах Пекина" [反华阴谋：北京眼中的"新华盛顿共识"], веб-сайт China-US Focus, 23 июня 2021 года. По состоянию на 3 июля 2022 года: http://cn.chinausfocus.com/foreign-policy/20210623/42321.html

Ван Цзюньсай [王俊赛] и Чжан Цзюлань [张菊兰], "Анализ

характеристик онлайн комментариев новостей в эпоху новых медиа" [新媒体时代网络新闻评论特征分析)], *People's Daily* [人民日报], 15 мая 2019 г.

Ванг, Моника, "Стратегия Китая в Джибути; смешение коммерческих и военных интересов", Совет по международным отношениям, 13 апреля 2018 года.

Ван Нин [王宁], "Институты потребления, стимулы к труду и ресурсы легитимности: Изменение институциональных договоренностей, касающихся жизни потребителей и мотивации рабочих в городском Китае" [消费制度、劳动激励与合法性资源], *Социологические исследования* [社会学研究], том 3, 2007.

Ванг, Пэн, "Военная коррупция в Китае: Роль гуаньси в купле-продаже военных должностей", *China Quarterly*, Vol. 228, 2016.

Ван Тяньюй и Хуо Ли, "Китайский регулятор ценных бумаг обещает предотвратить резкий приток и отток иностранных инвестиций", CGTN, 19 апреля 2021 года.

Ван Сянсуй [王湘穗], "Анализ будущих гибридных войн" [未来混合战争形式解析], *Military Digest* [军事文摘], Vol. 13, 2021.

Ван Синьцзюнь, "Си призывает к скоординированным усилиям по борьбе с коррупцией", *China Military Online*, 19 июня 2022 года.

Вебер, Макс, *Политика как призвание (1919)*, издательство Hackett Publishing, 2004.

Вэнь Чжа, "Соперничество великих держав и агентство второстепенных государств: исследование на основе отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии", *Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе*, том 22, № 1, 2022.

Уилер, Том, *От Гутенберга до Google*, Институт Брукингса, 2019.

Уилер, Том, "Цифровая конкуренция с Китаем начинается с конкуренции внутри страны", Институт Брукингса, апрель 2020 года.

Белый дом, *Стратегия национальной безопасности*, октябрь 2022 года.

Уитлок, Крейг, "Скандал с "Толстяком Леонардом" раздувается; обвинения предъявлены еще трем деятелям BMC", *Washington Post*, 27 мая 2016 г.

Уилкинсон, Фредди, "Индустриализация, труд и жизнь", *National Geographic*, 27 января 2020 г.

Уильямс, Джоан К., "Демократическая элита не понимает классового культурного разрыва", *New Republic*, 19 апреля 2022 года.

Уильямс, Фил, *От нового средневековья к новому темному веку: упадок государства*, Институт стратегических исследований, 2008.

Уиллс, Кен, "*В поисках равновесия"*, Международный валютный фонд,

декабрь 2018 года. Уилмот, Дж. Р., "Демография долголетия: Прошлое,

настоящее и будущие тенденции".
Экспериментальная геронтология, том 35, 2000.

Уилсон, Питер, *Тридцатилетняя война: трагедия Европы*, Издательство Гарвардского университета, 2011.

Виммер, Андреас и Брайан Мин, "От империи к национальному государству: Объяснение войн в современном мире, 1816-2001", *Американское социологическое обозрение*, том 71, № 6, 1 декабря 2006 года.

Вингендер, Филипп, *Межправительственная фискальная реформа в Китае*, рабочий документ, Международный валютный фонд, 2018.

Витингтон, Джон, "Печально известные убийцы Средневековья", *Lapham Quarterly*, 3 декабря 2020 года.

Вонг, Брайан, "Сложный национализм китайского поколения Z", *The Diplomat*, 19 июня 2022 года,

Всемирный банк, "Рост ВВП (годовой %)-Китай", 2021a. По состоянию на 1 февраля 2023 года: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN

Всемирный банк, "Рост ВВП (годовой %)-Соединенные Штаты", 2021b. По состоянию на 1 февраля 2023 года: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=US

Всемирный банк, "Сельское население (% от общего населения Китая)", 2021c. По состоянию на 11 июля 2022 года: https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS?locations=CN

Всемирный банк, "Услуги, добавленная стоимость (% ВВП)", 2021d. По состоянию на 28 февраля 2023 года: https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS

Всемирный банк, "Городское население (% от общего населения): Китай", 2022a. По состоянию на 23 февраля 2023 года: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=CN

Всемирный банк, "Денежные переводы достигнут 630 миллиардов долларов в 2022 году благодаря рекордным потокам в Украину", пресс-релиз, 11 мая 2022b.

Всемирная организация здравоохранения, "Информационная панель ВОЗ по коронавирусу (COVID-19)", январь 2023 года.

Всемирная метеорологическая организация, "За последние 50 лет количество стихийных бедствий, связанных с погодой, увеличилось, причиняя больше ущерба, но уменьшая количество смертей", 31 августа 2021 года.

Вортзел, Ларри, *Сравнение проблем найма и обучения в Армия США и Народно-освободительная армия Китая*, Ассоциация армии США, 21 августа 2021 года.

Райт, Робин, "Изменят ли иностранные добровольцы и наемники ход войны в Украине?". *New Yorker*, 5 апреля 2022 года.

Вутхнов, Джоэл, *Китайские перспективы инициативы "Пояс и путь": Стратегические обоснования, риски и последствия*, Издательство Национального университета обороны, 2017.

Си Цзиньпин, "Нести вперед пять принципов мирного сосуществования для построения лучшего мира посредством сотрудничества "победа-победа", Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 1 июля 2014 года. По состоянию на 11 апреля 2022 года:
https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201407/t20140701_678184.html

Си Цзиньпин, "Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде партии", Синьхуа, 3 ноября 2017 года.

Си Цзиньпин, "Перевод: Речь Си Цзиньпина 20 апреля на Национальной конференции по кибербезопасности и информатизации", сайт New America, 30 апреля 2018 года. По состоянию на 2 февраля 2023 года:
https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-xi-jinpings-april-20-speech-national-cybersecurity-and-informatization-work-conference/

Си Цзиньпин, "Целостный взгляд на национальную безопасность", *В поисках истины* [求是],
На 4 декабря 2020 года. По состоянию на 22 апреля 2022 года:
http://en.qstheory.cn/2020-12/04/c_607611.htm

Си Цзиньпин, "Твердо продвигать общее процветание" [扎实推动共同富裕], *В поисках истины* [求是], 15 октября 2021 года. По состоянию на 15 сентября 2022 года:
http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-10/15/c_1127959365.htm

Си Цзиньпин, "Полный текст доклада Си Цзиньпина на 20-м съезде партии", Синьхуа, 16 октября 2022 года.

Сяо Тяньлян [肖天亮], *Наука военной стратегии* [战略学], Университет национальной обороны НОАК [中国人民解放军国防大学], 2020. Переведенная версия, предоставленная Университетом ВВС, доступна здесь:
https://www.airuniversity.af.edu/CASI/Display/Article/2913216/in-their-own-words-2020-science-of-military-strategy/

Сяомин Цзя [贾小明], *Исследование легитимности правления КПК* [共产党执政合法性研究], Партийная школа ЦК КПК [中共中央党校], 2003.

Синь Мэн, "Институциональные причины Великого голода в Китае, 1959-1961 гг.
Обзор экономических исследований, том 82, 2015.

Синьлян Бай [白新良], "Комментарий к литературной тюрьме династии Цяньлун" [乾隆朝文字狱述评], *Журнал Дворцового музея* [故宫博物院院刊], № 3, 1991.

Xiong Guangqing [熊光清], "The Change and Influence of Discourse Power in the Internet Age-An Analysis Based on the Dual Perspectives of Power and Rights" [网络时代话语权的变革及其影响-基于权力与权利双重视角的分

析], *Айсисян*, 28 сентября 2021 года. По состоянию на 4 августа 2022 года: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:C1atqL5sg9MJ:https://m.aisixiang.com/data/128766-2.html+&cd=2&hl=en&ct=clnk&gl=us&client=safari

Сюй, Вики Сючжун, "Китайская молодежь попала в ловушку культа национализма".
Foreign Policy, 1 октября 2019 года.

Сюй, Вики Сючжун, Даниэль Кейв, Джеймс Лейболд, Келси Манро и Натан Рузер, "Ухыгуры на продажу", Австралийский институт стратегической политики, 1 марта 2020 года.

Xu Yi, Bas van Leeuwen, and Jan Luiten van Zanden, *Urbanization in China, ca. 1100-1900*, working paper, Utrecht University, Center for Global Economic History, 2015.

Янь, Юньсян, "Политика морального кризиса в современном Китае", *Китайский журнал*, том 85, январь 2021 года.

Yang Haolin [杨昊霖] and Li Li [李莉], "Points Taken from Reviewing Armed Police Overseas Antiterrorist Operations" [对武警部队境外反恐行动的几点思考], *Legal System and Society* [法制与社会], Vol. 32, 2016.

Yang Hongying [杨鸿英], "From Beginning to End on Qianlong's Two Conquest of Dzungar" [乾隆朝两次平定准噶尔始末], *Journal of the Palace Museum* [故宫博物院院刊], No. 4, 1988.

Юнган Чжан [张勇安], "Китайско-американское сотрудничество против наркотиков: Process, Limits, and Strategic Options" [中美禁毒合作：过程、限度及战略选择], *Modern International Relations* [现代国际关系], Vol. 12, 2013.

Янг, Эндрю Т., "Политическая экономия феодализма в средневековой Европе".
Конституционная политическая экономия, том 32, ноябрь 2021 года.

Ю, Чунлинг и Лили Донг, "Сегментация молодых взрослых потребителей в Китае: Глобально-локальная перспектива культурной идентичности", *Международный журнал маркетинговых исследований*, том 11, № 1, 2019.

Yuan Ming [袁明], "Post-Cold War U.S.-China Policy American Strategic Elites and Sino-U.S. Relations" [冷战后美国对华政策探源-兼论美国 "战略精英 "和中美关系], *American Studies* [美国研究], Vol. 2, 1998.

Юань Пэн [袁鹏], "Пандемия коронавируса и столетие перемен" [新冠疫情与百年变局], *Айсисян*, 17 июня 2020 г.

Зенглейн, Макс Дж., "Переоцененный сектор услуг Китая", Mercator Institute for China Studies, 13 октября 2016 года.

Zhang Jiadong [张家栋], "Multi-Border War: The Possible Form of Future War" [多边疆战争：未来战争的可能形态], *Frontiers* [人民论坛-学术前沿], Vol. 1, 2021.

Чжан Нин [张宁], "О правящей легитимности Коммунистической партии Китая с точки зрения сравнительного исследования китайской и западной партийной политики" [中西政党政治比较视阈下的中国共产党

执政合法性研究], *Journal of Socialist Theory Guide* [理论导刊], Vol. 6, 2021.

Zhang Qingwu [张庆五], "The Evolution of the Household Registration Systemin Ancient China" [中国古代户籍制度的演变], *Development of Small Cities & Towns* [小城镇建设], Vol. 11, 2001.

Чжан, Шелдон Х. и Ко-Лин Чанг, "Народная война: борьба Китая за сдерживание проблемы нелегальных наркотиков", Институт Брукингса, 2016.

Чжан Чжидань [张志丹], "О новаторстве идеологии мейнстрима" [我国主流意识形态创新研究], *Современный мир и социализм* [当代世界与社会主义], 2020.

Чжао, Минхао, "Инициатива "Пояс и путь" и стратегическая конкуренция между Китаем и США", *Китайский международный стратегический обзор*, том 3, 2021.

Чжао, Сяохуа, "Стихийные бедствия и развитие китайской истории". *Журнал культурного взаимодействия в Восточной Азии*, том 7, № 1, 2021.

Чжао, Цзуосян [赵祚翔], ""Пояс и Дорожная инициатива": A New Engine Driving Economic Globalization" ["一带一路"：拉动经济全球化的新引擎], *Seeking Truth* [求是], март 2019. По состоянию на 2 июля 2022 года: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:cvcQp7FkxbgJ:www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2019-02/12/c_1124100732.htm+&cd=3&hl=en&ct=clnk&gl=us&client=safari

Чжэ Лян, Саймон Эпплтон и Лина Сонг, "Неформальная занятость в Китае: Тенденции, закономерности и детерминанты вступления", Институт экономики труда IZA, август 2016 года.

Чжэн, Сара, "Китай требует гарантий безопасности для пакистанских проектов "Пояс и путь" после террористических атак", *South China Morning Post*, 28 марта 2019 года.

Чжэн Шучунь [郑曙村], "Трансформация легитимности правительства КПК и выбор пути" [中国共产党执政合法性的转型及其路径选择], *История и философия литературы* [文史哲], 2005.

Zhu Xiaoning [朱小宁], "Future Wars Still Focus on Technology-Argument Against Infowar Supremacy" [未来战争中战术仍然重于技术-兼驳 "信息制胜 "论], *Conmilit* [现代军事], Vol. 8, 1998.

Чжу, Ючао, ""Легитимность деятельности" и стратегия политической адаптации Китая", *Журнал китайской политологии*, том 16, № 2, 2011.

Цзы Ян, "Обеспечение безопасности китайской инициативы "Пояс и путь"", Институт мира США, 26 ноября 2018 года.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

В докладе рассматривается, как может развиваться соперничество между США и Китаем в условиях, характеризующихся сочетанием одних аспектов современной жизни с гораздо более существенным ослаблением или регрессом других аспектов, то есть в условиях, которые мы рассматриваем.

В докладе изложены основные тенденции, которые в совокупности позволяют предположить, что будущее соперничество между США и Китаем будет мало похоже на титаническую борьбу последних двух столетий. Соперничество между США и Китаем в мирное время, похоже, будет разворачиваться в условиях, характеризующихся высокой степенью
международного беспорядка, упадка государственного потенциала, повсеместных и острых внутренних проблем и серьезных ограничений, налагаемых экономическими и социальными факторами, которые значительно отличаются от тех, с которыми индустриальные национальные государства сталкивались в XIX и XX веках. Эти тенденции взаимодействуют друг с другом и усугубляют друг друга, и вряд ли их удастся обратить вспять. Чистым результатом будет значительное ослабление практически всех государств, включая США и Китай. В то же время, серьезная ограниченность ресурсов и практически подавляющее число угроз приведут к напряжению вооруженных сил США и Китая и снижению их способности противостоять друг другу. Многие теории и идеи о том, почему и как великие державы конкурируют, возможно, придется пересмотреть.

$34.00

ISBN-10 1-9774-1097-9
ISBN-13 978-1-9774-1097-9

www.rand.org 9

RR-A1887-1